

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

9/2017 (8)

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

выпуск 12

Апатиты
2017

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра

9/2017 (8)

издается с декабря 2010 г.

УДК 621.314

ISSN 2307-5252

Главный редактор –
чл.-корр., д.г.-м.н., проф. С. В. Кривовичев
Заместители главного редактора:
д.г.-м.н., проф. В. П. Петров
д.т.н., проф. Б. В. Ефимов

Редакционный совет:
академик Г. Г. Матишов,
академик Н. Н. Мельников,
чл.-корр. В. К. Жиров,
чл.-корр. А. Н. Николаев,
д.э.н. Ф. Д. Ларичкин,
д.т.н. В. А. Маслобоев,
д.г.-м.н. В. П. Петров (зам. главного редактора),
д.т.н. В. А. Путилов,
д.ф.-м.н. Е. Д. Терещенко,
к.г.-м.н. А. Н. Виноградов (отв. секретарь)

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

выпуск 12

Редакционная коллегия серии
«Гуманитарные исследования»:
д.г.-м.н. В. П. Петров (отв. редактор),
д.и.н. И. А. Разумова (зам. отв. редактора),
д.и.н. И. Ю. Винокурова,
д.филол.н. Н. В. Дранникова,
к.филол.н. Н. Н. Измоденова,
к.социол.н. Э. С. Клюкина,
д.э.н. Т. П. Скуфьина,
д.и.н. П. В. Федоров,
к.и.н. О. В. Шабалина,
к.и.н. О. А. Бодрова (секретарь)

Научное издание

Технический редактор: В. Ю. Жиганов
Редактор С. А. Шарам

184209, Мурманская область, г. Апатиты, ул. Ферсмана,
14, Кольский научный центр РАН
Тел.: (81555) 79393, 79380, факс: (81555) 76425
E-mail: admin@admksk.apatity.ru, <http://www.kolasc.net.ru>

Подписано к печати 24.10.2017. Формат бумаги 70×108 1/16.
Усл. печ. л. 13.13. Заказ № 45. Тираж 300 экз.
ФГБУН КНЦ РАН
184209, г. Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14

© Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Федерального государственного бюджетного учреждения науки Кольского научного центра Российской академии наук, 2017
© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Кольского научного центра Российской академии наук, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Токарев А. Д., Петров В. П., Макарова Е. И.	5
Саморукова А. Г., Петров В. П.	20
Дюжилов С. А.	30
Шабалина О. В.	46
Иванова М. В., Казакова К. С., Шабалина О. В.	61
Бодрова О.А., Сулейманова О.А.	76
Бусырева Е.В.	85
Давыдова А. С.	96
Аспирантские тетради	
Мулин К. В.	107
Лихачёв В. А.	113
Научная жизнь	
Давыдова А. С.	121
Разумова И. А.	125
Ad Memoriam	
Петров В. П., Токарев А. Д.	131
Макарова Е. И.	143

Russian Academy of Sciences

transactions

Kola Science Centre

9/2017 (8)

Published since 2010

UDC 621.314

ISSN 2307-5252

Editor-in-Chief –
S. V. Krivovichev, Cor. Member, Dr.Sc. (Geology and
Mineralogy)

Deputy Editors-in-Chief:
Prof. V. P. Petrov,
Prof. B. V. Efimov

Editorial Council:

Acad. G. G. Matishov,
Acad. N. N. Melnikov,
Cor. Member V. K. Zhironov,
Cor. Member A. N. Nikolaev,
Prof. F. D. Larichkin,
Prof. V. A. Masloboev,
Prof. V. P. Petrov (Deputy Editor-in-Chief),
Prof. V. A. Putilov,
Prof. E. D. Tereshchenko,
Prof. A. N. Vinogradov (Executive Secretary)

HUMANITARIAN STUDIES series 12

Editorial Council of
«Humanitarian studies» Series:

Prof. V. P. Petrov (Editor-in-Chief),
Prof. I. A. Razumova (Deputy Editor-in-Chief),
Prof. I. Ju. Vinokurova,
Prof. N. V. Drannikova,
PhD (Philosophy) N. N. Izmodenova,
PhD (Sociol.) E. S. Klyukina,
Prof. T. P. Skufina,
Prof. P. V. Fedorov,
PhD (History) O. V. Shabalina,
PhD (History) O. A. Bodrova (Secretary)

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region, 184209, Russia
Tel. (81555) 79393, 79380. Fax: (81555) 76425
E-mail: admin@admksk.apatity.ru, <http://www.kolasc.net.ru>

© Barents Center of Humanities KSC RAS, 2017
© Kola Science Centre of Russian Academy of Sciences, 2017

CONTENTS

	Page
Tokarev A. D., Petrov V. P., Makarova E. I.	The creation of apatite industry in the Khibiny area (Kola peninsula) as a historical experience in the economic development of the polar region in the early Soviet period (the 1920s – 1930s) 5
Samorukova A. G., Petrov V. P.	Experience in organization of cooperation between the academic science and production: the Kola branch of the USSR Academy of science — PO Apatit (1960–1980) 20
Dyuzhilov S. A.	The changed North (the role of POSVIR in the Kola Polar Region modernization, 1920s – 1930s). Part 1 — the 1920s. 30
Shabalina O. V.	Materials of academic archives as sources to the biography of the arctic research: Maria Alekseevna Lavrova (1887 – after 1969) 46
Ivanova M. V., Kazakova K. S., Shabalina O. V.	Experience of socio-economic and cultural development of the Arctic zone of the Russian Federation in the 19 — the early 20th cent.: considering the source base of the study 61
Bodrova O. A., Suleymanova O. A.	The ethnographic mannequin as a representation of ethnicity. Concerning the centenary of the 1867 Ethnographic exhibition 76
Busyreva E. V.	Cultural practices in families with karelian and vepski roots 85
Davydova A. S.	Participants in the construction of churches in the representations of the urban population of the Murmansk region 96
Postgraduate Notebooks	
Mulin K. V.	New pages in the history of the Kola Science Centre RAS (review of declassified materials for 1939–1959) 107
Likhachev V. A.	Rock carvings of Kanozero: new methods of documentation and the new findings 113
Scientific Life	
Davydova A. S.	Russian North: utopia and mobility. On the fourth scientific readings of the memory of K.V. Chistov 121
Razumova I. A.	All-Russian scientific youth school for the study of popular culture 125
Ad Memoriam	
Petrov V. P., Tokarev A. D.	Some sketches to A.V. Sidorenko's portrait and his role as the creator of academic science in the Kola North (to the 100th anniversary of the birthday) 131
Makarova E. I.	Igor Vladimirovich Belkov in the history of the geology of the Kola North: to the 100th anniversary of the birthday 143

УДК 061.62:94 (470.21)

А. Д. Токарев, В. П. Петров, Е. И. Макарова

**СОЗДАНИЕ АПАТИТОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ХИБИНАХ
(КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ) КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ РАННЕСОВЕТСКИЙ ОПЫТ
ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПОЛЯРНОГО РЕГИОНА В 1920 -1930-Х ГГ.**

Аннотация

Рассмотрена история освоения Хибинских месторождений апатито-нефелиновых руд в 20–30-е годы прошлого столетия. В мировой практике это был первый опыт создания в суровых условиях Заполярья крупного промышленного центра с развитой инфраструктурой в столь короткие сроки. В статье показана определяющая роль государства в организации и поиске новых форм эффективного взаимодействия советских и партийных органов различных уровней с научными учреждениями, производственными организациями и зарождающимся бизнесом в решении сложнейших народно-хозяйственных и социально-экономических задач.

Ключевые слова:

государство, наука, производство, взаимодействие, исторический опыт, Хибины, апатит, горно-химический комплекс.

A. D. Tokarev, V. P. Petrov, E. I. Makarova

**THE CREATION OF APATITE INDUSTRY IN THE Khibiny AREA
(KOLA PENINSULA) AS A HISTORICAL EXPERIENCE IN THE ECONOMIC
DEVELOPMENT OF THE POLAR REGION IN THE EARLY SOVIET PERIOD
(THE 1920s – 1930s)**

Abstract

The paper considers the history of the Khibiny apatite-nepheline ores development in the 1920s–1930s of the last century as an experience of construction of a large industrial centre with the developed infrastructure, which, for the first time, took place under the severe Arctic region conditions during a short period of time. Considered in the paper is the leading role of the government in organization and searching for new forms of effective interaction between various Soviet and party organs and scientific institutions, industrial organizations and the arising business in solution of the most complicated national-and-economic and social-and-economic problems.

Keywords:

the state, science, production, interaction, historical experience, the Khibiny, apatite, a mining-and-chemical complex.

Цивилизационное развитие Арктической зоны России, связанное в определённом аспекте и с освоением природных ресурсов, предполагает решение широкого комплекса сложнейших научных, научно-технологических, социально-экономических проблем. В этой связи особое значение может иметь опыт освоения безжизненных северных территорий в далёкие 20–30 годы XX в., как первые народно-хозяйственные практики. На Кольском полуострове, северной окраине бывшей Российской империи, на практически безлюдной территории, где редко ступала нога человека, в условиях тяжелейшей экономической ситуации в течение двух десятилетий был создан мощный горно-промышленный комплекс, который позволил обеспечить страну важнейшими

минеральными ресурсами. Таких темпов освоения новых неизведанных арктических районов не имела ни одна страна мира.

В рамках данной статьи мы рассмотрим опыт создания лишь одной из частей этого комплекса — апатитовой промышленности в Хибинах.

Советское государство с первых лет своего существования вынуждено было обратить самое серьезное внимание на производство минеральных удобрений как необходимого условия развития сельского хозяйства и решения продовольственной проблемы страны. Уже в 1919 г. был организован специальный институт — Центральный научно-исследовательский институт по удобрениям. С 1925 г. государство начало планомерное проектирование и постройку новых рудников и заводов по производству удобрений. В результате предпринятых мер, сельское хозяйство страны уже в 1928 г. получило вдвое больше удобрений по сравнению с 1913 годом. Однако обеспечить в полном объеме развивающееся сельское хозяйство страны не представлялось возможным. Лишь 1,6 % разведанного фонда фосфоритных месторождений отвечало требованиям, предъявляемым при производстве стандартного суперфосфата, а использовавшиеся марокканские фосфориты приходилось покупать за валюту [Соловьянов, 1930: 248–249].

История открытия на Кольском полуострове апатита, который является в настоящее время одним из главных минеральных источников для фосфатных удобрений, начиналась в конце девятнадцатого — начале двадцатого веков с обнаружения известным кристаллографом Е. С. Федоровым небольших его скоплений на мысе Турий. В дальнейшем он совместно с Д. Н. Прянишниковым провели опыты по использованию апатита в качестве удобрения для сельского хозяйства. Полученные результаты оказались перспективными, но только при Советской власти на это научное открытие было обращено должное внимание, в частности руководителем Хибинского опытного пункта И. Г. Эйхфельдом. В своем письме от 15 октября 1934 г в Комиссию по истории Хибинского округа он писал: «Высылаю <...> дело № 1 за 1923 год с выпиской из статьи Е. С. Федорова, толкнувшей меня на использование апатитов» [Соловьев, 1957: 46].

В марте 1920 г. по постановлению СТО создается Северная научно-промышленная экспедиция (с 1925 года Институт по изучению Севера) под руководством Р. Л. Самойловича. В задачу работ экспедиции входит изучение производительных сил Севера, координация и руководство научно-практическими работами всех учреждений (независимо от их ведомственной принадлежности) от Кольского полуострова на западе до Берингова пролива на востоке. Председателем Ученого Совета экспедиции назначается президент Академии наук академик А. П. Карпинский. Уже 4 июня 1920 года по заданию Северной научно-промышленной экспедиции на Север направляется специальная комиссия во главе с академиком А. П. Карпинским, в задачу которой входило оценить перспективы использования природных ресурсов вдоль Мурманской железной дороги, обеспечивающей выход из центральных районов России к незамерзающим водам Баренцева моря. Входивший в состав комиссии академик А. Е. Ферсман, во время остановки на станции Имандра обнаружил на горе Маннепахк неизвестные для него породы. Под руководством А. Е. Ферсмана разворачиваются минералого-геохимические исследования, которые на этой стадии в основном представляли научный интерес, но явились той незримой нитью, которая привела к открытию месторождений нового минерального сырья.

В условиях разлуки народного хозяйства, отсутствия в надлежащем количестве финансовых и материальных ресурсов, государству приходилось по отдельным направлениям изыскивать особые методы ведения народного хозяйства. Одним из таких шагов явилась организация на основании постановления СТО от 25 мая 1923 года транспортно-промышленного колонизационного комбината Мурманской железной дороги. На него были возложены не только транспортные, но и хозяйственные функции. Комбинату была выделена полоса территории на протяжении всей железной дороги в 3 млн десятин, где он должен был использовать природные богатства (лес, рыбу, минералы и т.п.), развивать промышленность и сельское хозяйство, заселять территорию, предоставляя различные льготы и материальную помощь переселенцам, восстанавливать и реконструировать железную дорогу, порты, а также наладить грузопоток для почти бездействовавшей в то время Мурманской железной дороги [Соловьев, 1957: 47]. Финансирование комбината государством не проводилось, а средства для осуществления работ комбинат должен был получать за счет своей хозяйственной деятельности. За счет заработанных средств стимулировалось и проведение научно-изыскательских работ. Так, при финансовой поддержке Колонизационного отдела Мурманской железной дороги в 1926–1927 годах происходит открытие А. Н. Лабунцовым апатитовых месторождений в Хибинских горах. Это событие явилось прологом в консолидации усилий по освоению природных ресурсов Хибин, со стороны государства, науки и зарождающегося бизнеса. В заявочных столбах на вновь открытых месторождениях в районе Расвумчорра А. Н. Лабунцов указывает этот триумвират и дату открытия месторождения – «М.Ж.Д. С.И. 1926–7/IX А.Н.Л. – М.Ж.Д. — Мурманская железная дорога (Колонизационный отдел) — финансирование работ, С.И. — Институт по изучению Севера — организатор по проведению изыскательских работ со стороны государства, А.Н.Л — Александр Николаевич Лабунцов, сотрудник Минералогического музея АН СССР» [Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 20].

На основании предварительных результатов работ запасы ориентировочно составляли 2 млн т. О результатах своих открытий А. Н. Лабунцов сообщил академику А. Е. Ферсману через студента А. А. Саукова (будущего член-корреспондента АН СССР), который принимал участие в полевых работах. По предложению А. Е. Ферсмана А. А. Сауков доложил о результатах полевых исследований группе ученых, в составе которой был Р. Л. Самойлович, директор Института по изучению Севера, Д. И. Щербаков, заведующий геолого-геохимическим отделом Радиевого Института, В. И. Влодавец, сотрудник Института по изучению Севера. Сообщение оказалось таким ошеломляющим, что для подтверждения открытых запасов апатитовых руд в Хибинь выезжает авторитетная комиссия в составе: Р. Л. Самойловича, Д. И. Щербакова и П. А. Борисова, профессора кафедры геологии Ленинградского сельскохозяйственного института. В результате обследования комиссия сделала вывод, что данные рудопроявления могут иметь промышленное значение [Сауков, 1965: 135]. В конце 1926 года к исследованиям апатито-нефелиновых пород подключается еще один из талантливых научных исследователей земледелия Севера И. Г. Эйхфельд. В октябре-ноябре 1926 года группа в составе И. Г. Эйхфельда, Г. М. Крепса, П. Ф. Семерова и саами-оленевода З. Куимова по поручению Колонизационного

отдела Мурманской железной дороги и Института по изучению Севера добыла и вывезла к разъезду Белый на оленьих упряжках 100 пудов апатитовой руды для лабораторных исследований и частично для проведения опытных работ по использованию руды в качестве минеральных удобрений [Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 21].

Пробные партии апатито-нефелиновой породы, добытые в 1926 г., были исследованы по минералогическому составу и процентному содержанию P_2O_5 . Проба, взятая из средней самой богатой части Расвумчоррского месторождения, содержала около 60 % апатита (25,9 % P_2O_5), около 35 % нефелина и 5 % второстепенных минералов: эгирина, сфена и др.

Исследования были продолжены в 1927 году. На средства в размере 1000 руб., отпущенные Колонизационным отделом Институту по изучению Севера, отрядом А. Н. Лабунцова были проведены дальнейшие исследования Хибин. Было подробно обследовано апатито-нефелиновое месторождение Кукисвумчорра, найдено и обследовано аналогичное месторождение на Юкспоре, обнаружены два коренных выхода апатито-нефелиновой породы на Поачвумчорре [Лабунцов, 1930: 30-32]. Результаты исследований А. Н. Лабунцова в 1926–1927 годах представлены на рис. 1.

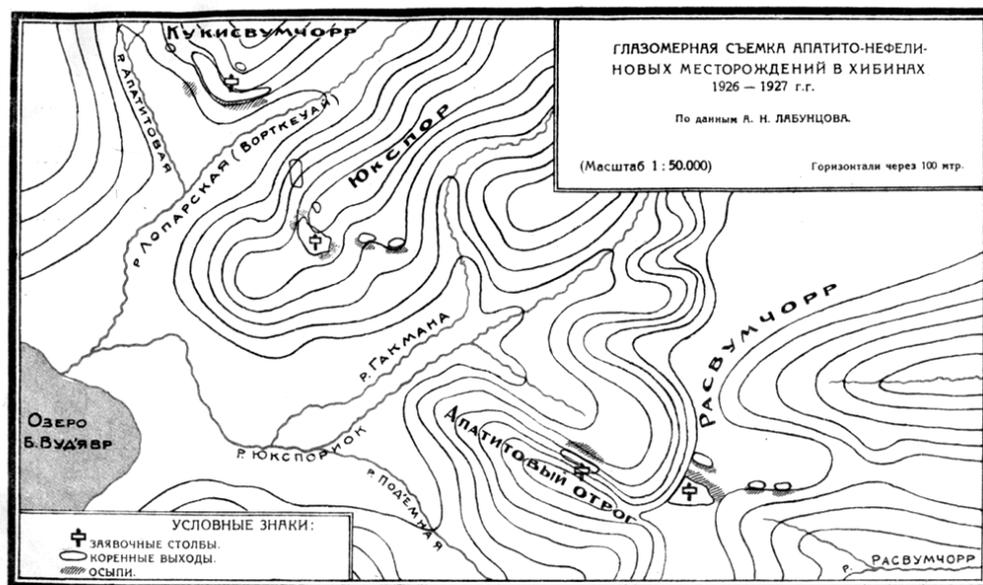

Рис. 1. Результаты поисковых работ в Хибинах отрядов под руководством А. Н. Лабунцова в 1926–1927 гг. [Лабунцов, 1930: Вкладка к С. 30.]

На представленной карте показаны выявленные участки коренных пород апатитонефелиновых руд и установленные там заявочные столбы. В 1926–1927 гг. А. Н. Лабунцов, как сотрудник Академии наук СССР, публикует ряд статей, в которых первым по достоинству оценивает хибинский апатит и призывает к продолжению исследовательских работ в Хибинах. Однако открытия,

сделанные А. Н. Лабунцовым, в то время не получили прямой поддержки со стороны государства.

Вопрос необходимости резкого увеличения производства минеральных удобрений на собственной сырьевой базе возникает в связи с интенсивной химизацией народного хозяйства и начавшейся коллективизацией сельского хозяйства страны. Проблема налаживания производства минеральных удобрений становится важной государственной задачей.

IV съезд Советов (апрель 1927 г.) предложил правительству следующие меры: «Ввиду все повышающегося значения химической промышленности во всех областях народного хозяйства, и в особенности в деле производства химических удобрений для сельского хозяйства (калий, фосфор, азот и др.) <...> впредь выделять достаточное количество средств для ее развития наряду с другими отраслями тяжелой индустрии» [Съезды Советов, 1935: 369]. В документах XV съезда ВКП(б), состоявшегося в декабре 1927 года и провозгласившего курс на коллективизацию сельского хозяйства, указывается, что одним из методов планового воздействия на крестьянство и факторов, стимулирующих переход к коллективным формам обработки земли, является снабжение кооперативных объединений минеральными удобрениями [XV съезд ВКП(б), 1933: 97].

Академическая наука сразу отреагировала на возникшую проблему и 14 марта 1928 г. в правительство от группы ученых поступает специальная записка, посвященная развитию химической науки и промышленности в СССР, за подписью А. Н. Баха, И. М. Губкина, Н. С. Курнакова, Н. И. Вавилова, И. Л. Зелинского, Д. Н. Прянишникова, А. Е. Фаворского, А. Е. Ферсмана. Правительство поручило специальной комиссии в составе Я. Э. Рудзутака (председатель), Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышева, Н. П. Горбунова, А. И. Микояна и Г. М. Кржижановского рассмотреть записку ученых в двухнедельный срок и «выработать ряд мероприятий, из нее вытекающих, а также ряд конкретных мер для улучшения научно-исследовательского дела в СССР» [Собрание законов и распоряжений Правительства СССР, 1928: 169].

СНК СССР постановлением «О мероприятиях по химизации народного хозяйства СССР» от 28 апреля 1928 г. при ВСНХ создает Комитет по химизации народного хозяйства СССР, который возглавил заместитель председателя СНК СССР Я. Э. Рудзук, его заместителями были назначены В. В. Куйбышев, А. Н. Бах и Г. М. Кржижановский [Решения партии и правительства, 1967: 720–723].

Институт по изучению Севера и Колонизационный отдел Мурманской железной дороги, заинтересованные в расширении разведочных работ на вновь открытых месторождениях апатита, в 1928 году направляют в Хибины отряд под руководством инженера В. И. Влодавца, т.к. А. Н. Лабунцов командирован в Афганистан для выполнения специального задания. В результате проведенных работ под руководством В. И. Влодавца разведанные запасы увеличиваются до 140 млн т.

Проблема увеличения производства минеральных удобрений к этому времени становится одной из важнейших задач государства и находит отражение в решениях пленумов ЦК ВКП(б) в 1928–1929 гг., на XVI партийной конференции и V съезде Советов СССР. Развитие фосфорно-туковой промышленности обсуждается на государственном уровне, так сырьевая секция Комитета по химизации народного хозяйства СССР при СНК СССР 6 февраля

1929 года заслушивает сообщение А. Е. Ферсмана и В. И. Влодавца о хибинском апатите и постановляет: «а) признать за хибинскими апатитовыми и пирротиновыми месторождениями общесоюзное значение с точки зрения развития фосфатно-туковой промышленности и добычи фосфорно-кислых удобрений; <...> в) просить ВСНХ: 1) Впредь до образования соответствующего хозоргана поручить Ленинградскому областному совету народного хозяйства теперь же организовать исследования указанных месторождений с привлечением к этой делу Академию наук, Геолком, Институт по изучению Севера, Институт по удобрениям, Институт по механической обработке полезных ископаемых («Механообр»), колонизационный отдел Мурманской железной дороги» [Хибинские апатиты, 1930: 282].

Проблема промышленного освоения апатитовых месторождений Хибин становится одной из приоритетных задач для руководства Ленинградской области. С. М. Киров, руководитель Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) и первый секретарь Ленинградского обкома, на II Ленинградской областной партийной конференции, 9 марта 1929 г., ставит задачу по промышленному освоению апатита, как источника минеральных удобрений, и активно подключается к ее решению [Соловьев, 1958: 50]. Вскоре после конференции 9 марта 1929 г. в Смольный, к С. М. Кирову приглашается А. Н. Лабунцов для доклада о запасах апатита и перспективах его разработки [ЦГА Санкт-Петербурга. Ф. Р-9386. Оп. 1. Д. 106. Л. 49].

17 марта 1929 года при содействии С. М. Кирова при Ленинградском совнархозе создается Апатит-нефелиновая комиссия Главхима ВСНХ СССР, в состав которой вошли представители Академии наук, Геолкома, института по изучению Севера, Института Удобрений, колонизационного отдела Мурманской железной дороги, Промэкспорта, Механообра. Руководителем комиссии был назначен председатель Ленинградского исполкома И. Ф. Кодацкий [Апатит из века в век, 2009: С. 15–16]. А. Е. Ферсман в своих воспоминаниях, так пишет об этом времени: «Именно тогда мне впервые пришлось встретиться с Сергеем Мироновичем, и я, помню, ему подробно докладывал и свои соображения, и свои планы об использовании апатита» [Ферсман, 1934: 7].

В это же время в специальном постановлении Совета Труда и Оборона «О мероприятиях по производству минеральных удобрений на 1929/30 г.» научному Институту по удобрениям и Геолкому поручается усилить поиски новых месторождений фосфорного сырья. Для этого были отпущены соответствующие средства [Соловьев, 1958: 48]. В 1929 году Научный институт по удобрениям для проведения геолого-поисковых исследований в Хибинах направляет три отряда под руководством Б.М. Куплетского, В.И. Влодавца и А. Н. Лабунцова. Результаты научных исследований, порядок открытия и оценка запасов апатито-нефелиновых месторождений в Хибинах за период 1921–1929 гг. показаны на рис. 2.

Для проведения промышленной разведки Кукисвумчоррского месторождения горно-геологический отдел того же института направляет геолого-разведочную партию под руководством М. П. Фивега. 7 июня 1929 года считается отправной точкой в промышленном освоении Хибин. В этот день на разъезд Белый прибывает партия из 18 геологов и рабочих. Разворачиваются работы по строительству гужевой дороги и доставке буровой техники для проведения разведочных работ. 18 июня 1929 года построен первый

стандартный дом и технический персонал партии перебирается из дощатого шалаша в этот дом. В Хибины начинают прибывать все новые отряды геологов и рабочих [Соловьев, 1958: 49].

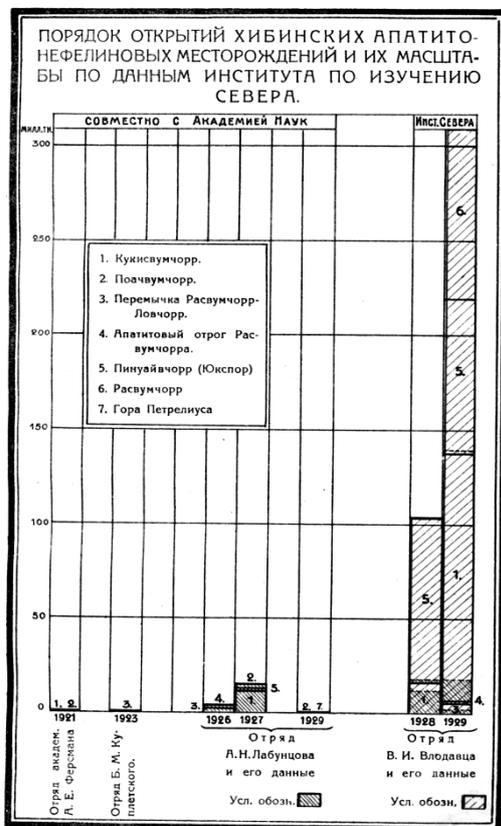

Рис. 2. Порядок открытия Хибинских месторождений в 1921-1929 гг. [Влодавец, 1930: Вкладка к С. 40]

Активную роль в деле промышленного освоения Хибин осуществляла и Академия наук. В августе 1929 года А.Е. Ферсман делает доклад в Президиуме Комитета по химизации народного хозяйства СССР при СНК СССР по вопросам запасов, эксплуатации, постройки железнодорожной сетки, научно-исследовательских работ, связанных с применением апатита в фосфато-туковой и в стекольной промышленности. 2–3 сентября 1929 года, в Апатитовом городке, проводится выездное расширенное заседание Апатито-нефелиновой комиссии, на котором были подведены первые итоги подготовки к широкому освоению Хибинских месторождений и определены перспективы их дальнейшего развития.

Совет Труда и Оборона СССР 11 сентября 1929 года поручает Госплану РСФСР рассмотреть «хибинский вопрос», а 4 октября 1929 года Президиум Госплана СССР, заслушав доклад А. Е. Ферсмана о состоянии и перспективах апатитового дела, признает за хибинскими апатитами по их химическим свойствам и величине запасов первостепенное значение, как в деле обеспечения

Союза ССР фосфорным сырьем, так и в развертывании нашего экспорта. По итогам заседания принято постановление о постройке железнодорожной ветки к месторождениям, сооружению обогатительной фабрики, закладке рудника и рабочего поселка. Президиумом Госплана, также отмечена заслуга научных работников, занимающихся изучением Хибинских апатитов, в особенности роль геолога А. Н. Лабунцова и академика А. Е. Ферсмана [Хибинские апатиты, 1930: 284–286]. Признание государством заслуг ученых явилось подтверждением значительного вклада Академии наук СССР в освоении Хибинских месторождений.

Экономический совет РСФСР 5 октября 1929 года принимает постановление по Хибинским апатито-нефелиновым месторождениям, признав их первостепенное значение для народного хозяйства СССР, обязав создать предприятие по разработке и добыче апатита. 29 октября 1929 года президиум ВСНХ СССР под председательством В. В. Куйбышева поручил ВСНХ РСФСР создать трест республиканского значения с подчинением Ленинградскому областному совету народного хозяйства. 13 ноября 1929 года был создан трест «Апатит», а в декабре 1929 года по постановлению СТО СССР он был включен в число предприятий общесоюзного значения и передан в ведение ВСНХ СССР [Хибинские апатиты, 1930: 287–289].

25 октября 1929 года академик А. Е. Ферсман публикует фундаментальную работу «Апатито-нефелиновая проблема Хибинских тундр», в которой проведен детальный анализ состояния апатито-нефелиновой проблемы и определены пути развития промышленности и науки по использованию Хибинских месторождений. Выделены три этапа промышленного освоения Хибинских месторождений, в которых определена очередность хозяйственных мероприятий по их разработке [Ферсман, 1929: 93].

Проблема освоения Хибинских месторождений находилась под пристальным вниманием советских и партийных органов Ленинградской области. Ноябрьский пленум Ленинградского обкома ВКП(б) в своем постановлении отметил актуальное значение хибинских апатитов для индустриализации Советского Союза. А 1 января 1930 г. С. М. Киров лично приехал в Хибины, организовал совещание в п. Кукисвумчорр и вместе с комиссией обкомовских работников и специалистов обсудил результаты разведочных работ. Внимательно выслушав доклад М. П. Фивега, С. М. Киров задал ряд вопросов о предполагаемых предельных запасах апатита, для того чтобы определить масштабы будущих работ. Ответив на многочисленные вопросы, С. М. Киров заверил геологов и рабочих в том, что в скором времени в Хибинах будет развернуто большое строительство. [Фивег, 1935: 3]

Безусловно, что такое внимание со стороны высшей партийной власти в лице С. М. Кирова повлияло на дальнейший ход строительства. Возвратившись в Ленинград, С. М. Киров принимает ряд конкретных мер, направленных на разрешение первоочередных задач Хибинского строительства. Он посещает институт «Механобр», детально знакомится с состоянием работы по обогащению апатита и дает указание ускорить ее завершение [ЦГА Санкт-Петербурга. Ф. Р-9386. Оп. 1. Д. 106. Л. 4–5].

В это время на первый план выдвигаются работы по совершенствованию технологии переработки апатито-нефелиновых руд. К решению проблемы подключается отраслевая наука. В первой половине 1930 г. была одержана

серьезная победа в деле промышленного использования апатита. Работники Института по удобрениям под руководством проф. С. И. Вольфовича совместно с инженерами Чернореченского завода, института «Механобр» получили суперфосфат высокого качества из Хибинской апатитовой руды. Первые заводские опыты получения суперфосфата из апатитовой руды были либо вовсе неудачными, либо давали пониженное содержание фосфорной кислоты (12 % вместо 14–15%). Это дало повод для резко отрицательных отзывов о новом сырье. Так, специалисты химической фабрики в Кельне утверждали, что Кольские фосфаты совершенно не годятся для производства суперфосфатов, так как их кристаллическая структура препятствует растворению фосфора [Соловьев, 1958: 51].

Сотрудники треста «Апатит» и группа ученых НИУ (С. И. Вольфович, А. И. Шерешевский, А. А. Соколовский, Н. Н. Постников, Н. И. Крючков, С. К. Воскресенский и др.), при содействии Ленинградского обкома ВКП(б), развернули разносторонние научно-исследовательские работы по промышленному использованию апатита. Энергичные усилия энтузиастов «apatитового дела» помогли блестяще разрешить проблему выработки высококачественного суперфосфата из хибинского сырья. Была доказана не только возможность, но и большая техническая и экономическая целесообразность переработки апатитового концентрата на суперфосфат хорошего качества.

Коллектив работников института «Механобр» (К. К. Лиандов, Г. Е. Смирнов, В. Ю. Бранд, М. И. Шебловинский, Г. Б. Прудов и др.) в результате упорной работы за короткий срок впервые в истории горнорудной промышленности разработал схему обогащения апатита флотационным способом [Соловьев, 1958: 52].

Учитывая достигнутые результаты, секретариат Ленинградского обкома ВКП(б) 26 февраля 1930 г. специально обсудил вопрос о работе треста «Апатит». В решении секретариата был намечен комплекс конкретных мероприятий, необходимых для создания крупной апатитовой промышленности и хозяйственного освоения Хибин, а именно: строительство горняцкого поселка и рудничных сооружений для добычи 500 тыс. т апатитовой руды. Предполагалось уже к концу 1930 г. добыть 150 тыс. т руды (позднее обком ВКП(б) предложил увеличить программу до 250 тыс. т), построить обогатительную фабрику и электростанцию в Хибинах. Фракции ВКП(б) правлений институтов «Механобр», «Гипрошахт» и «Теплосила» обязывались в намеченные сроки составить проекты обогатительной фабрики, рудника и электростанции. Окончание строительства железнодорожной ветки намечалось на 1 августа 1930 года. Леноблсовнархозу и руководству треста «Апатит» предлагалось немедленно укомплектовать аппарат треста и рудник техническим персоналом и квалифицированной рабочей силой. Коммунистам облисполкома было поручено составить план заселения Хибин, а Мурманскому окрисполкому — руководить этим заселением. Мурманский окружком ВКП(б) должен был усилить политическое и хозяйственное руководство строительством в Хибинах. Для реализации принятых решений в Хибинь было направлено более 100 коммунистов для усиления состава руководства треста «Апатит» [Соловьев, 1958: 52].

1 июля 1930 г. состоялось торжественное досрочное открытие железнодорожной ветки протяжением в 29 км. Для дальнейшего планового развития Хибинского строительства требовалось решить ряд принципиальных вопросов, и прежде всего, определить масштабы стройки и создать надлежащие условия для всестороннего освоения Хибин. Политбюро ЦК ВКП(б), заслушав на заседании 15 мая 1930 г. доклад управляющего трестом «Апатит» В. И. Кондрикова, обязало трест форсированно развивать апатитовую промышленность, организовать в Хибинах строительство обогатительной фабрики и гидроэлектростанции на р. Ниве [ЦГА Санкт-Петербурга. Ф. Р-9386. Оп. 1. Д. 80. Л. 93].

Руководствуясь решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 г., Президиум ВСНХ СССР 29 мая 1930 г. обсудил конкретные вопросы Хибинского строительства. Уже через два дня Совет Труда и Оборона (СТО) принял постановление о выделении 20 млн руб. на строительство Нивской гидроэлектростанции мощностью в 60 тыс. квт, утвердил финансовый план треста «Апатит» на 1930 г. в сумме 12 млн руб. и план добычи апатита — 250 тыс. т. Кроме того, было выделено 1 млн руб. (валютой) на закупку иностранного оборудования для обогатительной фабрики и рудника [Соловьев, 1958: 51].

Поддержка со стороны правительства обеспечили интенсивное строительство промышленного комплекса и его инфраструктуры. В Хибинской тундре появились два населенных пункта: горняцкий поселок около горы Кукисвумчорр и первый социалистический город с населением 32 тыс. жителей, расположившийся на берегу озера Большой Вудьявр. Первая новостройка — жилой дом на территории будущего города (19-км) был построен 15 мая 1930 г., а к концу года вступило в строй 12555 кв. м жилой площади в рубленых и стандартных домах [ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 7. Л. 11].

На создание зарождающегося Кольского промышленного комплекса были привлечены десятки научно-исследовательских институтов, крупных лабораторий, заводов и фабрик. Общую картину всей научной исследовательской, опытной и проектной работы, обеспечивающей потребности развития треста «Апатит», можно проследить в контексте разрабатываемых вопросов и совместного тематического плана Бюро НИС'а Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП) с трестом «Апатит» в 1931 и 1932 годах.

К началу 1931 года тематический план работ по апатито-нефелиновому комплексу достиг 47 названий (без геологоразведки). Такой размах вызвал необходимость создания для треста «Апатит» специального объединяющего, контролирующего и консультативного научно-исследовательского органа с привлечением в него ведущих ученых и специалистов целого ряда других учреждений. Таким органом явился созданный при тресте 10 марта 1931 г. Научно-Технический Совет (НТС). Практика деятельности НТСа выдвинула, в свою очередь, необходимость новых широкомасштабных форм работы с привлечением научно-исследовательских учреждений НКТП и других организаций. Для придания аппарату, руководящему научно-исследовательской работой, большей авторитетности и больших прав и возможностей по сравнению с НТС'ом треста после соответственного обсуждения этого вопроса в тресте, а также с Н. И. Бухариным (в 1929-1932 гг. — член Президиума ВСНХ СССР, зав. научно-техническим управлением, с 1932 член коллегии Наркомата тяжелой промышленности СССР) на базе НТСа было организовано 18 октября

1931 г. специальное Научно Исследовательское Бюро по вопросам комплексного использования хибинской апатито-нефелиновой породы при НИС ВСНХ СССР. Согласно приказу ВСНХ решения и постановления Бюро, а также заявки на проведение научно-исследовательских работ в научных институтах и хозяйственных объединениях системы ВСНХ были признаны отныне *обязательными* к выполнению.

Перед Бюро были поставлены следующие задачи: объединение, планирование и координирование научно-исследовательских работ; рассмотрение новых возможностей использования апатито-нефелиновой руды и организация работ в этом направлении с внедрением достижений институтов в промышленность; созыв съездов и конференций; проведение консультаций и содействие обмену опытом; издание специальной печатного органа и т. д. [Соловьянов, Маркова, 1933: 210–211].

Структура Бюро также существенно отличалась от структуры прежнего НТСа. Работой Бюро руководил постоянный президиум в составе: председателя, двух его заместителей и ученого секретаря. Рабочий штат включал инженера-химика, экономиста и секретаря-референта. В качестве консультантов в состав Бюро были включены постоянные представители от треста «Апатит», Академии наук, ГИПХа, НИУ, Ленгипрохима и Механобра — от основных организаций, принимавших участие в создании апатито-нефелиновой отрасли промышленности в Хибинах. В задачи Бюро входило налаживание связей с ведущими специалистами и отдельными заводами, работавшими в данной области, с привлечением их к обсуждению по мере необходимости текущих вопросов. Бюро НИСа только в первый год деятельности (по октябрь 1933 г.) провело 2 конференции (г. Хибингорск) и 30 совещаний с участием специалистов предприятий [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1-19]. Так, по инициативе и под руководством академика А.Е. Ферсмана, руководившего деятельностью Апатито-нефелинового Бюро НИС НКТП, состоялось первое совещание 9 февраля 1932 г. в г. Ленинграде. В нем приняли участие ведущие ученые и руководители промышленных предприятий — профессор Г. И. Войнилович, профессор С. И. Вольфович, производственники — управляющий трестом «Апатит» В. И. Кондриков, экономист Б. И. Коган и др. Были рассмотрены вопросы взаимодействия науки и производства в решении проблем, поставленных правительством перед трестом «Апатит». Практика проведения таких совещаний в дальнейшем стала регулярной: только в 1932 г. совещания проводились 7 раз в городах Мурманского округа, способствуя интеграции науки в производство [Макарова, Петров, Токарев, 2013: 10].

Помимо Бюро НИС, координирующего деятельность всех учреждения страны, работавших над апатито-нефелиновой проблемой, при тресте «Апатит» функционировал научно-исследовательский отдел. Работа научно-исследовательского отдела протекала не только непосредственно в г. Хибингорске, но и в Ленинграде, где осуществлялось, главным образом, наблюдение за выполнением договоров, за фактическим состоянием опытных работ в различных институтах и за их оформлением в проектах. В Хибингорске научно-исследовательские работы велись на Испытательной станции и в хим. лаборатории треста «Апатит». Одним из наиболее важных результатов научно-исследовательской работы треста в тесном контакте с Бюро НИС НКТП явилось создание опытного фосфорного завода на Юкспориоке.

В апреле 1932 г. трест «Апатит» получил правительственное задание на составление плана 2-й пятилетки с научным обоснованием всех возникающих вопросов технологического характера и приложением схемы производства намеченного к постройке Кандалакшского химкомбината. Учитывая ответственность возложенной на трест задачи и необходимость выполнения ее в кратчайшие сроки, Бюро при активнейшей поддержке со стороны треста «Апатит» организовало научную конференцию в г. Хибиногорске, оставшуюся в истории промышленного освоения Кольского Севера, как Первая Полярная конференция по комплексному использованию апатито-нефелиновых пород. Материалы конференции, хранившиеся в научном архиве КНЦ РАН, были изданы в 2009 году, т.к. не потеряли своей актуальности и в наши дни [Первая Полярная конференция, 2009]. Из достигнутых на конференции наиболее важных на тот момент результатов следует отметить четкое обоснование схемы новых производств, главным образом, в отношении фосфорного и алюминиевого звеньев будущего комбината и обсуждение возможности кооперирования с другими хозяйственными организациями, такими как трест «Лакокраска» в районе Кандалакши - крупное производство титановых белил.

5–9 сентября 1933 г. в Хибиногорске. Бюро НИС'а НКТП провело Вторую Полярную конференцию, которая подвела итоги поисковых работ (выявлении нового района пирротиновых месторождений на юго-западном склоне г. Тахтарвумчорра), а также технологических разработок и промышленных испытаний на заводе «Красный химик» руд Пирротинового ущелья. Конференция рассмотрела вопросы организации промышленного предприятия в Монче-гундре на основе месторождений медно-никелевых руд, об увеличении объема работ Испытательной станции в Хибиногорске, и ее роли в научно-исследовательских работах по достижению значительного агрономического эффекта по применению фосфорных удобрений из хибинского апатита на полях страны [Хибинские редкие элементы и пирротины, 1933: 3-202]. Таким образом, апатито-нефелиновая проблема, представляя собою сложный, переплетающийся узел производств, могла быть удовлетворительно разрешена только путем комплексного метода, опирающегося на предварительное планирование и взаимосвязь самых различных технологических процессов и результатов геологоразведки.

Примером такой последовательной политики государства по созданию единого гигантского производства и его научной базы, где были сконцентрированы и объединены усилия десятков институтов, крупных лабораторий, заводов и фабрик страны, являлось создание Кольского горно-энерго-химического комплекса. Схема организации научного и технологического обеспечения развития данного комплекса представлена на рис. 3.

К решению задач по обеспечению работ комплекса государством привлечено 75 институтов, лабораторий, фабрик и заводов всей страны. Исследования и научно-производственная деятельность были нацелены на выполнение 9 основных задач: геологоразведка, техно-экономические обоснования, технология редких элементов и сфена, технология апатита, технология нефелина, агрономия, проектирование, технология отходов и побочных продуктов, обогащение. Общее количество вопросов, решаемых по выполнению основных задач комплекса, достигло 60. Из представленной схемы

видна вся грандиозность решаемых государством проблем по освоению Хибинских месторождений. Уже тогда, в начале 30-х годов прошлого столетия, были заложены основы планового ведения хозяйства по разработке и освоению месторождений.

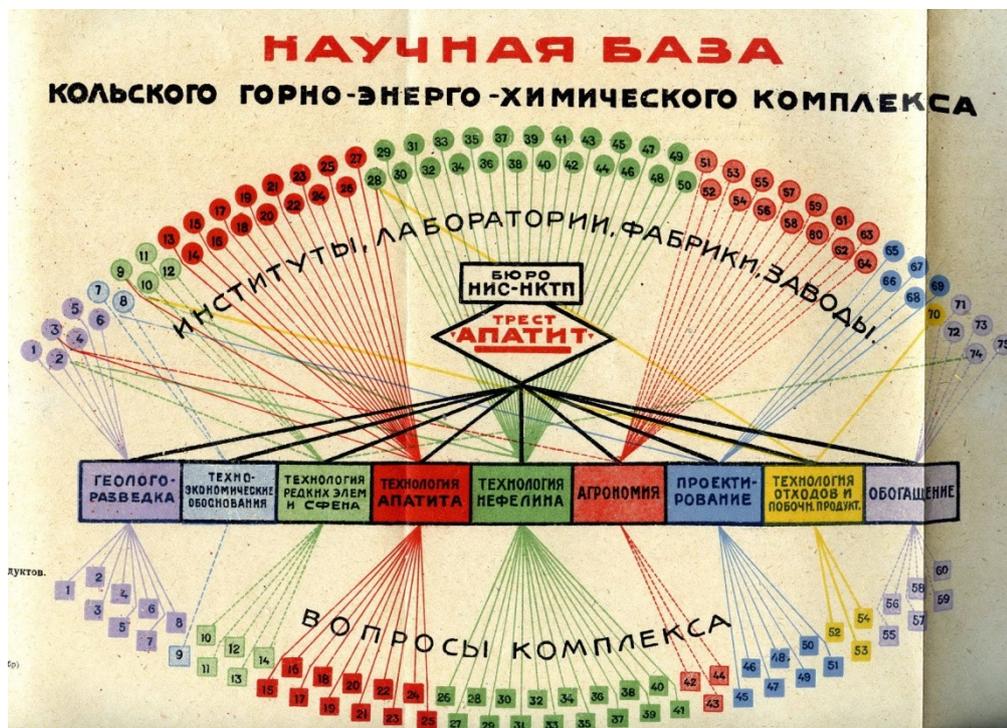

Рис. 3. Схема научной базы Кольского горно-энерго-химического комплекса [Соловьянов, Маркова, 1933: 225]

Развитие научной базы продолжалось на всем протяжении деятельности треста «Апатит», затем комбината и в настоящее время акционерного общества. Подтверждением этих слов является выдержка из статьи «Взгляд в будущее» книги «Апатит из века в век», юбилейного издания к 80-летию комбината «Апатит», где сказано: «Основа стабильного развития ОАО «Апатит» — среднесрочное и долгосрочное планирование. *Тщательный научно-технологический подход* (выделено авт.) к проработке стратегии развития позволит создать в содружестве с ведущими отраслевыми научными институтами программы технико-экономического развития: среднесрочная программа (до 2020 года) и долгосрочная (до 2050 года), а также обеспечить условия претворения их в жизнь» [Апатит из века в век, 2009: 296].

Таким образом, мы видим, что опыт создания крупного горнохимического комплекса и его научной базы, заложенный в далекие 20–30-е годы прошлого столетия при тесном содружестве государства, науки, производства успешно используется и в настоящее время, являясь гарантом плодотворной деятельности гиганта химической промышленности нашей страны, и может служить историческим примером в деле дальнейшего освоения природных богатств Евро-Арктического региона России.

Список сокращений

АН – Академия Наук
ВАРНИТСО – Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР
ВС – Верховный Совет
ВСНХ – Высший Совет Народного Хозяйства
ГАМО – Государственный архив Мурманской области
ГИПХ – Государственный институт прикладной химии
КНЦ – Кольский научный центр
НА – Научный архив
НИС – Научно-исследовательский сектор
НИУ – Научно-исследовательский институт по удобрениям и инсектофунгицидам имени профессора Я.В.Самойлова.
НТС – Научно-технический совет
РАН – Российская академия наук
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СНК – Совет Народных Комиссаров
СТО – Совет Труда и Оборона
ЦГА – Центральный государственный архив

Список источников

ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1 — Кировский (1934 г. Хибинский) городской (с 1935 г. районный) комитет партии.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 5 — Научные документальные материалы Отдела экономики за 1932-1957 гг.
ЦГА Санкт-Петербурга. Ф. Р-9386 — Карело-Мурманский комитет при исполнительном комитете Ленинградского областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 1930–1935 гг.

Список литературы

Апатит из века в век. Под ред. А. В. Барабанова. Мурманск, Русма. 2009. 304 с.
Влодавец В. И. Общая характеристика апатитовой дуги // Хибинские апатиты. № 1. Л.: Издание гостреста «Апатит» 1930. С. 38–46.
Лабунцов А. Н. Поисково-разведочные работы по апатиту в Хибинских тундрах — краткая история исследований, кончая 1929 годом // Хибинские Апатиты. № 1. Л.: Издание гостреста «Апатит», 1930. С. 28–37.
Макарова Е. И. Петров В. П., Токарев А. Д Академик А. Е. Ферсман и создание горно-химической промышленности на Кольском п-ове: к 130-летию со дня рождения А. Е. Ферсмана // Труды X Всероссийской (с международным участием) Ферсмановской научной сессии «Геология и полезные ископаемые Кольского региона», посвящённой 150-летию со дня рождения акад. В. И. Вернадского. Апатиты, 7–10 апреля 2013 г. Апатиты. Изд-во К&М, 2013. С. 7–12.
Первая полярная конференция по вопросам комплексного использования Хибинской апатито-нефелиновой породы (9–12 апреля 1932 года). Апатиты. Изд-во Кольского научного центра РАН, 2009. 324 с.

Петров В. П., Макарова Е. И., Саморукова А. Г., Токарев А. Д., Усов А. Ф. Кольский научный центр. Летопись 1930–2010. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2011. 320 с.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 1. М.: Политиздат, 1967. 905 с.

Сауков А. А. Вспоминая пережитое ...// Александр Евгеньевич Ферсман. Жизнь и деятельность. М.: Наука, 1965. С. 133–153.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР, № 19. М.: Изд-во СНК СССР и СТО, 1928. 380 с.

Соловьев П. В. Освоение Хибин и создание апатитовой промышленности в СССР // Вопросы истории. № 2. 1958. С. 45–59.

Соловьянов Г. Н. Конъюнктура фосфатных рынков и некоторые экономические моменты проблемы хибинского апатита // Хибинские апатиты. № 1. Л.: Издание гостреста «Апатит», 1930. С. 222–260.

Соловьянов Г. Н., Маркова Н. Н. К вопросу планирования научных исследований по Кольскому промышленному комплексу // Хибинские редкие элементы и пирротины. № 5. 1933. С. 210–227.

Съезды Советов Всероссийские и Союза СССР в постановлениях и резолюциях. М.: Изд-во Ведомости ВС РСФСР, 1935. 505 с.

Ферсман А. Е. Апатито-нефелиновая проблема Хибинских тундр. Материалы по химизации народного хозяйства. Вып. 5. Л.: Научное химико-техническое изд-во научно-технического управления ВСНХ, 1929. 93 с.

Ферсман А. Е. С. М. Киров и завоевание Севера // Фронт науки и техники. 1934. № 12. С. 5–10.

Фивег М. Памятная встреча // Кировский рабочий, № 130 (1184), 8 июня 1935 г., 4 с.

Хибинские апатиты. Часть официальная. Вып. 1. Л.: Издание гостреста «Апатит» 1930. С. 281–296.

XV съезд ВКП(б) 2–19 декабря 1927 г. Резолюции и постановления. Л.: Ленпартиздат, 1933. 350 с.

Сведения об авторах

Токарев Александр Дмитриевич

заведующий сектором формирования и хранения цифровой информации Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Петров Валентин Петрович

доктор геолого-минералогических наук, профессор, директор Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Макарова Елена Ивановна

кандидат исторических наук, заведующая Научным архивом КНЦ РАН

Tokarev Alexander Dmitrievich

Head of the sector of digital information of the Barents centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

Petrov Valentin Petrovich

Dr. Sci. (Geology-Mineralogy), Professor, Director of the Barents centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

Makarova Elena Ivanovna

Ph. D. (History), Head of the Scientific archive of the Kola Science Centre RAS

УДК 001.83+622.012(470.21)"1960/1980"

А. Г. Саморукова, В. П. Петров

**ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ПРОИЗВОДСТВА: КОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР — КОМБИНАТ «АПАТИТ»
(1960–1980 гг.)**

Аннотация

В статье рассмотрена роль Горного института КФАН СССР в изучении особенностей проявления горного давления на апатитовых рудниках Хибинского месторождения. Освещены вопросы совместной деятельности Горного института и производственного объединения «Апатит» в 1960–1980-х гг. по изучению напряжённого состояния пород в массиве и их физических свойствах, а также проблемы перепуска руды по глубоким рудоспускам в климатических условиях севера. На основе полученных данных определялась стратегия ведения горных работ, проводились мероприятия по предотвращению вредных проявлений горного давления.

Ключевые слова:

прогноз и предупреждение горных ударов, напряжённое состояние и диагностика массива пород, глубокие рудоспуски.

A. G. Samorukova, V. P. Petrov

**EXPERIENCE IN ORGANIZATION OF COOPERATION BETWEEN
THE ACADEMIC SCIENCE AND PRODUCTION: THE KOLA BRANCH
OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCE — PO APATIT (1960–1980)**

Abstract

The article describes the role of the Ore Mining Institute of the Kola Branch of the USSR Academy of Sciences when investigating the features of mine stress at apatite mines of the Khibiny deposits. The paper also highlights the cooperation between the Ore Mining Institute and the Apatity Enterprise in the period of 1960-1980 in investigating stressed rock deposits and their physical features, as well as the problems of rock transfer through deep holes under northern climate. The data obtained were used in developing the strategy of ore mining procedures. These data also made it possible to take measures to prevent hazards of stressed rocks.

Key words:

forecast and prevention of rock bursts, stressed states and diagnostics of rock massifs, deep ore holes, laboratory of rock mechanics.

В научном и научно-технологическом обеспечении развития Хибинского горно-химического комплекса, вошедшего в историю с общим названием «Апатит», участвовало в советский период большое количество исследовательских и проектных институтов, а также производственных подразделений различных ведомств. С момента создания в 1930 г. Хибинской горной станции АН СССР активное участие стали принимать кольские учёные под руководством академика А.Е. Ферсмана.

В послевоенное время сотрудничество академической науки и научно-инженерного сообщества комбината «Апатит» активизировалось и приобрело устойчивый планомерный характер в связи с созданием Кольского филиала АН СССР и образованием в его составе Геологического института (1951 г.),

Института Химии и технологии редких элементов и минерального сырья (1957 г.) и Горно-металлургического института (1961 г.). Важным компонентом содружества являлось научное обеспечение решения практических народнохозяйственных проблем на основе системной организации комплексных исследований [Петров, Токарев, 2013:109].

Работы ИХТРЭМС были ориентированы, применительно к комбинату «Апатит», на создание высокоэффективных технологий, обеспечивающих комплексное использование всех полезных составляющих апатитонепелиновых руд с получением остро необходимых стране химических продуктов и редких элементов.

Продолжалось и активное сотрудничество с соответствующими подразделениями комбината и по линии Геологического института. Оно было направлено на расширение минерально-сырьевой базы и исследования минералого-геохимических особенностей руд как фундаментальной основы для решения технологических проблем их использования.

Исследования и разработки Горно-металлургического института были нацелены на повышение эффективности горно-добычных работ и совершенствование технологий обогащения руд с получением высококачественных промышленных минеральных концентратов.

Расширение масштабов и задач научного и научно-технологического сотрудничества обусловило необходимость улучшения его организации и повышения результативности. Формы и пути сотрудничества предопределялись спецификой конкретных научных и технологических проблем, стоявших или возникших перед производством. Сам процесс сотрудничества инициировался либо со стороны промышленного предприятия, его руководства, либо идейно рождался в ходе фундаментальных исследований и технологических испытаний. По отдельным направлениям и проблемам процесс сотрудничества инициировался более высокими управляющими ведомственными инстанциями, государственными и партийными органами. Естественно, что формы и методы организации сотрудничества науки и производства эволюционировали и изменялись во времени, в связи с преобразованиями социально-экономических и общественно-политических условий развития производства, а также научно-техническим и технологическим прогрессом в стране и мире. Тем не менее исторический «советский» опыт организации сотрудничества академической науки и промышленного производства на примере Хибинского горно-химического комплекса может быть актуализирован и в развивающейся, но хромающей на обе ноги рыночной экономики России.

В настоящей статье сделана попытка изучения и анализа опыта организации сотрудничества с горным производством: «горные удары» и «глубокие рудоспуски в арктических условиях».

Расширение масштабов разработки Хибинских апатитовых месторождений с неизбежностью вызвало перемещения масс горных пород и сопровождалось ростом силы горных ударов, так называемых «стреляний», что зачастую приводило к полным разрушениям подземных выработок и представляло угрозу человеческим жизням.

Первые явления значительного «стреляния» пород были отмечены в 1950 г. на Кировском руднике. В последующем, при строительстве нового рудника Расвумчорр, при проходке капитальных и подготовительных выработок

в 1962 г. были встречены участки, где «стреляние» пород проявлялось особенно значительно, начиная с глубины 100–125 м от поверхности. Такие же участки были обнаружены и в выработках Центрального, Кировского и Юкспорского рудников. Были отмечены также явления, сопровождавшиеся внезапными обрушениями пород и вызывавшие сейсмический эффект, зафиксированный сейсмостанцией «Апатиты», расположенной в 15–20 км от рудников.

Проявление горного давления в выработках рудника вносило осложнения при ведении горных работ и представляло значительную опасность по мере увеличения площади и глубины горных пород. Интенсивность и внезапность отслоения глыб пород при стрельянии и связанная с этим опасность требовала научного обоснования и геомеханического обеспечения безопасности ведения горных работ. Решение проблемы требовало длительного исследования и решения задачи поэтапной реализации отдельных вопросов всей проблемы [Турчанинов, 1977: 8].

Начало совместной работе Горно-металлургического института КФАН и комбината «Апатит» по изучению проблемы горных ударов было положено в 1962 г., когда руководство комбината обратилось с просьбой об оказании помощи в изучении этой проблемы. Был заключён договор о содружестве, по которому ГМИ КФАН была проведена научно-исследовательская работа «Исследование «стреляния» горных пород в выработках рудника Расвумчорр». Работа выполнялась как часть общей темы института «Исследование напряженного состояния горных пород при подземной разработке месторождений Кольского полуострова». Предварительное изучение явления «стреляния» пород было проведено группой под руководством д.т.н. И. А. Турчанинова.

В 1963 г. ГМИ продолжил работу по исследованию напряжённого состояния горных пород при подземной разработке месторождений Кольского полуострова, исходя из задания на проведение научно-исследовательских и опытных работ по важнейшим научно-техническим и теоретическим проблемам Горно-металлургического института на 1963 год [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 660. Л. 1].

В соответствии с профилем и структурой ГМИ им выполнялись исследования в области горного дела. Задания на проведение научно-исследовательских работ определялись:

- проблемами и темами, отнесёнными Государственными комитетами по координации научно-исследовательских работ СМ СССР и СМ РСФСР к числу важнейших проблем и тем;

- планом научно-исследовательских работ КФАН на 1959–1965 гг., утверждённым Президиумом АН СССР;

- заявками производственных организаций Мурманского совнархоза.

На первом этапе исследований (1962–1965 гг.) был изучен характер «стреляния» горных пород на вскрытых участках, связь этих явлений с геологическими особенностями района, определены механические свойства пород. Итоги предварительного изучения были представлены в технической информации и одобрены на заседании горной секции Техничко-экономического совета комбината «Апатит» 18 октября 1965 г. [НА КНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 4. Д. 28].

В результате проведённых работ основная цель исследования была достигнута: вскрыты причины и условия проявления «стреляния» пород, разработан комплекс мероприятий по снижению интенсивности или предотвращению этого процесса.

На втором этапе (1966–1970 гг.) дальнейшее изучение проявлений горного давления на апатитовых рудниках Хибин было нацелено на обеспечение надёжных и безопасных условий ведения горных работ, оно осуществлялось в следующих основных направлениях:

- исследование напряжённого состояния массива горных пород и его изменений при ведении очистных работ в целях предотвращения возможности горных ударов;

- изучение взаимосвязи геологических структур массивов с новейшими тектоническими движениями земной коры на Кольском полуострове и с возможными условиями проявления горных ударов;

- изыскание эффективных способов управления горным давлением в связи с переходом к новым прогрессивным системам разработки [НА КНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 6. Д. 35. Л. 242].

В силу особенностей горного производства даже при наличии рекомендаций по борьбе с проявлениями горного давления, в частности, с горными ударами переход на новую технологию в соответствии с требованиями безопасности должен был занять значительный период времени. Именно поэтому для своевременного получения научно обоснованных рекомендаций по борьбе с проявлениями горного давления в план ГМИ на 1966–1970 гг. были включены работы по теме «Комплексное исследование проявлений горного давления на месторождениях Кольского полуострова», которые выполнялись на основе хоздоговора с комбинатом «Апатит» [НА КНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 6. Д. 245].

Заинтересованность руководства комбината «Апатит» в совместной работе объяснялась тем, что перспективы развития комбината «Апатит» предполагали рост объёма добычи руды за счёт подземных работ на всё больших глубинах. Но по мере увеличения глубины горных работ интенсивность разрушения выработок за счёт горного давления возрастала, увеличивались непроизводительные затраты по ликвидации нарушений, резко ухудшались условия безопасности горных работ.

В связи с проявлениями новых горных ударов на Кировском руднике на первый план в общей проблеме исследований горного давления на Хибинских апатитовых рудниках выдвигались задачи по исследованию причин их возникновения и разработки необходимых мер безопасности.

Была проведена совместная работа учёных ГМИ и инженерно-технических сотрудников комбината «Апатит», которая способствовала более высокому качеству работ и быстрейшему внедрению результатов исследований в производство. В течение 1963–1969 гг. в лаборатории механики горных пород ГМИ авторский коллектив в составе д.т.н И. А. Турчанинова, научных сотрудников В. И. Иванова и А. М. Шульца разработал уникальный комплект оборудования для технологии разгрузки напряжённого состояния скальных пород. В течение продолжительного времени комплект успешно проходил испытания в условиях рудников Хибинского массива, а также на других рудниках и подземных сооружениях Советского Союза.

В первой половине 1970-х гг. Горный институт расширил свою деятельность в решении проблем горных ударов, а именно принял активное участие в разработке комплекса приборов для горной геофизики [НА КНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 6. Д. 622].

К началу третьего этапа (1971–1975 гг.) существенно возросла роль экспериментальных определений параметров поля напряжений, для чего необходимо было развитие и совершенствование соответствующих методов и технических средств. Актуальность и сложность задачи ставили вопрос о необходимости объединения усилий для её решения.

В связи с этим на научно-координационном совещании специалистов стран-членов СЭВ в Москве в июне 1969 г. было принято решение о совместной разработке приборов и оборудования для изучения свойств и напряжённо-деформированного состояния пород в массиве. В работах приняли участие научно-исследовательские организации ГДР, ПНР, ЧССР, СССР. Главной организацией был определен ГМИ КФАН.

На научно-консультативном совещании в июле 1970 г. в г. Апатиты и Москва были определены перспективы совместных работ и составлен рабочий план на 1971–1975 гг. Особое внимание обращалось на организацию серийного производства приборов и оборудования для лабораторных и натурных исследований свойств и состояний горных пород [Турчанинов, 1970: 129]. Результатом совместных исследований стала разработка измерительных комплексов, предназначенных для исследований в массивах горных пород.

На четвёртом этапе (1976–1980 гг.) основное внимание было сосредоточено на прогнозе и предупреждении горных ударов. Обобщённый анализ исследований по прогнозу и предупреждению горных ударов по состоянию на 1975 г. показал, что горно-добычные работы больших масштабов, ведущиеся на рудниках в Хибинских горах, могут заметно повлиять на тектоническое состояние массива, стать причиной усиления его сейсмической активности.

Вскоре этот вывод начал оправдываться. С сентября 1979 г. по декабрь 1981 г. в пределах рудного поля Хибин отмечались приповерхностные одиночные и группами толчки, которые ощущались горнорабочими подземных рудников. Эти эпизодически повторяющиеся подземные удары проявились землетрясением в районе хибинских рудников, что было отмечено не только приборами сейсмической станции «Апатиты», но и дежурным персоналом рудников. Данные наблюдений сейсмической станции и отдельные результаты изучения местной сейсмичности использовались в качестве фактического материала при комплексных исследованиях [Панасенко, 1982: 5–26].

По постановлению Государственного Комитета СССР по науке и технике с 1976 г. на рудниках производственного объединения «Апатит» совместные усилия Горного института и производственного объединения были направлены на решение проблем прогноза и предупреждения горных ударов.

В соответствии с этим постановлением был разработан перечень работ по решению проблемы «Прогноза и профилактики горных ударов на подземных рудниках п.о. «Апатит» им. С. М. Кирова», а в 1978 г. заключён хозяйственный договор с Горным институтом.

Программа исследований по хоздоговору выполнялась Горным институтом совместно с Геологическим институтом КФАН и предусматривала постановку и выполнение исследований по изучению напряжённого состояния массива пород и испытанию нового сейсмического метода оценки полей напряжений. Из прикладных задач намечалось дать прогноз возможных проявлений горного давления.

Для этого в Хибинском массиве были организованы комплексные исследования, которые включали определение напряжений в горных выработках, региональный сейсмический мониторинг, локальный мониторинг сейсмичности, контроль отдельных участков массива. С этой целью были проведены инструментальные измерения по определению величин и оценке поля напряжений на Кировском и Юкспорском рудниках. В результате выявлены некоторые сейсмоакустические и деформационные предвестники горно-тектонических ударов и техногенных землетрясений [Козырев, Мальцев, Панин, Рыбин, 1998: С. 47–51].

Уровень развития горнодобывающей промышленности в Хибинах в большей степени определялся технологией подземных горных работ, поскольку запасы руд, пригодных для добычи открытым способом сокращались. Условия подземной разработки рудных месторождений усложнялись. Поэтому перед горной наукой встала проблема непрерывной диагностики состояния массива, прежде всего с целью прогноза и предупреждения горных ударов, возникающих вследствие нарушения равновесного состояния массива горными работами.

Необходимо было также решение проблемы, когда в ходе работ осуществлялся бы комплекс непрерывных наблюдений за состоянием массива, позволяющих прогнозировать и предотвращать возможные динамические явления. Суть вопроса состояла в том, что наряду с выбором системы разработки по фактору горного давления и проведением профилактических мероприятий необходимо получение оперативной информации о месте и времени зарождения очагов динамических явлений, об образовании потенциально опасных зон ещё на предварительной стадии, то есть осуществлять региональный долгосрочный прогноз удароопасности. В качестве одного из методов диагностики состояния массива был принят сейсмический метод.

К началу 1980-х гг. интенсивность проявления горного давления резко возрастает, кроме собственно горных ударов отмечаются и горно-тектонические удары [Тряпицын, Кременецкая, Черевко, Федоренко, 1993: 78].

В связи с большой актуальностью проблемы горных ударов на глубоких горизонтах апатитовых рудников было принято решение объединить усилия учёных Горного института и Полярного геофизического института КФАН, а также специалистов п/о «Апатит» во главе с главным инженером В. А. Кайтмазовым для разработки и создания автоматизированной системы непрерывного контроля состояния массива горных пород (АСК СМ).

Для сокращения сроков создания системы была организована межведомственная творческая группа, и в значительной степени параллельно велись научно-исследовательские, опытно-конструкторские, проектные, строительно-монтажные работы, комплектация, наладка, испытания элементов технического и программного обучения.

Практическим воплощением стала разработанная учёными Горного института Н. Н. Мельниковым, О. М. Распоповым, А. Х. Ерухимовым, И. А. Кузьминым при участии научных сотрудников Полярно-геофизического института М. М. Кагана, В. Е. Селиванова, М. В. Коликова и др. автоматизированная система диагностики состояния массива горных пород [Мельников, Распопов, Ерухимов, Кузьмин, 1987: 7].

Экономическая эффективность применения АСК СМ только на Кировском руднике п/о «Апатит» позволяла окупить затраты на её создание менее чем через два года. Это становилось возможным за счёт создания условий для вовлечения в

эксплуатацию участков месторождения с более активными проявлениями горного давления, которые ранее, при отсутствии непрерывного контроля считались опасными. Тем самым увеличивалась производительность рудника.

Помимо работы по проблеме напряжённого состояния горных пород, в середине 1960-х гг. комбинат «Апатит» поставил перед научным учреждением задачу, которая «вчера не просматривалась или не имела существенной актуальности» [Турчанинов, 1977: 9]. Речь шла о проблеме перепуска заснеженных масс добываемой руды по глубоким 600-метровым рудоспускам, возникшая с вводом в 1964 г. Центрального рудника. Решение этой задачи требовало глубокого и детального познания механизма, разработки научных основ этого процесса и притом возможно более быстрого получения научно обоснованных, технически и экономически осуществимых инженерных рекомендаций. Необходимость срочной организации исследований по данной проблеме была обусловлена неудовлетворительной работой рудоспусков, используемых для перепуска руды с участков открытых горных работ с целью погрузки их в думпкары и транспортирования на обогатительные фабрики.

В зимний период происходили частые, трудно ликвидируемые зависания руды в рудоспусках, что нарушало бесперебойность выпуска, вызывало продолжительные простои транспорта, создавало перебои в снабжении рудой обогатительных фабрик и приводило к существенным нарушениям ритмичности работы комбината в целом.

В результате частых и, в ряде случаев, длительных зависаний руды на руднике им. С. М. Кирова приходилось складировать отбитую руду и сокращать темпы добычных работ, а на руднике Расвумчорр-Цирк вывозить руду автотранспортом на рудный склад, находящийся в 7 км от рудника, в результате чего затраты на транспорт возрастали в 2,5 раза. Только прямые убытки по руднику Расвумчорр-Цирк за счёт удорожания транспорта составили в 1963 г. свыше 300 тыс. руб., за два первых месяца 1964 г. — свыше 42 тыс. руб. и приводили к сокращению объёмов открытой добычи руды в отдельные месяцы почти в 2 раза [НА КНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 4. Д. 16. Л. 6].

6 февраля 1964 г. Бюро Мурманского Обкома КПСС издало постановление об изучении сложившейся ситуации Горным институтом КФАН совместно с научно-исследовательской лабораторией комбината «Апатит».

К тому времени в отечественной и зарубежной практике не было опыта эксплуатации подобных сооружений, что не позволяло использовать или испытать какие-либо известные технические способы и средства. По мнению д.т.н. И. А. Турчининова, решение данной задачи традиционными методами потребовало бы не менее 4–5 лет [Турчанинов, 1977: 9].

Ранее, в течение нескольких лет, начиная с 1960 г., исследования процессов, связанных с зависанием руды в рудоспусках, проводились группой научных сотрудников Московского института радиотехники и горной электромеханики (МИРГЭМ). Исследования проводились в основном в лабораторных условиях и не давали ответа на ряд существенных вопросов. Внесённые МИРГЭМ рекомендации не могли охватить всей сложной проблемы и гарантировать исключение возможности зависаний и смерзаемости руды в рудоспусках.

Цель, которую поставили исследователи КФАН и научно-исследовательской лаборатории комбината «Апатит», заключалась в том, чтобы получить и более детально проанализировать результаты натурных наблюдений

за комплексом процессов, определяющих условия пропуска руды через рудоспуски. Такое изучение позволяло более полно выявить все наиболее существенные факторы, влияющие на зависание руды и установить направление дальнейших научно-исследовательских работ.

В марте-мае 1964 г. Горный институт провёл исследования по теме «Изыскание путей предотвращения и ликвидации зависаний и смерзаемости руды в рудоспусках» [НА КНЦ РАН Ф. 6. Оп. 4. Д. 16]. В связи с крайне сжатыми сроками первого этапа исследований, обусловленного весенним периодом экспериментальных работ и оговорёнными в постановлении Бюро Мурманского Обкома КПСС сроками, было решено привлечь для этих работ, помимо сотрудников научно-исследовательских лаборатории комбината «Апатит», большую группу исследователей из пяти лабораторий КФАН. В целях быстрой организации и проведения намеченных исследований потребовалось временно приостановить исследования по ряду других тем, предусмотренных планом, утверждённым Президиумом АН СССР, сосредоточив научный и научно-технический персонал на данной проблеме. Потребовалось также отступить от обычно принимаемого порядка исследований, начинаемых с изучения теории и накопленного опыта в данном и смежных вопросах.

Прежде всего, был проведён анализ условий эксплуатации рудоспусков рудника «Расвумчорр – цирк» за период 1963–1964 г. Произведены специальные натурные и лабораторные эксперименты с целью установления причин возникновения зависаний руды в рудоспусках и разработки эффективных способов предотвращения и ликвидации зависания. Данные рекомендации, вследствие ограниченного срока исследований, носили предварительный характер и требовали практической проверки и дальнейших исследований.

Учитывая большую важность своевременного и полного решения проблемы перепуска руды по глубоким рудоспускам в климатических условиях севера, 8 июля 1964 г. Государственный комитет СССР по координации научно-исследовательских работ на основании распоряжения Высшего Совета Народного хозяйства СССР и СМ СССР от 12 марта 1964 г. издал постановление об утверждении координационного плана исследований [ГОКУ ГАМО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 5315. Л. 74].

По этому плану к решению проблемы предусматривалось привлечение таких институтов, как ЛГИ, МИРГЭМ, ГМИ КФАН, ГИГХС и ряд других. Тем не менее, в январе 1964 г. на координационном совещании в комбинате «Апатит» по проблеме эксплуатации глубоких рудоспусков было установлено, что по причине большой удалённости от комбината институтов-исполнителей план исследовательских работ срывался и очень слабо был организован промышленный эксперимент и наблюдения.

Для активизации работы совещание предложило ГМИ КФАН возглавить руководство исследовательскими работами по решению проблемы эксплуатации глубоких карьерных рудоспусков. Финансирование работ в основном обеспечивал Мурманский совнархоз.

Горная группа научно-исследовательской лаборатории комбината «Апатит» совместно с сотрудниками лаборатории открытых работ ГМИ в короткий срок выполнила работу по предложению конкретных мероприятий по эксплуатации карьерных рудоспусков в зимних условиях. Срочность работы была обусловлена необходимостью своевременного принятия мер по подготовке рудоспусков в зимних

условиях 1964–1965 гг. Решение поставленных вопросов производилось как методом промышленных экспериментов и лабораторных исследований, так и обобщением экспериментальных данных и теоретических исследований.

На основе анализов промышленных экспериментов, проведённых в январе и феврале 1965 г., учёные ГМИ совместно с инженерно-техническими работниками комбината предложили конструктивные усовершенствования, которые были обсуждены на техническом совещании комбината с участием институтов «Гипроруда», МИРГЭМ, ГИГХС.

В 1964–1966 гг. общими усилиями сотрудников ГМИ, комбината «Апатит» и Ленинградского горного института за период с 1963 по 1966 гг. осуществлялась разработка технологических режимов, обеспечивающих нормальную работу глубоких карьерных рудоспусков рудника «Центральный». В результате проведённых исследований разработана технологическая инструкция, практическое использование которой позволило снизить простои с 42 до 18 % общего календарного времени. Производительность рудоспусков возросла на 30 %, и комбинат получал экономию от 250 до 500 тыс. руб. в год [Козлов, 1971: 25].

К проблеме эксплуатации рудоспусков ГМИ вернулся в 1969 г., когда были обнаружены первые признаки их разрушения, что потребовало значительных затрат комбината на ремонтно-восстановительные работы. Для определения причин разрушения была создана специальная комиссия из сотрудников Горного института и работников п/о «Апатит». Комиссия установила, что причиной преждевременных разрушений рудоспусков являлись действующие в массиве высокие горизонтальные тектонические напряжения, которые не были учтены при составлении проекта и сооружении рудоспусков.

Горным институтом была предложена методика, а также разработаны и изготовлены приборы и оборудование для съёмки сечения ствола непрерывной съёмкой с помощью видеокамеры, что давало возможность проконтролировать динамику развития зон разрушения.

Таким образом, геомеханические исследования в Горном институте КНЦ РАН, начатые в 1960-х гг. под руководством д.т.н. И. А. Турчанинова, всегда занимали значительное место. Наряду с решением практических вопросов освоения минеральных ресурсов и развития горнодобывающей промышленности Мурманской области, постоянно совершенствовалась научно-методическая база геомеханических исследований, расширялись методические и технические возможности теоретических и экспериментальных исследований напряжённо-деформированного состояния горных пород в массиве.

Рассмотренный опыт сотрудничества академической науки и производства показал свою эффективность в условиях государственной экономики и централизованной системы управления в СССР. Но и международный опыт освоения новых территорий подтвердил, что освоения северных арктических районов всегда происходило при активной руководящей роли государства. Этот опыт был реализован в последующий период и может быть актуализирован и в настоящее время.

Список сокращений

АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
ГДР — Германская Демократическая Республика

ГИГХС — Государственный институт горно-химического сырья
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
ЛГИ — Ленинградский горный институт
ПНР — Польская Народная Республика
СМ — Совет Министров
СЭВ — Совет экономической взаимопомощи
ЧССР — Чехословацкая Социалистическая Республика

Источники

ГАМО ГОКУ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 5315.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 245, Д. 622, Д. 660.
НА КНЦ РАН. Ф. 6. Оп. 4. Д. 16, Д. 28.

Список литературы

Козлов Е. К. Научные исследования ордена Ленина Кольского филиала АН СССР по проблемам, связанным с деятельностью комбината «Апатит» // Основные проблемы развития комбината «Апатит». Материалы совещания, проходившего в г. Апатиты с 18–20 марта 1970 г. Часть I. С. 20–28.

Козырев А. А., Мальцев В. А., Панин В. И., Рыбин В. В. Опыт профилактики горных ударов на Хибинских апатитовых рудниках // Горный журнал. 1998. № 4. С. 47–51.

Мельников Н. Н., Распопов О. М., Ерухимов А. Х., Кузьмин И. А. Новый инструмент исследований в горной геофизике // ВАН СССР. 1987. № 5. С. 6–15.

Панасенко Г. Д. Сейсмической станции «Апатиты» 25 лет. История и достижения // Геофизические и геодинамические исследования на северо-востоке Балтийского щита. Апатиты, 1982. С. 5–26.

Петров В. П., Токарев А. Д. К истории восстановления Кольской базы АН СССР и строительства Академгородка Кольского филиала АН СССР (1944–1961) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 4. Апатиты, 2013. С. 109–126.

Тряпицын В. М., Кременецкая Е. О., Черевко В. С., Федоренко Ю. В. Влияние крупномасштабных горных работ на техногенную сейсмичность в блочных массивах // Прогноз и предотвращение горных ударов на рудных месторождениях. Апатиты, 1993. С. 76–83.

Турчанинов И. А. Механика горных пород // Вестник АН СССР. 1970. № 9. С. 129.

Турчанинов И. А. Тенденции и формы взаимосвязи науки и производства на современном этапе // Проблемы деятельности учёного и научных коллективов. М.-Л., 1977. Вып. 6. С. 7–12.

Сведения об авторах

Саморукова Антонина Григорьевна

научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона
Кольского научного центра РАН

Петров Валентин Петрович

доктор геолого-минералогических наук, профессор, директор Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Samorukova Antonina Grigoryevna

a researcher of Barents centre of the Humanities KSC RAS

Petrov Valentin Petrovich

Dr. Sci. (Geology-Mineralogy), Professor, Director of Barents centre of the Humanities KSC RAS

УДК 631.1: 94(470.21)

С. А. Дюжилов

ПРЕОБРАЖЕННЫЙ СЕВЕР (О РОЛИ ПОСВИР В МОДЕРНИЗАЦИИ КОЛЬСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ, 1920–1930-е ГОДЫ). ЧАСТЬ 1. 1920-е ГОДЫ

Аннотация

Исследуется вопрос об участии Хибинского опытного пункта в процессах начального этапа модернизации Кольского Заполярья в 1920-е годы. Дается оценка его многогранной деятельности в социально-экономическом и культурном развитии региона того времени.

Ключевые слова:

модернизация, северная научно-промысловая экспедиция, Хибинская агростанция, колонизация Карело-Мурманского края, агрономическая наука, полярное земледелие, апатитовая проблема, культурная трансформация, краеведение, природоохранное движение.

S. A. Dyuzhilov

THE CHANGED NORTH (THE ROLE OF POSVIR IN THE KOLA POLAR REGION MODERNIZATION, 1920s–1930s). PART 1 — the 1920s.

Abstract

The participation of the Khibiny experimental agricultural station at the initial stage of the Kola polar region modernization in 1920th years is studied. An assessment of its many-sided activity in social-and-economic and cultural development of the region in that time is given.

Keywords:

modernization, northern scientific-and-trade expedition, the Khibiny agricultural station, the Karelian-and-Murmansk area colonization, an agronomical science, polar agriculture, apatite problem, cultural transformation, study of local lore, nature protection movement.

1920-е годы стали важной вехой в жизни северян. Фактически именно в это время были инициированы грандиозные по своим замыслам работы, связанные с овладением уникальных богатств Севера. «Следует отметить, — замечают авторы учебного пособия "Введение в российское североведение", — что целенаправленное преобразование экстремальных пространств Севера началось в СССР на 20–25 лет раньше, чем на Аляске или на севере Канады. Поэтому наша страна стала мировым лидером в использовании многих оригинальных технологий, подходов и приемов освоения северных территорий...» [Зайдфудим, Голубчиков, 2003: 71]. Тогда же были сделаны первые шаги в цивилизационном освоении Кольского полуострова, положившие начало формированию его промышленного и культурного облика.

Переход к планомерному изучению и колонизации Карело-Мурманского края

Ресурсный интерес Советского правительства, проявленный сразу же после окончания Гражданской войны к северным территориям, вызвал к жизни необычный научно-исследовательский институт — Северную научно-промысловую экспедицию, конструкция которой в условиях нехватки средств и научных кадров позволяла в сжатые сроки рассчитывать на конкретные результаты. Сотрудники Почвенно-ботанического отряда Севэкспедиции с первых шагов своего пребывания на Мурмане стали активно продвигать идею развития огородничества в крае. В отчетах экспедиции отмечалось, что к 1922 г. благодаря ее усилиям площадь огородов по линии железной дороги от Мурманска до Полярного круга увеличилась в 10 раз (с одной до десяти десятин) [РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 1277. Л. 17].

И все же в качестве приоритетной тогда ставилась задача разведения домашнего скота в хозяйствах служащих железной дороги. Подтверждением сказанному могут служить воспоминания И. Г. Эйхфельда о Г. М. Крепсе. Во время их первой встречи Эйхфельд поинтересовался, в чем заключалась его (Г. М. Крепса) обязанность агронома на Севере и был огорошен ответом: «Вожу в товарном вагоне быка по всем станциям, от станции Мурманск до станции Полярный Круг, случать коров железнодорожников». Безусловно, это было не единственным его занятием, однако, он считал это дело самым важным. Железнодорожники держали в своем хозяйстве коров, без молока которых их дети не выжили бы. Какое может быть молочное животноводство, если нет быка. Мурманская железная дорога взяла на себя эту заботу. [Музей-Архив ... НВФ 492. Л. 2].

Начиная с 1921 г. по инициативе и под руководством проф. Н. И. Прохорова в Хибинах началось строительство сельскохозяйственной научной станции. Управление и Агрслужба Мурманской железной дороги признали это дело крайне важным и срочным, оказывая всяческое содействие подобным начинаниям. Примечательно, что заведующий упомянутыми строительными работами А. А. Гостев в своем докладе в Мургубземуправлении представлял будущее Хибинской агростанции в качестве как опытно-показательного поля, так и случного пункта. Итак, полярное земледелие и животноводство началось с науки.

С проведением в жизнь новой экономической политики, направленной на поддержку главным образом аграрного сектора экономики, центр отказался от предоставления значительных средств на развитие неземледельческих окраин, которым ничего не оставалось, как рассчитывать лишь на собственную предприимчивость и инициативу. Предложенный правлением Мурманской железной дороги и одобренный в СТО (Совет Труда и Оборона) проект «Колонизации Карело-Мурманского края» (25.05. 1923 г.), создал предпосылки для экономического оживления мурманской линии посредством ее заселения. По словам представителя правления Мурманской железной дороги Г. Ф. Чиркина, расширение к северу зоны, где возможно сельское хозяйство, вовлечение в хозяйственный оборот неиспользованные и пустующие пространства, было «равносильно мирному завоеванию огромной и производительной территории» [Чиркин, 1928: 93].

Вовлечение переселенцев в сельскохозяйственное освоение колониционного отвода являлось одной из социально значимых задач

Колонизационного отдела Мурманской железной дороги. В качестве инструментария для ее реализации служили Опытные сельскохозяйственные пункты (Хибинский, Кольский, и Лоухский под общим руководством И. Г. Эйхфельда) и агробазы («Ильич» и «Зеленец», расположенные недалеко от Ленинграда). Если первые занимались преимущественно сортоиспытанием и оказанием методической помощи начинающим огородникам, то вторые служили крупными семенными и кормовыми хозяйствами, а также племенными рассадниками для снабжения переселенцев.

Основными формами взаимодействия агрономической науки и практики на Мурмане в 1920-е годы стали:

- создание опытно-показательных огородов в хозяйствах переселенцев. Первые из них были заложены в 1924/25 году в пяти пристанционных поселках: Кандалакша, Пиозеро, Зашеек, Имандра и Пулозеро [Второй год колонизационной работы Мурманской железной дороги, 1926: 81–82];

- объезды переселенческих поселков сотрудниками Хибинского опытного пункта в целях оказания агрономической помощи на местах;

- специальные обследования переселенческих хозяйств в целях получения конкретного материала для выработки плана агрономических мероприятий;

- подготовка методических рекомендаций для персонала агроучастков.

Все это, безусловно, способствовало активизации деятельности переселенцев по сельскохозяйственному освоению своих семейных наделов. Так, к концу 1927 г. в пределах Кольского Севера на 38 участках было водворено 215 семей (887 чел.), из них 59 занимались заготовкой сена (т.е. разводили домашний скот), а 30 имели огороды [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 132. Л. 121–122]. К этому времени огороды и пробные посевы кормовых растений были практически уже в каждом переселенческом поселке, при чем потребность для них в семенном картофеле полностью удовлетворялась сортовым посевным материалом Хибинского пункта. Избранный им сорт «Эпикур», разводился агробазами для снабжения переселенцев семенным картофелем.

Одновременно пионерами полярного земледелия велась всесторонняя разработка научных основ продвижения земледелия к северу. Причем решать ту или иную научную проблему бывало легче, чем бороться со сложившимися по данному вопросу стереотипами в сознании людей (в то время нередко их начинания называли прямым вредительством). И если бы работники Хибинского опытного пункта в эпоху «стихийной колонизации Севера» позволили бы себе усомниться в перспективах начатого ими дела и не доказали на собственном удачном опыте возможность продвижения земледелия на приполярные территории, то вряд ли бы они на рубеже 1920–1930-х годов смогли взяться за разрешение грандиозной проблемы создания собственной продовольственной базы в районах промышленного строительства на Крайнем Севере.

В борьбе за апатит

Прежде чем коллективу Хибинского опытного пункта удалось научиться получать на Кольском Севере хорошие урожаи различных культур, им пришлось преодолеть немало трудностей. Ограничивающим фактором развития полярного земледелия на Севере являлось отсутствие местных источников удобрений (низкое естественное плодородие почв требовало их в значительном

количестве). Так, под влиянием пресловутого объективно-природного фактора на агростанцию проникла «инфекция», поразившая ее коллектив «горной болезнью». Борьба за камень плодородия вплоть до начала 1930-х годов стала наиважнейшей составляющей в ее деятельности.

Обозначим те пути, которые были использованы пионерами полярного земледелия для актуализации поднятой проблемы.

1. Поиски, заготовка и доставка апатитовой руды для проведения опытов по ее применению в туковой промышленности

Вопрос о промышленном освоении хибинских апатитов решался чрезвычайно медленно. Специалистам необходимы были крупные партии руды для проведения опытов. Но при полном отсутствии дорог в Хибинах эта проблема была почти неразрешима. И все же энтузиасты и смельчаки нашлись в лице И. Г. Эйхфельда и его сподвижников. Период «горных увлечений» в жизни опытной станции не прошел бесследно, о чем свидетельствуют следующие данные:

Таблица 1

Вклад работников опытной станции в заготовку и доставку апатита [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 35. Л. 45]

Дата	Поездки за апатитом	Результаты
09. 1924 г.	Начало поисков местных источников удобрений. Экспедиция П. А. Борисова и И. Г. Эйхфельда к мысу Турий Терского берега, организованная Колонизационным отделом МЖД	Первая экспедиция за камнем плодородия из-за непогоды оказалась неудачной
31.10.- 05.11. 1926 г. 04.1927 г. (вывоз породы)	Экспедиция И. Г. Эйхфельда, Г. М. Крепса, П. Ф. Семерова и Зосимы Куимова в Хибины, организованная КО МЖД, при материальной поддержке Института по изучению Севера	Заготовлена и отправлена по адресам первая партия апатита в количестве 80 пудов для проведения исследований
1927–1929 годы	Ежегодное участие части коллектива опытной станции помимо своей основной работы в складировании в горах и вывозе на ст. Хибины апатитовой породы. «Героический» одиночный поход в горы И. Г. Эйхфельда (март 1928 г.) с целью оценить последствия снежного обвала, под которым оказалась заготовленная партия руды	Вывезено Василием Кобелевым 400 пуд. апатита на ст. Хибины (1928 г.). В апреле 1929 г. работниками станции вывезена большая партия апатита, заготовленная В. И. Влодавцем. Отправленная порода пошла на серьезные полупромышленные опыты

Из таблицы 1 видно, что в период с 1926 по 1929 гг. коллектив агростанции вложил немало сил и энергии в дело заготовки и транспортировки больших партий апатитовой руды для проведения опытов по ее обогащению, варке суперфосфата из концентрата, а также специальных исследований по выявлению возможностей непосредственного применения апатито-нефелиновой породы в качестве удобрения. До этого с гор доставлялись только минералогические образцы пород. По сути, добытые пионерами полярного земледелия партии руды во многом ускорили решение вопроса об организации в Хибинах крупнейшего горнопромышленного комплекса.

2. Работы Хибинского опытного пункта по установлению способов применения апатитовой породы в качестве удобрения.

С первых лет работ сельскохозяйственного пункта в Хибинах вопрос об удобрениях приобрел огромное значение. Ряд объективных факторов (удаленность производства отечественных туков, в значительной мере не подходящая для местных почв) подталкивал работников научного учреждения к поискам местных источников удобрения. Обнаруженные экспедициями А. Е. Ферсмана апатито-нефелиновые месторождения послужили объектом исследования для выяснения вопроса их непосредственного применения в сельском хозяйстве. О проделанной агрономами-опытниками работе в этом направлении говорят данные предлагаемой ниже таблицы 2:

Таблица 2

Применение апатито-нефелиновых пород для удобрения почвы
[Эйхфельд, Ефимов, 1930: 14–17]

С какого времени	Опытные работы на Хибинском сельскохозяйственном пункте	Научные результаты
1925–1926 г.	В 1924 г. произведено обследование П. А. Борисовым нефелиновых сиенитов при содействии КО МЖД близ ст. Хибины. Хибинским опытным пунктом в 1925 г. отправлена в Лоухи первая партия нефелинового сиенита, где на низинном болоте в 1926 г. заложены опыты с этой породой. Позднее полевые работы с хибинитом велись и в Хибинах	«Третий год колонизационной работы МЖД». Отчет агронома З. Г. Толчинского. Доказан положительный эффект от внесения нефелинового сиенита в почву, вместо обычных легко растворимых солей калия
1927–1928 гг.	После открытия апатитовых месторождений в Хибинах были заложены опыты с апатитами на минеральной и болотной почвах (1927) и вегетационные опыты в специальных сосудах проф. Митчерлиха (1928). В них принимали участие как агрономы опытного пункта (И. П. Сомов, И. Г. Эйхфельд, П. Е. Ефимов), так и научные сотрудники Института опытной агрономии (П. В. Яковлев, В. А. Филиппович)	Результаты опытов нашли отражение в целом ряде изданий: журналах «Удобрение и урожай» и «Карело-Мурманский край», сборниках «Хибинские апатиты» и «Проблемы северного растениеводства» и др. Вопрос о применении апатитов в сыром, размолотом виде в качестве удобрений решен положительно по отношению к верховым, сфагновым болотам и кислым полуболотным почвам

Данные таблицы свидетельствуют о том, что задолго до создания горной промышленности на Кольском полуострове в Хибинах была начата работа по установлению способов применения апатитовой породы и нефелинового сиенита в качестве удобрений и нейтрализаторов на разных типах почв. «Мы вели опыты с нефелином и апатитом — сами таскали породу с гор, размалывали на кустарной мельнице и дробили топором», — поделится с участниками Первой полярной конференции своими воспоминаниями И. Г. Эйхфельд [Первая полярная конференция, 2009: 99–100]. Уже в самом начале этих небольших по масштабу работ он в своей докладной записке на имя Колонизационного отдела МЖД от 8 октября 1926 г. вполне однозначно высказался по поводу будущего «камня плодородия»: «Возможность использовать в крае апатит не вызывает никакого сомнения как с экономической стороны, так и со стороны использования его растениями, что объясняется высоким содержанием удобрительных веществ и их легкой растворимостью» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 5. Д. 38. Л. 108]. Достигнутые результаты опытов с апатито-нефелиновой породой, в том числе и на Хибинском опытном пункте Колонизационного отдела, в конечном итоге вывели эту проблему из области экспедиционных обследований и поставили ее на путь практического осуществления.

3. Работы Хибинской опытной станции по содействию геологоразведочным партиям

Переломным этапом в разрешении апатитовой проблемы стали 1928–1929 годы, связанные с успешным проведением разведки и детальным изучением хибинских апатитовых месторождений. Большое значение в этих работах, как база экспедиционных отрядов под руководством В. И. Влодавца (Институт по изучению Севера) и М. П. Фивега (Научный институт по удобрениям), сыграла Хибинская агростанция, о чем свидетельствуют данные, представленные в таблице 3:

Таблица 3

Роль Хибинской опытной станции как опорного пункта для экспедиций и отрядов, ведущих поиски и изучение апатитовой породы [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 35. Л. 45]

Основные функции, взятые на себя агростанцией в период разведочных работ экспедиций в Хибинах	Содержание работ Хибинской опытной станции по обслуживанию геологических экспедиций
Транспортно-хозяйственные функции	Приемка грузов (продовольствия, снаряжения, строительных материалов) и переправка их в горы на оленях (М. Онохин и Ф. Неклюдов). Помощь геологам в вывозе заготовленной ими апатитовой породы.
Научно-хозяйственные функции	Организация (1928) и деятельность при агростанции химической лаборатории для анализов образцов апатитовой породы в ходе разведочных работ геологов (Р. Калашникова).
Организационные функции	Станция Хибины являлась первым организационным пунктом, связанным с добычей апатита. В конце апреля и в течение мая 1929 г. здесь регулярно созывались совещания по инициативе агронома И. Г. Эйхфельда по поводу планов работ в горах

Насколько важное значение работники Хибинского опытного пункта придавали практическим выводам, вытекающим из открытий геологических экспедиций академика Ферсмана, и содействовали тому, чтобы претворить их в жизнь, свидетельствует следующее откровение И. Г. Эйхфельда: «Весной 1929 г. Хибинская опытная станция занималась больше транспортными и горными делами, чем сельскохозяйственными. И это вполне понятно - она была здесь единственной опорной точкой» [Эйхфельд, 1972: 38]. Во многом благодаря коллективному труду работников агростанции было положено начало коренному перелому в освоении Хибин.

4. Отстаивание И. Г. Эйхфельдом с его группой сотрудников в различных кругах целесообразности скорейшего освоения хибинских апатитов.

Чтобы апатито-нефелиновая проблема из чисто научной превратилась в народнохозяйственную, государственную нужны были энергия, энтузиазм и организаторский талант выдающихся ярких личностей. К числу таковых мы, бесспорно, можем отнести и руководителя опытного поля в Хибинах И. Г. Эйхфельда. О его многогранной деятельности в деле привлечения внимания к апатитовой проблеме свидетельствуют данные таблицы (табл. 4):

Таблица 4

Роль И.Г. Эйхфельда в популяризации «apatитового проекта» [Кировский рабочий, 1934, 10 декабря: 3; Первая полярная конференция, 2009: 99–100]

Пути борьбы за апатит	Примеры
Встречи и консультации с представителями власти, науки и хозяйственниками	Всемерная поддержка со стороны Эйхфельда Ферсмана и Кондрикова в апатитовом вопросе. Предложения Эйхфельда по освоению хибинских апатитов, адресованные С.М. Кирову и поддержанные им
Доклады по апатитовой проблеме на собраниях, совещаниях, конференциях	Доклад Эйхфельда «Хибинские апатиты» на собрании Общества краеведов с участниками расширенного Пленума Окрисполкома (14.06.1929 г.). Доклад Эйхфельда «Применение апатито-нефелиновых пород в сельском хозяйстве» на I Полярной конференции по вопросам комплексного использования Хибинской апатито-нефелиновой породы (10.04.1932 г.)
Популяризация новой идеи в печати	После встречи писателя В. Финка с И. Г. Эйхфельдом в одной из газет появилась резонансная статья «Не нужно Африки», способствовавшая оживлению вокруг апатитовой проблемы

В спорах, которые длительное время велись в научных учреждениях и плановых организациях вокруг проблемы апатита, И. Г. Эйхфельд был всегда в числе тех, кто настаивал на немедленном освоении месторождений, чтобы возможно быстрее обеспечить суперфосфатные заводы отечественным сырьем и освободиться от необходимости импортировать марокканские фосфориты,

за которые Советскому государству приходилось платить золотом. Не случайно «беспокойный агроном» был удостоен высокой правительственной награды — ордена Ленина - за освоение Хибин и создание апатитовой промышленности.

Таким образом, роль Хибинской опытной станции в постановке и продвижении апатитовой проблемы не может не дооцениваться.

Великая культурная трансформация: перемены в мировоззрении, образе мышления и жизни людей

Начальный этап промышленного освоения Кольского Севера оказал существенное влияние на традиционную культуру региона, которая, обогатившись творчеством новых этносов, постепенно начала трансформироваться в новый общий полиэтничный интегративный тип. «Ведущей тенденцией модернизационных процессов начала XX века в культуре Кольского Заполярья, — по мнению Л. М. Мосовой и Л. С. Вагиновой, — стали тенденции урбанизации, железнодорожного строительства, создания некоторых основ промышленности, активизации экономической жизни и научных исследований» [Мосолова, Вагинова, 2005: 59].

Научное сообщество Хибин проявило удивительную сопричастность к процессам великой культурной трансформации края, направив свою энергию на создание здесь социально-значимых научных и культурных институтов (опорных сельскохозяйственных пунктов Мурманской железной дороги в Коле и Лоухах, Хибинской горной станции Академии наук, Лапландского заповедника, Краевого музея и Общества изучения края в г. Мурманске) и презентацию своих «продуктов» (таких как: пропаганда агрознаний, экскурсии, выставки, публикации в периодике, и т.д.), ценностей и норм новой региональной культуры. Оценить по достоинству вклад работников Хибинского опытного пункта в культурное наследие края в рассматриваемый нами период во многом позволяют неопубликованные материалы Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН. Проиллюстрируем на конкретных примерах подвижническую деятельность пионеров полярного земледелия на поприще создаваемой ими новейшей культуры, подчеркнутых преимущественно автором из фондов названного учреждения.

Известно, что в 1920-е годы приоритетной формой научного познания Кольского Севера стали экспедиции, в организации которых в то время особенно преуспели такие центральные научные учреждения как Академия наук и Институт по изучению Севера (преемник Севэкспедиции). Своеобразным центром притяжения для тех из них, кто занимался изучением Хибин, озера Имандры, Чуна и Монче-тундры и других приозерных мест центральной части Кольского полуострова стал Хибинский опытный пункт. Этим обстоятельством воспользовался Г. М. Крепс — ученый-ботаник, который возглавлял гидробиологическую экспедицию Мурманской биологической станции на протяжении трех лет, с 1924 по 1926 годы.

С началом индустриализации края стали складываться предпосылки для перехода от экспедиционной деятельности отдельных отрядов к стационарной работе. Академия наук в начале первой пятилетки инициировала создание на базе Кольской комплексной экспедиции Хибинской горной станции — первого многопрофильного учреждения на Кольском Севере. Деятельное участие в этом начинании приняли Мурманская железная дорога и ее структурное

подразделение — Хибинский агропункт. К сожалению, в публикациях научных сотрудников ЦГП КНЦ РАН (Макарова, 2015: 110–118; Макарова, Петров, Токарев, 2012: 61–73 и др.), активно изучающих проблему институционального развития академической науки на Кольском Севере, практически не освещается такой важный ее аспект применительно к 20-м годам XX столетия как опыт взаимодействия Академии наук и Мурманской железной дороги. Между тем он весьма многогранен и во многом поучителен. Приведем без сокращений три любопытных документа [Музей-Архив ... НВФ № 1029–1031], отражающие лишь отдельные грани обозначенной проблемы:

Документ № 1:

Телеграмма от 27 февраля 1928 г. Эйфельду.

Хибины ЧКОЛлес Эйфельду.

Постройка сторожки в Хибинах для горной станции утверждена. Аванс 500 руб. для заготовки леса, смета высылается.

№ 98. за ЧКОЛ Овчинников.

Документ № 2:

Правление МЖД Колонизационный отдел. ЧКОЛ АГР — И. Г. Эйфельду.

28 февраля 1928 г.

По докладу ЧКОЛ ЧП Г. Ф. Чиркиным утверждена у места предполагаемой горной станции Академии наук у истока р. Белой и оз. Вудъявр в Хибинах постройка деревянного строения, размером 2 на 3 сажени, смета на которую Вам высылается.

В виду Вашего согласия принять на себя проведение (руководство) и надзор за этой постройкой Вам переводится на счет № 9 ЧКОЛ аванс на заготовку леса в сумме 500 руб. Нужные для постройки материалы в виде пакли, печка и прочее, которые нельзя купить на месте, будут Вам высланы из Ленинграда.

Постройку необходимо вести с таким расчетом, чтобы она была готова для возможности временного жилья в ней, в **июле** сего года (1928).

О всех вытекающих недоделках или затруднениях, в случае, если таковые будут, немедленно сообщить для своевременного содействия ЧКОЛ.

Н. Я. Овчинников.

Документ № 3:

2 апреля 1928 г. Вступает в силу после утверждения Колонизационным отделом.

Трудовое соглашение

между Эйфельдом (ст. агрономом Колонизационного отдела) и рабочим Петром Случнис о заготовке леса на берегу оз. Вудъявр (всего на сумму 462 руб. 50 коп.) (предоставляется брезентовая палатка для жилья) и переселенцем Зосима Куимовым, который берет на себя перевозку фуража и разного имущества и материалов от Хибинского опытного пункта до оз. Вудъявр на расстояние 30 км.

Подробно комментировать эти документы нет надобности. Их содержательная часть вполне определена и лаконична, она позволяет сделать следующее резюме. Уже в знаменитых хибинских экспедициях у А. Е. Ферсмана родилась мечта о постройке небольшой хижинки, которая бы стала местом приюта для геологов-первопроходцев. Первыми кому выпала честь воплотить ее на практике оказались Правление и Колонизационный отдел Мурманской железной дороги, а также Хибинский опытный пункт под началом И. Г. Эйхфельда. Вписать это событие в анналы «летописи КНЦ РАН» [Кольский научный центр. Летопись, 2011: 21], значит воздать должное тем, кто стоял у истоков академической науки на Кольском Севере. Не менее важен и другой вывод. Первое научное учреждение в Хибинах активно содействовало и проявило свою сопричастность к формированию здесь (в 1920-е гг. помимо ХИГС, еще и Лапландского заповедника) целого научного кластера.

Составной частью культурной практики первого послереволюционного десятилетия новой России становятся музеи. Их появление на Мурмане неразрывно связано с историей краеведческого движения. Организация Краевого музея в г. Мурманске стала общим делом «провинциальной» интеллигенции, занимавшейся краеведческой работой. Неудивительно, что официальное оформление этих двух социальных институтов падает на одну и ту же дату — 1926 г. Горячим приверженцем создания Общества изучения Мурманского края и Краевого музея, новых региональных центров духовности, стал молодой агроном И. Г. Эйхфельд. В деятельности этих учреждений он оставит заметный след, впервые замеченный, но лишь контурно обозначенный в работах ветерана музейного дела, научного сотрудника Мурманского областного краеведческого музея С. П. Мартюшовой [Мартюшова, 2013: 11–12, 15, 17, 19].

Эйхфельд оказался в числе тех краелюбов, кто живо откликнулся на призыв всемерно содействовать сбору экспонатов для будущих музейных коллекций. В итоге Мурманскому музею были переданы Хибинским опытным пунктом образцы сельскохозяйственных растений, а также соответствующие данной тематике диаграммы и таблицы, вошедшие в итоге в коллекцию его экономического отдела [Михайлов, 1929: 22]. Связь между двумя учреждениями на этом не прервалась. С целью пропаганды сельскохозяйственных достижений и возможностей ежегодно осенью в Мурманском краеведческом музее устраивалась выставка экспонатов урожая зерновых, огородных культур и кормовых трав Хибинского опытного пункта. По воспоминаниям первого руководителя музея М. Н. Михайлова, ее открытие всегда было ожидаемым событием и имело не малый общественный резонанс. Особенно большое впечатление на посетителей оказывала яркая коллекция цветов, выращенных на клумбах опытного пункта. Как замечает М. Н. Михайлов, «это было необычно для Заполярья и города, так как он в те годы имел иной рисунок; мало было благоустроенных домов, преобладали бараки и среди них бараки-чемоданы, сохранившиеся от первых лет возникновения города, интервенции» [Музей-Архив ... НВФ 47: 6].

Не менее плодотворной была деятельность Эйхфельда на поприще общественного краеведения. Будучи членом правления Общества изучения Мурманского края, он не раз выступал на его заседаниях с докладами, посвященными таким злободневным проблемам как полярное земледелие и

хибинские апатиты. Но не только экономические вопросы волновали Эйхфельда. Не мог он не осознавать и того, что краеведение несет в себе огромный воспитательный заряд. Как говорил проф. И. М. Гревс, «если кто-то хочет усовершенствовать человека, то он должен рассказать ему о его истории» [Плаггенборг, 2000: 255]. Но сохранение культуры страны по силам только армии энтузиастов-краеведов. Так, по инициативе Эйхфельда летом 1928 г. в Хибинах появилось первое в крае филиальное отделение Общества краеведов. «В фондах Мурманского областного краеведческого музея, — отмечает С. П. Мартюшова, — хранятся анкеты-заявления о приеме в члены Общества И. Г. Эйхфельда и его помощников М. М. (Марии Митрофановны) Хренниковой и М.Ф. (Михаила Федоровича) Онохина, редкие и в своем роде единственные фотографии первых сотрудников Хибинской опытной станции ВИРа, видовые и сюжетные фото опытных полей и делянок, сделанные в 1920-е годы Эйхфельдом (всего 54 единицы хранения)». Трудно не согласиться с ее выводом о том, что «Иогана Гансовича по праву можно считать первым краеведом Хибин». [Мартюшова, 2015: 10].

Духу начавшейся советской эпохи, безусловно, соответствовали экскурсии как инструмент совершенствования человека. На Кольском полуострове в этот период наибольшим интересом пользовались так называемые прогулки в район Хибинских и Ловозерских тундр. И это не случайно. «Хибинский район, — отмечал Эйхфельд — один из красивейших и своеобразнейших уголков необъятного Советского Союза. По разнообразию рельефа, выпукло отраженному геологическому прошлому этого старейшего участка Европейского материка, по своеобразию животного и растительного мира — район этот представляет большой интерес и для ученого и просто натуралиста, а особенно — для учащихся. Экскурсии в Хибинский район интересны в течение почти круглого года». Помимо познавательного значения, считал Иоган Гансович, они оказывают позитивное влияние на здоровье человека. По его словам, «молчаливая природа Севера своими необъятными просторами и величавым спокойствием окажет самое благотворное действие на быстро изнашивающуюся в современном темпе жизни нервную систему» [Эйхфельд, 1929: 9].

В то время не было рекламы в современном понимании этого слова. Но когда берешь в руки рекламные проспекты нынешних турфирм Мурманской области, так и хочется пожелать их составителям обратиться к литературному наследию Эйхфельда. Вот вам, пожалуйста, готовый образец рекламы с подачи одного из зачинателей экскурсионного дела в Хибинах, рассчитанный на любителей позагорать в наших местах ранней весной: «Солнце тогда сверкает почти круглые сутки и лучи его, отраженные от склонов гор и широких снеговых просторов скованной льдом Имандры, насыщают настолько воздух светом, что все становится прозрачным, почти нереальным и малейшие детали местности легко отличимы на десятки километров. Человек загорает тогда в течение одного дня так, как на юге неделями» [Эйхфельд, 1929: 9].

Между тем Эйхфельд не столько занимался теорией экскурсий (например, предлагал маршруты по Хибинским тундрам с подробным описанием некоторых из них), сколько сам их практиковал. Много раз ему, как директору опытного пункта, приходилось принимать в качестве гостей иностранных ученых. Первым из них побывал в Хибинах проф. Лондонского

университета Р. А. Гэтс в 1926 г. (автор книги «Наследственность и евгеника», 1926). В 1928 г. по дороге в Мурманск пожелали сделать остановку на станции Хибин и посетить сельскохозяйственный опытный пункт участника Международного арктического конгресса. Для них, по воспоминаниям Эйхфельда, наспех была приготовлена небольшая выставка с натуральными экспонатами и фотографиями. «Было, — как запишет позднее известный ученый-агроном, — еще начало лета, всходы на полях едва покрывали землю, кругом была безрадостная лесная гарь. Да и дороги не было со станции на опытный пункт — только тропа между камней, пней и еще не убранных обгорелых стволов» [Музей-Архив ... НВФ. № 491: 1]. Среди посетителей агропункта вполне мог оказаться и знаменитый норвежский ученый полярник Фритьоф Нансен. Но вот беда, заболела супруга, и он вынужден был срочно вернуться в Осло. Сохранились ли фотодокументы, запечатлевшие это событие, нам неизвестно. Зато мы можем лицезреть фото одного из ведущих американских физиологов растений Р. Гарвея на страницах журнала «Карело-Мурманский край» (1929), сделанное в отрогах Хибин (у горы Тахтарвумчорр) и размещенное Эйхфельдом в его статье «Экскурсионное дело и охрана природы в Хибинских тундрах».

В борьбе за сохранение естественных ландшафтов: «время больших надежд»

Советское природоохранное движение в первое послереволюционное десятилетие начиналось в примечательном социально-культурном контексте: в борьбе за сохранение естественных ландшафтов в то время объединились естествоиспытатели и провинциальная интеллигенция. Это было «время больших надежд» [Вайнер, 1991: 70], когда, по словам проф. О. Н. Яницкого, «экологи и краеведы не только имели общее интеллектуальное руководство и даже частично перекрывающийся управленческий аппарат, но и совместно участвовали в массовых акциях...» [Яницкий, 2004: 106].

«Институциональным» перекрытием этих двух социальных движений на Кольском Севере стало Общество изучения Мурманского края (1926). Именно оно стояло у истоков формирования системы экологического просвещения в крае, спасало памятники природы и старины Заполярья от невежества местных «выдвиженцев», сумело воплотить на практике рекомендации ученых о выделении специально охраняемых территорий для изучения региональных экосистем.

Говоря о заслугах Мурманского общества краеведов, следует иметь в виду, что его деятельность преимущественно «подпитывалась» за счет инициатив, исходивших что называется «снизу». Примером тому может служить его природоохранная деятельность.

Среди первопроходцев-натуралистов, вставших на защиту хрупкой природы Кольского Заполярья, имя И. Г. Эйхфельда упоминается крайне редко. По сути, вопрос о его вкладе в дело охраны природы Севера никем из природоведов и краеведов серьезно в мурмановедении не поднимался. Между тем именно этот человек, на наш взгляд, своими помыслами, начинаниями и инициативами во многом предвосхитил появление особоохраняемых территорий на Кольской земле, всячески способствовал становлению и развитию кольской экологии как биологической, так и культурной, или нравственной.

Уже к началу 1920-х годов на Кольском полуострове отмечалось ухудшение состояния некоторых природных ресурсов. Так, исчез ранее обычный пушной вид — речной бобр, стадо дикого оленя сократилось настолько, что надо было принимать неотложные меры по его спасению. Массовый сбор пуха внушал серьезное опасение за судьбу морской утки-гаги. Негативные последствия для местных экосистем имела также прокладка Мурманской железной дороги. Во время ее строительства в центральной части Кольского полуострова леса большей частью выгорели. В лесной полосе между озером Имандра и Хибинским горным массивом огонь местами прошелся повторно. Причем выгорел не только лес, но и все что могло гореть, даже верхний слой горнорастительной почвы. Остались лишь обнаженные валуны, песок и каменная дресва. Небольшие куртины леса сохранились лишь на болотах. С переходом к начальному этапу промышленного освоения края ряд ученых-энтузиастов, предвосхищая губительные последствия «покорения природы», взывали к власти и обществу с требованием о всесторонней планомерности воздействия человека на биосферу. В их числе был и И. Г. Эйхфельд.

В августе 1924 г. состоялось его путешествие в бассейн р. Чуны с партией работников леса (лесничий Я. Ромин, инженер по лесозаготовкам Н. Неведомский) с целью выяснения возможности организации заготовки леса на Чуне и его сплава. Позднее, вспоминая этот, казалось ничем примечательный, эпизод из своей биографии, Иоган Гансович скромно заметит: «Я "охлаждал" лесников в их намерениях. Не уверен имели ли влияние мои соображения о сохранении в этом районе леса, но в то время лесозаготовки на Чуне не были намечены. Возможно, истинная причина заключалась в том, что Чуна будучи мелководной и извилистой рекой вызывала большие трудности вывоза и сплава леса» [Музей-Архив ... НВФ 492: 5].

А уже на следующий год в «Вестнике Карело-Мурманского края» (№ 14) появится публикация Эйхфельда о целесообразности создания заповедника в районе Чуна-тундры, которая нашла полное понимание и поддержку со стороны тогдашнего научного сотрудника Александровской биологической станции Г. М. Крепса. Удивительное переплетение судеб мы наблюдаем в «мурманский» период этих двух ученых-единомышленников. Когда то, Г. М. Крепс, основатель Хибинского опытного поля, передал свое детище ученику знаменитого Н. И. Вавилова. Пройдет совсем немного времени и все повторится, только в точности наоборот. Ученик проф. Н. И. Прохорова станет первым директором будущего Лапландского заповедника, но уже не без участия благодарного Эйхфельда. В 1927 г. на мартовском заседании правления Общества изучения Мурманского края было принято постановление об охране заповедных мест, в числе прочих, признанных к открытию в первую очередь, значилась и Чуна-тундра — место обитания диких оленей. Так было положено начало созданию первого на Кольской земле Лапландского заповедника [Мартюшова, 1999: 4]. Кстати, его первым научным сотрудником станет по рекомендации того же Эйхфельда небезызвестный Семенов-Тянь-Шанский, до перехода на новую работу исполнявший обязанности наблюдателя горной метеорологической станции в Хибинах.

С конца 1920-х годов воздействие человека на природные системы края стало по-настоящему разрушительным и губительным, в ряде его мест проявились первые признаки разбалансировки экосистем, восстановление

которых требовало принятия неотложных мер. Именно в это время на страницах журнала «Карело-Мурманский край» появляется статья И. Г. Эйхфельда, посвященная охране природы в Хибинской тундре. Ученый был серьезно обеспокоен тем, что за последние годы пожары и вырубki лесов разительно изменили ландшафт этих мест. Чтобы уберечь уникальную экосистему Хибин от экологических последствий начавшейся здесь непродуманной индустриализации, директор Хибинского опытного пункта предложил следующие меры [Эйхфельд, 1929: 11]:

1). Необходимо оградить долину Малой Белой и Малого Вудъявра от вторжения лесных пожаров. Вырубить охранную полосу или еще лучше объявив всю эту территорию заповедной, охраняемым от уничтожения памятником полярной природы.

2). Следует запретить всякую охоту и предохранить от порчи и уничтожения отдельные мелкие объекты - интересные растительные сообщества. Выяснить все объекты охраны может только специальная научная комиссия.

3). Материально обеспечить дело охраны природы в Хибинской тундре может только наиболее мощная в крае организация — Мурманская железная дорога, но осуществить охрану может только намеченная к организации в Хибинских горах научная станция Академии наук, которой и следует поручить это дело с привлечением к участию Ленинградской областной комиссии по охране природы, Мурманского общества краеведения и местные организации Мурманской дороги — Хибинской опытной станции и Имандровского лесничества.

Как видно из этой публикации, решение экологических проблем Хибин было не только его личным делом, но и рассматривалось им как важная составляющая деятельности руководимого им научного учреждения.

К сожалению, в то время идея перехода к планомерному взаимодействию человека со средой обитания особенно в местах так называемых «великих строек» (к коим, безусловно, принадлежали и Хибины) так и не была осознана ни в широких общественных кругах, ни тем более в коридорах власти. К чему это привело, видно из воспоминаний Е. Н. Синской: «На месте теперешнего Кировска в 1925 г. была совершенно девственная природа, не было никаких следов человеческого жилья и два живописнейших озера выделялись голубыми пятнами среди лесов и поля. А при втором моем посещении (тех же мест, но уже в 1931 г.) картина резко изменилась. И чудные два голубых озера уже имели воду, непригодную для питья — она была испорчена спускающимися в нее отходами обогатительной нефелиновой фабрики» [Синская, 1991: 92].

С тех пор минуло почти столетие, однако, концептуальные подходы в отношении к природе Севера, высказанные учеными -энтузиастами еще в 1920-е годы, по-прежнему сохраняют свою актуальность. Если бы они вовремя были реализованы на практике, то может быть тогда не пришлось бы нам выслушивать сегодня неутешительный вердикт ученых: «экологическую обстановку в Мурманской области можно оценить как неблагоприятную, а усилия в сфере охраны окружающей среды и природопользования — как недостаточные» [Стратегические перспективы соц.-эконом. развития Мурманской обл., 2009: 32].

Некоторые обобщения

Представленные в статье массивы конкретно-исторического материала дают нам основание утверждать, что в 1920-е годы Хибинский опытный пункт являлся одним из важнейших факторов модернизации Кольского Севера. Вместе с тем выявленные автором факты служат как бы ключом к пониманию роли и места первого научного центра полярного земледелия в России в народнохозяйственном организме страны.

Не вызывает сомнения, что на начальном этапе изучения и промышленного освоения Кольского Севера Полярная опытная станция была признанным центром большой культурной и общественной работы в Прихибинье, а в перспективе, по словам представителя правления Мурманской железной дороги, инженера П. М. Гаевского, «должна стать таким же культурным краевым центром мурманской суши, каким Мурманская биологическая станция является для моря» [Гаевский, 1928: 11].

Список сокращений

КО МЖД — Колонизационный отдел Мурманской железной дороги
СТО — Совет Труда и Оборона

Список источников

РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Высший Совет народного хозяйства СССР и РСФСР (15.12.1917 – 10.03.1932)

ГОКУ ГАМО. Ф. Р-94. Оп. 1. Земельное управление Мурманского губисполкома (Мурманское губземуправление). 1921–1927.

ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-194. Оп. 1. Архивная коллекция документов об освоении Кольского полуострова и строительстве города Кировска (Хибиногорска). 1920–2006.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 5. Президиум Ордена Ленина Кольского научного центра Российской академии наук.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. НВФ. № 47. Михайлов. М. Краеведческая деятельность И. Г. Эйхфельда на Мурмане. 8 с.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. НВФ. № 491. Эйхфельд И. Г. Полярные исследования и писатель Петер Фрейхен (Дания) (краткие воспоминания). Март 1976 г. 3 с.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. НВФ. № 492. Эйхфельд И. Г. Герман Михайлович Крепс (из воспоминаний). 6 с.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. НВФ. № 1029. 1 с.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. НВФ. № 1030. 1 с.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. НВФ. № 1031. 1 с.

Список литературы

Вайнер Дуглас. Экология в Советской России. Архипелаг Свободы: заповедники и охрана природы / Пер. с англ. Е. П. Крюковой; Послесл. и ред. Ф. Р. Штильмарка. М.: Прогресс, 1991. 396 с.

Второй год колонизационной работы Мурманской железной дороги. Отчетный сборник Колонизационного отдела Правления Мурманской железной дороги за 1924–1925 год. Л.: Изд. Правления МЖД. 1926. 180 с.

Гаевский П. М. Образование Хибинского промышленного центра // Карело-Мурманский край. 1928. № 9. С. 11–12.

Зайдфудим П. Х., Голубчиков С. Н. Введение в российское североведение: Учебное пособие. М.: Арт-Пейпер-Принт, 2003. 288 с.

Летопись // Кировский рабочий. 1934. 10 декабря. С. 3.

Макарова Е. И. Источники по истории институционализации науки в Евроарктическом регионе: от ХИГС до КФАН СССР (1930–1950-е гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 7. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2015. С. 110–118.

Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Академия наук в истории индустриализации северных территорий СССР (1917–1940) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2012. С. 61–73.

Мартюшова С. П. Общество краеведения на Мурмане // Век краеведения на Мурмане: историко-краеведческий альманах. Апатиты: Издательство историко-краеведческого музея г. Апатиты, 1999. (Живая Арктика № 3–4). С. 4.

Мартюшова С. П. Хранители истории Кольской земли. История Мурманского краеведческого музея. Мурманск: Кн. изд-во, 2013. 152 с.

Мартюшова С. П. Становление общественного краеведения в Хибинах // Материалы III областной краеведческой конференции, посвященной 80-летию юбилею Кировского историко-краеведческого музея. Кировск, 2015. С. 9–15.

Мосолова Л. М., Вагинова Л. С. История культуры Кольского Заполярья: Учебно-методическое пособие. Мурманск: МГПУ, 2005. 102 с.

Михайлов М. Н. К двухлетию Мурманского музея краеведения // Карело-Мурманский край. 1929, № 3. С. 22.

Петров В. П., Макарова Е. И., Саморукова А. Г., Токарев А. Д., Усов А. Ф. Кольский научный центр. Летопись. 1930–2010. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2011. 320 с.

Первая Полярная конференция по вопросам комплексного использования Хибинской апатито-нефелиновой породы (9–12 апр. 1932 г.). Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2009. 324 с.

Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой Сталина. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 416 с.

Синская Е. Н. Воспоминания о Н. И. Вавилове. Киев: Издательство Наукова думка, 1991. 208 с.

Стратегические перспективы социально-экономического развития Мурманской области. М.: Экономика, 2009. 319 с.

Чиркин Г. Ф. Транспортно-промышленный-колонизационный комбинат Мурманской железной дороги: его возникновение, развитие и метод работ. М., Л.: Главнаука, 1928. 134 с.

Эйхфельд И. Г. Экскурсионное дело и охрана природы в Хибинской тундре // Карело-Мурманский край. 1929. № 10. С. 9–11.

Эйхфельд И. Г., Ефимов П. Е. Применение Хибинских горных пород для удобрения почвы // Карело-Мурманский край. 1930. № 11/12. С. 14–17.

Эйхфельд И. Г. За камнем плодородия // Хибинские клады. Воспоминания ветеранов освоения Севера. Л.: Лениздат, 1972. С. 13–41.

Яницкий О. Н. Социальная экология и краеведение // Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития: Материалы Всероссийского семинара краеведов «Любовь к малой родине — источник любви к отчизне». Зарайск, 30 января 2004 г. М.: Москвоведение, 2004. С. 102–110.

Сведения об авторе

Дюжилов Сергей Александрович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Djuzhilov Sergej Aleksandrovich

PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 930.235(98)

О. В. Шабалина

**МАТЕРИАЛЫ АКАДЕМИЧЕСКИХ АРХИВОВ КАК ИСТОЧНИКИ
К БИОГРАФИИ АРКТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ:
МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА ЛАВРОВА (1887–ПОСЛЕ 1969)¹**

Аннотация

В статье представлены материалы персонального фонда геолога М. А. Лавровой Музея-Архива Истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН и фондов Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук, являющиеся потенциальными источниками для составления биографии полярного исследователя и отражающие историю организации и проведения арктических экспедиций п.п. XX в.

Ключевые слова:

Полярная комиссия Академии Наук, подкомиссия по изучению архипелага Новая Земля, полярные исследования, арктические экспедиции, Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН, Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук, М.А. Лаврова, геологическое изучение Кольского полуострова.

O. V. Shabalina

**MATERIALS OF ACADEMIC ARCHIVES AS SOURCES TO THE BIOGRAPHY
OF THE ARCTIC RESEARCH: MARIA ALEKSEEVNA LAVROVA
(1887–AFTER 1969)**

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБУ «Российский фонд фундаментальных исследований» и Правительства Мурманской области в рамках научного проекта № 17-11-51004_a(p) «Материалы архивов РАН по истории организации и проведения экспедиционных исследований арктических и субарктических зон в конце XIX — п.п. XX вв.»

Abstract

The paper presents materials of geologist's M.A. Lavrova personal fund of the Museum-Archive of the Barents Centre of Humanities of the KSC RAS and the funds of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, which are potential sources for the biography of the polar explorer and reflect the history of the organization and conduct of Arctic expeditions the first half of the 20th century.

Key words:

Polar commission of the Academy of Sciences, subcommittee on observation of Novaya Zemlya Archipelago, polar research, Arctic expeditions, Museum-Archive of the European North Investigation and Exploration History of the BCH of the KSC RAS, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, M.A. Lavrova, geological study of the Kola Peninsula

Активизация в Арктике международных исследований в конце XIX – начале XX вв., которые были направлены на поиски Северного морского пути (СМП), определение фигуры Земли, попытки достижения Северного полюса, изучение отдаленных арктических территорий и островов, была вызвана возросшим политическим значением Севера как важного стратегического и экономического региона и стремительным развитием технических средств достижения высоких широт. Арктическое мореплавание нуждалось в точных картах и физико-географических данных о регионе.

К началу XX в., несмотря на отсутствие необходимых финансовых и технических возможностей, Академия наук имела значительный экспедиционный опыт в изучении российской Арктики и Субарктики. В 1914 г. была сформирована Полярная комиссия под председательством Великого князя Константина Константиновича, которая координировала исследования в регионе. В период с 1922 по 1924 гг. из ее структуры выделялась подкомиссия по изучению Новой Земли. Активно участвовала в работе последней сотрудник и руководитель арктических геологических экспедиций, специалист в области изучения оледенений, геолог Лаврова Мария Алексеевна – ученица профессора Павла Владимировича Виттенбурга (см. рис. 1, 2). Но если Виттенбург, как личность, известен достаточно широко, то персональных сведений о Марии Алексеевне крайне мало.

Рис. 1. П. В. Виттенбург (1884–1968) [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 316]

Рис. 2. Лаврова Мария Алексеевна (1887–после 1969) [Музей-АрхивЦГП КНЦ РАН. ОФ 311]

После осуществления процедур архивной эвристики были выявлены исторические источники, позволившие наметить канву из фактов к периоду биографии М. А. Лавровой, в который она занималась исследованиями в Арктике. Изученные материалы являются единицами хранения СПБФ АРАН и Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук (Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН) и представляют собой разнотиповой поливидовой комплексный тематический корпус источников, состоящий из документов творческих, личного происхождения, организационно-распорядительной, протокольной, отчетной документации, деловой переписки, фотографических и изобразительных материалов, мемориальных вещей.

Формирование документально-предметного фонда Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем (ЦГП) Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук (РАН), созданного в 1974 г. по решению президиума Географического общества (ГО) СССР при его Северном филиале (СФ), практически всегда происходило за счет инициативного комплектования, пополняясь из семейных архивов, коллекций и собраний российских ученых и исследователей, чьи научные интересы были связаны с Арктикой. Персональный фонд Лавровой М. А. был организован из материалов, переданных на хранение в Музей-Архив домработницей и компаньонкой Марии Алексеевны Нагорной В. М. весной 1974 г. после смерти исследовательницы.

Необходимо отметить, что материалы персональных фондов М. А. Лавровой и профессора П.В. Виттенбурга, отложившиеся в Музее-Архиве истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН тематически диффузны, т.к. они были коллегами-соратниками и участвовали в совместных экспедициях на Кольский полуостров и архипелаг Новая Земля, поэтому некоторые единицы хранения фонда профессора также рассмотрены нами в качестве источников к биографии Марии Алексеевны.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в процессе работы по теме был изучен состав фондов: № 4 «...Правление АН (1894–1927); Управление делами АН (1927–1934)...», который среди прочих аккумулировал в себе личные дела служащих Академии наук (до 1941 г.), в том числе, личное дело М. А. Лавровой за трудовой период 1929–1933 гг. [СПБФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 6263]; № 75 «Полярная комиссия АН (ПК АН) (1914–1936)», где отложились материалы Севэкспедиции; № 128 «Геологический музей Академии наук СССР» – это учреждение АН, где работала М. А. Лаврова в 1920–30-х гг.

Имеющиеся свидетельства из опубликованных источников характеризуют М. А. Лаврову как отважную женщину, страстно увлеченную наукой и Арктикой. Фактологические данные, полученные в ходе архивной эвристики, подтверждают это и позволяют выстроить биографическую траекторию ученого-полярника.

Лаврова Мария Алексеевна родилась в марте (точная дата неизвестна) 1887 г. в с. Георгиевское Рыбинского уезда, Ярославской губернии в семье священника. Закончила высшие женские (Бестужевские курсы) и прошла государственные испытания при Санкт-Петербургском Университете. С 1904 по 1915 гг. преподавала в земских школах Ярославской губернии. В 1916 г.

переехала в Петроград, где работала школьным педагогом и лектором Научного кинематографа до 1920 г. 1 ноября 1920 г. была приглашена Павлом Владимировичем Виттенбургом в качестве научного сотрудника Геологического Музея Академии наук. В 1921–1930 гг. работала также ассистентом по кафедре географии полярных стран Географического института, который в 1925 г. был слит с Ленинградским государственным университетом [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 62633. Л. 1, 31-31об.].

Теперь нужно сделать отступление и сказать, что первая Лапландская экспедиция П. В. Виттенбурга состоялась в Архангельскую губернию, преимущественно на Мурманское побережье для геологических исследований в июне-июле 1918 года, когда там шли военные действия [СПбФ АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 4. Л. 74]. Экспедиция обследовала Кольский залив, остров Кильдин и обнаружила залежи железной руды у мыса Мишукова с удобным их расположением для дальнейшей эксплуатации. Чтобы установить промышленное значение разведанных залежей железной руды, требовались специальные геологические изыскания, которые и были осуществлены в 1920 г. геологическим отрядом Северной научно-промысловой экспедиции под руководством профессора Виттенбурга усилиями 8 человек, в т.ч. художника Альберта Николаевича Бенуа и коллектора, секретаря Марии Алексеевны Лавровой, которая к тому времени работала научным сотрудником в Геологическом музее АН [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 62633. Л. 1]. По видимому, это была первая заполярная экспедиция, в которой она приняла участие.

Мурманская железная дорога предоставила отряду теплушку — товарный вагон (см. рис. 3). Члены экспедиции его оборудовали с максимально возможным комфортом: печуркой и всем необходимым для работы и отдыха. Через две недели пути они прибыли в Мурманск. Для работы получили плоскодонную моторную лодку. На буксир взяли другую лодку с экспедиционным снаряжением и частью личного состава (см. рис. 4).

Рис. 3. Экспедиционный отряд. 1920 г.
[Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН.
НВФ 819. Л. 2]

Рис. 4. Экспедиционный транспорт.
Рис. А.Н. Бенуа. 1920 [Музей-Архив
ЦГП КНЦ РАН. ОФ 314. Л. 17 об.]

Исследовать надлежало южную часть Кольского залива и реку Тулому с ее порогами и водопадами до Нотозера. Затем отряд приступил к исследованию медного железняка в районе мысов Пинагория и Мишукова. В результате был составлен продольный профиль и геологическая карта этого района [Виттенбург, 2003: 53-55].

По возвращению в Мурманск экспедиции был предоставлен траулер № 21 для исследования побережья полуострова Рыбачьего и дальше на запад, до Печенги. Осмотрев на полуострове Рыбачьем ряд бухт, доступных для траулера, Виттенбург решил исследовать губу Долгая Щель. Попастъ туда можно было только на шлюпке. 28 сентября он вместе с Марией Алексеевной Лавровой высадился в губе Долгая Щель, где были проведены исследования по геологии и минералогии, особое внимание было обращено на выходы серебряной руды. Тем временем поднялся шторм, и исследователи поспешили вернуться на корабль [Виттенбург, 2003: 55].

Дальнейшие события описаны в архивных материалах Полярной комиссии: «По оплошности вахтенного на траулере, приближающаяся лодка не была замечена, и судно пошло отстаиваться от поднявшегося шторма в соседнюю бухту Базарную. Таким образом, лодка с одним гребцом и рулевым была предоставлена все возрастающим волнам и юго-восточному ветру, который уносил ее в открытое море» [СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 385. Л. 3].

«...После девяти часов усиленной гребли в бурную и темную ночь счастливо выкинулись на берег губы Малой Волоковой [как установили впоследствии] голодные и мокрые. Только через двое суток добрались до становища Земляного, где нашли приют, подкрепились пищей и отдохнули. Из Земляного отправились на боте в Вайда-губу, куда пришли благополучно на шестой день после того, как вышли из губы Долгая Щель. Тем временем траулер усиленно искал начальника экспедиции и его спутницу по всему западному побережью Рыбачьего полуострова и, получив, наконец, телеграмму, что они в Вайда-губе, пришел туда и принял их на борт» [СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 7. Д. 17. Л. 64].

Во время экспедиции «собраны были обширные коллекции по физической геологии, по петрографии Западного Мурмана и по имеющей большой научный интерес фауне палеозойских кораллов острова Кильдина» [Результаты работ, 1921]. А Мария Алексеевна получила экстремальный экспедиционный опыт, который нисколько не отвратил ее от желания исследовать Арктику.

В 1921 г. Лаврова становится заведующей Отделом негативов Геологического и Минералогического музея (СПб) [СПбФ АРАН. Ф. 128. Оп. 2. Д. 87. Л. 8]. И под руководством П.В. Виттенбурга Мария Алексеевна принимает участие в работе геологического отряда Северной научно-промышленной экспедиции на Новой Земле (см. рис. 5). Геологическому обследованию тогда подвергся как Южный остров Новой Земли, так и часть Северного со стороны Баренцева моря, включая губу Сульменевую (см. рис. 6) [Виттенбург, 1922]. Геологическое строение Новой Земли оказалось столь интересным, что Виттенбург счел необходимым продолжить планомерное исследование архипелага в ближайшие же годы.

А М. А. Лаврова закончила опубликованную в Известиях Российской Академии Наук в 1922 г. статью «О геологических работах Новоземельской экспедиции 1921 года» такими словами: «Я не могу не выразить глубокой признательности президенту Российской Академии Наук академику А. П. Карпинскому, начальнику Северной Научно-Промысловой экспедиции горн. инж. Р. Л. Самойловичу и проф. П. В. Виттенбургу, предоставившим мне возможность ознакомиться с полярной областью, которая всегда привлекала меня» [Лаврова, 1922].

Рис. 5. Экспедиционная парусно-моторная шхуна «Шарлотта». 1921 [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 819/1]

Рис. 6. Лагерь экспедиции на Новой Земле. 1921 [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 819/2]

В 1922–1924 гг. профессор Павел Виттенбург вместе с Марией Лавровой принимали активное участие в работе Комиссии по изучению Новой Земли Российской академии наук, которая существовала как подкомиссия Полярной комиссии, а потом была слита с ней, т.к. их деятельность была направлена на изучение и освоение одних и тех же полярных, в т.ч., островных территорий. В фонде М. А. Лавровой Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН сохранены уникальные документы, освещающие усилия этих структурных единиц Академии наук в деле организации систематического изучения и проведения научно-исследовательских экспедиций на островах полярного архипелага Новая Земля. Среди них: протоколы заседаний комиссии, планы, программы, сметы и отчеты научных исследований на архипелаге в 1923–1924, 1926 гг. Есть также выписка из протокола Совещания при Госплане по вопросу о Новой Земле с приложенным проектом декрета СНК о мерах по «укреплению и развитию хозяйственных мероприятий на севере РСФСР, обеспечению северного морского пути и развитию русских промыслов на Новой Земле и у ее берегов», датированных 1923 г.

В выписке из протокола Совещания при Госплане РСФСР по вопросу о Новой Земле 1923 г. изложены «основные соображения» Президиума Госплана, связанные с этим полярным архипелагом: «Острова Новой Земли, как лежащие в области Северного Морского Пути и связанные с ними важными промысловыми районами, требуют ряда срочных мероприятий в целях охраны их от хозяйственного и политического использования другими государствами. Эта охрана помимо мер административно-дозорного характера должна заключаться в укреплении владения РСФСР путем создания специальных радиостанций, в целях обслуживания острова и прилегающего к нему СМП и путем планомерного систематического изучения естественных производительных сил Новой Земли и их хозяйственного использования» [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 770. Л. 1].

Проект Декрета СНК 1923 г. содержит перечень конкретных мер, которые должны были укрепить и развить хозяйственные мероприятия на севере РСФСР по обеспечению северного морского пути и развитию русских промыслов на Новой Земле и у ее берегов. Предполагалось установить

в Маточкином Шаре и на северной оконечности Новой Земли 2 радиостанции, возложив выполнение этого задания в срочном порядке на Комиссариат по морским делам Главного гидрографического управления. Было решено предложить ВСНХ по соглашению с Наркомвнуделом принять срочные меры к снабжению судами, промысловыми орудиями, материалами и продовольствием участников новоземельских экспедиций. Признавалось необходимым организовать на западном берегу в губе Митюшиной «научную базу легкого типа» [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 770. Л. 2] для изучений западного побережья обоих островов, их промыслов и природных ресурсов края. Также в целях планомерного изучения и хозяйственного использования Новой Земли в 1923 г. предполагалось организовать исследовательские партии в районы, связанные с постройкой радиостанций и научных баз, согласовав их деятельность с работами Главного гидрографического управления.

Осуществление запланированных мероприятий было возложено на НТО ВСНХ по Северной научно-промысловой экспедиции, а научное руководство всеми исследовательскими работами в районе Новой Земли было поручено особому Комитету при Российской академии наук, обязав его представлять периодические доклады через СТО в СНК. В состав Комитета решено было включить представителей Академии наук, Главного гидрографического управления, Русского географического общества (РГО), Главной физической обсерватории, Геологического комитета (Геолком) и других заинтересованных учреждений по усмотрению Комитета. Организацию Комитета возложить на академика А. П. Карпинского, А. Е. Ферсмана, Ю. М. Шокальского, Д. Н. Анучина и Б. М. Жидкова.

Государственному колонизационному институту вменялось срочно разработать систему необходимых мероприятий по колонизации и развитию промыслов Новой Земли для представления через Госплан в Совет народных комиссаров.

В дополнение к проекту декрета СНК Президиум Госплана постановил: 1) постройку приемной радиостанции на северной оконечности Новой Земли произвести с таким расчетом, чтобы она могла в дальнейшем легко быть развернутой в полную радиоустановку; 2) одобрить предложение Главного гидрографического управления о включении в число личного состава радиостанции научных сотрудников по различным дисциплинам; 3) обеспечить сотрудников обеих радиостанций ввиду полярных условий необходимым продовольствием, одеждой и материалами на три года; 4) ввиду особо тяжелых условий и оторванности от семьи участников экспедиции признать необходимым установление для них добавочного вознаграждения в виде особых суточных денег и премий за успешное выполнение работ и выплаты содержания за время экспедиции к моменту ее отправки, а для личного состава радиостанции за год вперед; 5) для организации научной базы в губе Митюшиной признать необходимым отпуск кредита на строительство и оборудование, для снабжения базы продовольствием, снаряжением, топливом и перевозочными средствами; 6. профинансировать три исследовательские партии с составом в 19 человек [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 770. Л. 1, 1 об.].

В протоколе 7-го собрания Комиссии по исследованию Новой Земли при Российской Академии Наук от 8 ноября 1923 года зафиксировано, что Н. Н. Матусевич и Р. Л. Самойлович обратили внимание собравшихся

на положение промыслов на Новой земле и заявили, что если экономическая политика на Новой Земле не будет изменена, то промыслы погибнут. Они считали, что управление и организация жизни на Новой Земле должны исходить из центра [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 767. Л. 2].

Н. Н. Матусевич указал на то, что ввиду богатства промыслового зверя на восточной стороне Новой Земли, радиостанция будет иметь большое значение именно в промышленном отношении. При снабжении станции продуктами питания, жидкого топлива и орудиями лова она может служить опорной базой для промыслов и являться как бы пунктом, вокруг которого может сосредоточиться колонизационная деятельность на ныне пустынном восточном побережье. Р. Л. Самойлович добавил, что кроме настоящей опорной базы в Маточкином Шаре будет необходимо устройство мелких становищ, разбросанных по примеру норвежских по всему побережью.

По мнению П. А. Пальчинского, после произведенных летом 1923 года работ можно было говорить не о «занятии Новой Земли, а об укреплении власти и прав на ее культурное использование и изучение. Время экспедиций прошло. Настало время стационарной работы и исследований. Укрепляясь на вновь выстроенной базе, продвигаясь далее к мысу Желания с устройством новой, мы будем иметь возможность встать на новый путь производства богатых и плодотворных наблюдений, имеющих как научное, так и промысловое значение» [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 767. Л. 2]. При наличии организованных баз, по его мнению, должны были появиться возможности для проведения наблюдения «над упорядочением жизни в правовом и экономическом отношениях на островах архипелага» [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 767. Л. 2].

На восьмом заседании Комиссии по исследованию Новой Земли при Российской Академии Наук 15 Ноября 1923 года Р. Л. Самойлович выступил с докладом «о промыслово-экономическом деле на Новой Земле», в котором указал на необходимость его урегулирования путем предоставления некоторых государственных льгот колонизаторам Новой Земли. Таких, например, как освобождение от воинской повинности, налогов, выдача денежного пособия на оборудование промыслов. Признал «более пригодными для развития промыслового дела русских промышленников (поморов), а не самоедов». По результатам доклада членами комиссии Р. Л. Самойловичу была поручена организация и проведение статистико-экономических исследований и переписи населения Новой Земли [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 769. Л. 2 об.].

Из протокола 9-го заседания Комиссии по исследованию Новой Земли при Российской академии наук от 6 декабря 1923 г. становится известно, что программы и сметы работ на архипелаге были одобрены Госпланом с небольшими изменениями [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 804]. В фонде М. А. Лавровой хранятся план геологического исследования полярных островов [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 777, 782] с программами и сметами отрядов Геолкома [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 779], Российского гидрологического института (см. рис. 7) [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 775, 776]; план и смета гидробиологических исследований у берегов Новой Земли экспедиционного отряда Гидрологического института [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 778, 783]. К сожалению, надо отметить, что получили одобрение только годовые планы работ, а не пятилетние программы

комплексных исследований полярных областей [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 773, 774], выработанные, в том числе, членами Новоземельской подкомиссией Полярной комиссии [Виттенбург, 2003: 61].

С М Е Т А				
Ново-Земельского Геологического Отряда				
РОССИЙСКОГО ГИДРОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА.				
Содержание расхода	Колич.	Цена в з.руб.	испр. в з.р.	Основание исчисления.
I.Снаряжение и оборудование:				
Брезенты, норвежские сани для продвижения по ледникам, тросы, измерительные инструменты, бот с парусной оснасткой и проч.			600	
Обмундирование для членов отряда: сапоги, куртки, полушубки, гимнастерки, брюки, шапки, брезенты, носки, рукавицы, ложки, вилки, котелки, примусы и проч.	5 ч.	60	300	Считая 5 сотру в средн. по 60 з.р. на снаряж. кажд. / по фактич. данным за прошл. годы/.
Стеклян. посуда /цилиндры, банки и пр./ для биологических работ			100	
Спирт 3 ведра			45	
II. Продовольствие:				
Мука, крупа, мясо, рыба, сахар, чай, жиры, консервы, мыло и проч.	5 ч.	28	560	Считая продолж работ отря. на Нов. Земле и стоим. продов. в мес. на кажд. 28 з.р. По факт. дан. за 82-23г. считая на проезд кажд сотр. в оба кон. на 25з.р. и провоз снаряж. и коллекций в 15з.р. всего на 1 сотр. 40з.р.
III. Транспорт.				
Проезд к месту работ и провоз багажа и научн. сборов	5 ч.	40	200	
IV. Оплата труда.				
Научн. сотрудн.	5 ч.	50	2000	5 научн. сотр. 4 мес. работы с проезд. по 50з. р. кажд. в мес. плюс суточн. 1000 р.azol.
В С Е Г О			3805 з.р.	
/ТРИ ТЫСЯЧИ ВОСЕМЬСОТ ПЯТЬ зол.рублей/.				

Рис. 7. Рукопись «Смета Новоземельского геологического отряда Российского гидрологического института». 1924(?) [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 775 Л. 1]

В 1925 г. экспедиционным геологическим отрядом Академии наук на Новой Земле волею случая пришлось руководить уже Марии Алексеевне Лавровой. Т.к. профессор Виттенбург был задействован в подготовке праздничных мероприятий по поводу юбилея Академии наук. Так звучит официальная версия замены руководителя экспедиции [СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 388. Л. 97]. Под началом М. А. Лавровой работали: н.с., гидролог Г. Е. Ратманов; н.с., геолог Б. Ф. Земляков; н.с. топограф Ю. Д. Чирихин. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН экспонирует изобразительные источники из этой экспедиции. Зарисовки, выполненные в различной технике, принадлежат руке двух авторов (см. рис. 8, 9). Один из них — Б. Ф. Земляков. На одном рисунке, датированном 1925 г. и изображающем вид Новой Земли, стоит подпись А. Н. Бенуа. Но в нашем распоряжении нет данных, подтверждающих участие последнего в этой экспедиции. Вопрос об авторстве рисунков пока остается открытым.

Рис. 8. Маточкин шар. 12/VIII-25. Бумага, акварель
[Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 552]

Рис. 9. Новая Земля. Черная Губа. 30/VII-25. Авт. А.Н. Бенуа. Бумага, акварель
[Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 397]

М. А. Лаврова справилась с возложенными на нее обязанностями, несмотря на возникшие трудности с увеличением срока пребывания в командировке с 2,5 до 4,5 месяцев из-за природных условий — «начавшегося ледохода» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 6263. Л. 9]; «аварии судна» [СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 388. Л. 82]. Экспедиционные расходы на обеспечение сотрудников питанием и предметами первой необходимости тщательно документировались и сохранились в делах фонда Полярной комиссии СПбФ АРАН. Благодаря этим свидетельствам мы сейчас имеем некоторое представление о рационе полярников 1920-х гг. Из обыденного набора продуктов, приобретаемых исследователями, становится очевидно отсутствие специализированного рациона для людей, находящихся в полярных условиях и выполняющих большой объем физических и интеллектуальных работ.

Р. С. Ф. С. Р.
И. К. В. Ф.
Северно-Беломорское областное отделение «Госторга»
Остров Новая Земля
Становище Крестовая губа
Отделение склада промышленных товаров и продовольствия
Архангельск, Центр. тип. О. М. А.

25 августа 1925 г. 71 р. 36 к.

НАКЛАДНАЯ № 9

Остров Новая Земля
Становище Крестовая губа
Отделение склада промышленных товаров и продовольствия
Экспедиция Академии наук

Наименование товаров	Количество	ВЕС		ЦЕНА		СУММА		Отметка бухгалт.
		Пуд	Ф.	Р.	К.	Руб.	К.	
Перец белый			15	6	-	2	25	✓
пшеница			20	4	-	2		✓
Зречевой			33½	3		2	52	✓
Риса			20	6	50	3	25	✓
Шкёр котен	6ш			3			18	✓
Рубль горю	10д					70	7	✓
Муки как.	1ш	4	15	2	20	9	58	✓
Красильн	1	20	2	20	3	30		✓
Мешков	1ш					30		✓
Зречи			15	3	-	1	13	
Риса			19	6	50	3	9	
Овсянки			5	4	80	-	60	
Чай			1	2	40	2	40	
Сахару			20	12	-	6	-	
Масло			10	-	65	6	50	
табак Ялга			¼	2	50	-	63	
рисовой бум	5к				3	-	15	
Мохорн			1	-	40	-	40	
Курит бум	6ш				1	-	6	
Коробки		1	-	2	20	2	20	

Отпустила Дулов Принял М. Лаврова 71 р. 36 к.

Рис. 10. Накладная № 9 от 25 августа 1925 г. на отпуск со склада Северно-Беломорского областного отделения «Госторга» на Новой Земле в становище Крестовая губа промышленных товаров и продовольствия экспедиции Академии наук на 71 руб. 36 коп., которые получила М. Лаврова [СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 388. Л. 36]

Как становится известным из документов, в экспедиции 1925 г. тестировалось экспедиционное снаряжение — палатка английского образца фабрики «Красный водник» (см. рис. 11). Производитель предоставил образец на время проведения экспедиционных работ с просьбой «по возвращении вернуть нам, дав указания относительно ее качеств и может быть имеющихся недостатков» [СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 388. Л. 104]. В это время еще отсутствовали синтетические материалы, позволившие в будущем значительно снизить вес изделия, поэтому решали проблему веса за счет оптимизации размера, общего конструктива.

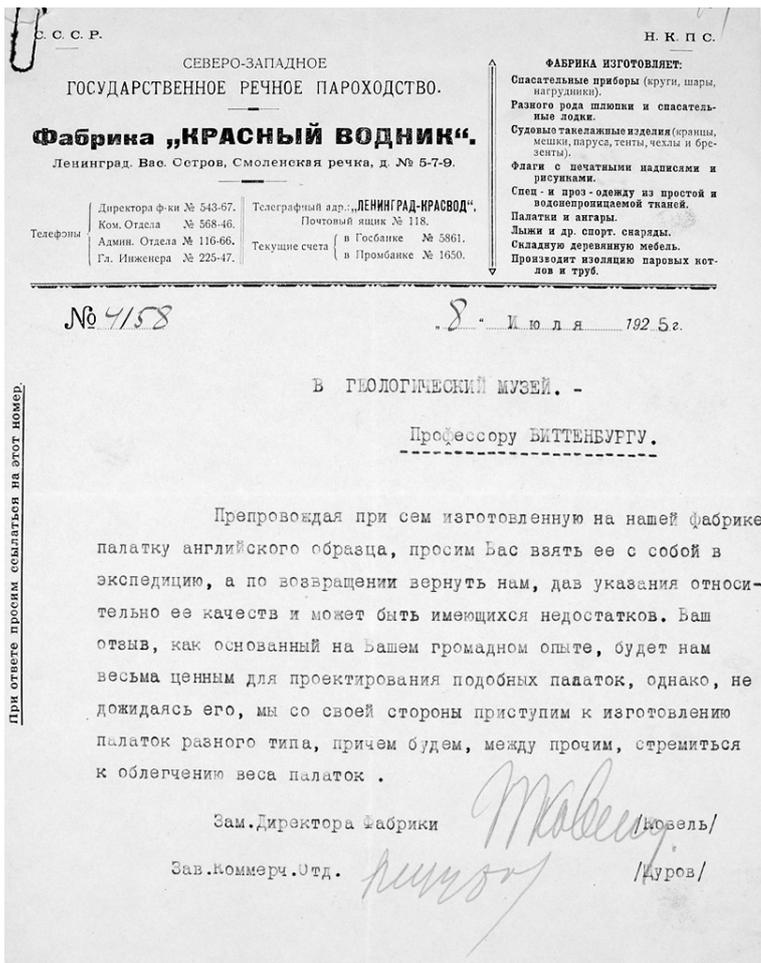

Рис. 11. Письмо № 4158 от 8 июля 1925 г. зам. директора фабрики «Красный водник» Ковеля профессору Виттенбургу с просьбой взять на тестирование в полярную экспедицию палатку, сделанную на этом производстве [СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 388. Л. 104]

На графических рисунках из экспедиции на архипелаг Новая земля в 1925 г. изображены укрытия двух типов: конический и двускатный (см. рис. 12, 13). Двускатные палатки с боковыми стенками — широко распространенный

в то время и, по авторитетному мнению С. В. Обручева — известного полярного геолога, наиболее удобный тип «для всякой серьезной научной работы, для длительных стоянок и т.п. <...>, похожий на дом с двускатной крышей, называется датской палаткой» [Обручев, 1949]. Поэтому, можно предположить, что испытывался конический образец.

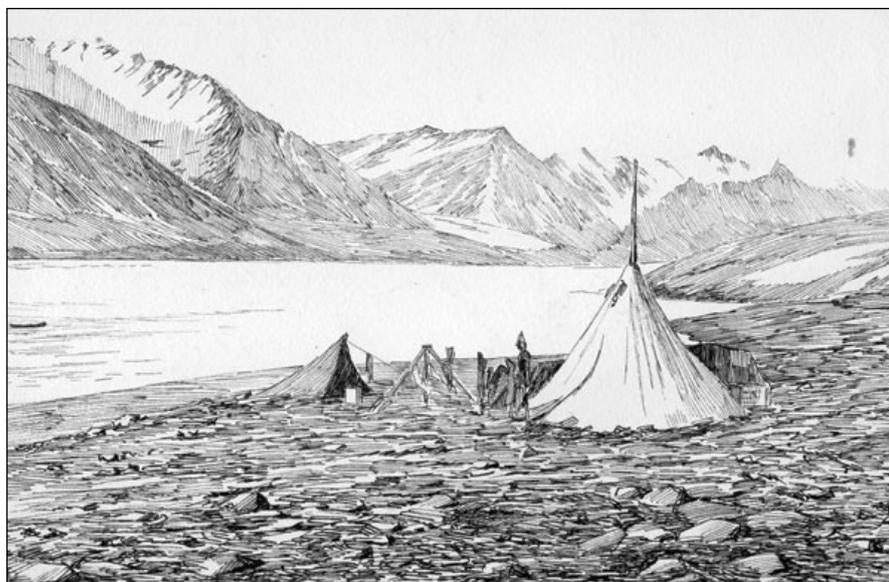

Рис. 12. Без названия. Рисунок из экспедиции под руководством М. А. Лавровой на архипелаг Новая земля в 1925 г. Бумага, тушь, перо [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 555]

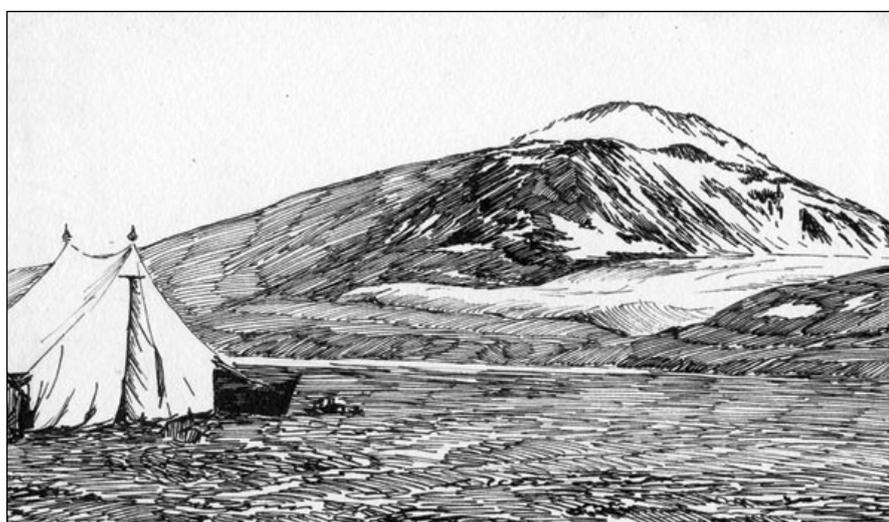

Рис. 13. Без названия. Рисунок из экспедиции под руководством М. А. Лавровой на архипелаг Новая земля в 1925 г. Бумага, тушь, перо [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 562]

Сведения о жизни М. А. Лавровой после возвращения из экспедиции 1925 г., содержащиеся в изученных источниках, носят отрывочный характер. Известно, что она в 1928 г. участвовала в Ташкенте в работе III Всесоюзного геологического съезда. Руководила Онежской экспедицией 1928 г., Беломорской экспедицией в Ленинградский округ и Карелию летом 1929-1930 гг. В 1931 г. начала исследования четвертичных отложений Кольского полуострова [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 6263. Л. 19, 21, 28-29]. В 1941 г. Мария Алексеевна Лаврова защитила докторскую диссертацию, а в 1943 г. получила звание профессора (см. рис. 14, 15) [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 309, 310]. Преподавала в ЛГУ. В 1960 г. вышла ее монография «Четвертичная геология Кольского полуострова».

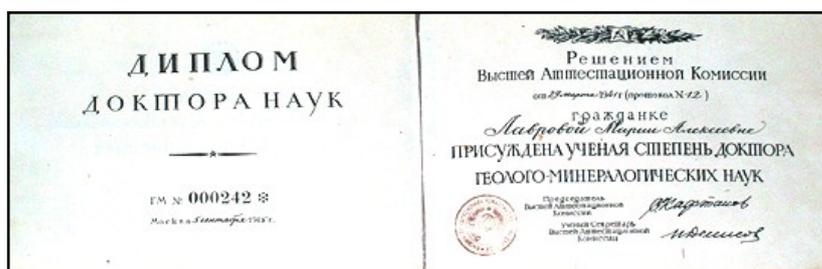

Рис. 14. Диплом доктора геолого-минералогических наук на имя М. А. Лавровой. 1941

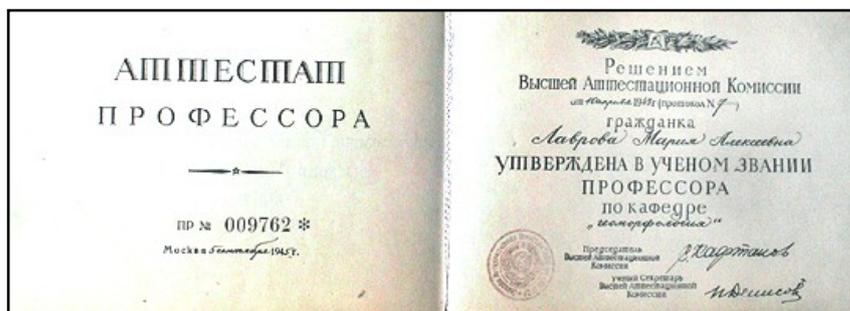

Рис. 15. Аттестат профессора по кафедре «Геоморфология» на имя М. А. Лавровой. 1943

М. А. Лаврова была награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Ленинграда», «В память 250-летия Ленинграда». Эти награды говорят сами за себя – в годы войны М. А. Лаврова трудилась в блокадном Ленинграде.

К сожалению, это пока все факты, которые удалось установить в связи с возникшим интересом к судьбе полярной исследовательницы. Выявление архивных источников, содержащих биографическую информацию по данной персоне, будет продолжено. Представленные в данной статье материалы академических архивов позволяют судить о многообразии видового состава и информационной емкости единиц архивного и музейного хранения — потенциальных и биографических источников, и источников по истории высокоширотных экспедиций п.п. XX в.

Источники

Виттенбург Е. П. Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГА: (воспоминания дочери) / СПб. Ин-т истории РАН. СПб.: Нестор-история, 2003. С. 53–55, 61.

Виттенбург П. В. Кольско-Канинская и Новоземельская экспедиция 1921 года // Бюллетень Географического института. 1922. № 5–6. С. 4.

Лаврова М. А. О геологических работах Новоземельской экспедиции 1921 года // Изв-тия РАН. VI серия. 1922. Т. 16. С. 437-438.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 767. Л. 2.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 769. Л. 2 об.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 770. Л. 1–2.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 773.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 774.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 775.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 776.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 777.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 778.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 779.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 782.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 783.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 804.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 819. Л. 1, 2.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 309.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 310.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 311.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 314. Л. 17 об.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 316.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 397.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 552.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 555.

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 562.

Обручев С. В. Справочник путешественника и краеведа. Том I. М.: Государственное издательство географической литературы, 1949. С. 9.

Результаты работ Мурманского геологического отряда проф. П. В. Виттенбурга // Бюллетень Географического института. 1921. Март. № 1. С. 8.

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 6263. Л. 1, 9, 19, 21, 28-29, 31-31 об.

СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 385. Л. 3.

СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 388. Л. 36, 82, 97, 104.

СПбФ АРАН. Ф. 75. Оп. 7. Д. 17. Л. 64.

СПбФ АРАН. Ф. 128. Оп. 1. Д. 4. Л. 74.

СПбФ АРАН. Ф. 128. Оп. 2. Д. 87. Л. 8.

Сведения об авторе

Шабалина Ольга Вячеславовна

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Shabalina Olga Vyacheslavovna

PhD (History), Leading Research Fellow of Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК 39:332.1:371.2(470.21)"18/19"

М. В. Иванова, К. С. Казакова, О. В. Шабалина

**ОПЫТ СОЦИО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.:
К РАЗРАБОТКЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Аннотация

В статье представлен обзор опубликованных материалов и фондов государственных архивов, выявленных в ходе историографического анализа и архивоведческой эвристики в процессе изучения опыта социо-экономического и культурного развития Арктической зоны Российской Федерации (с акцентом на Кольский полуостров) в XVIII – нач. XX вв. Они являются потенциальными источниками для работы по теме НИР: «История науки и научно-технологического обеспечения цивилизационного освоения и развития Евро-Арктического региона России».

Ключевые слова:

история Арктической экономики, архивные источники, саамский погост, Кольский полуостров, история образовательных учреждений

М. V. Ivanova, K. S. Kazakova, O. V. Shabalina

**EXPERIENCE OF SOCIO-ECONOMIC AND CULTURAL DEVELOPMENT
OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE 19 –
THE EARLY 20th CENT.: CONSIDERING THE SOURCE BASE OF THE STUDY**

Abstract

The article presents a review of the published materials and archival fonds of state archives revealed during historiographical analysis and archival heuristics in the process of studying the experience of socio-economic and cultural development of the Arctic zone of the Russian Federation (with the focus on the Kola Peninsula) in the XVIII – the early XX centuries. They are potential sources for work on the research project topic «History of science and scientific-and-technological support of civilizational reclamation and development of the Euro-Arctic region of Russia».

Keywords:

history of the Arctic economy, archive sources, Sami settlement, the Kola Peninsula, history of educational institutions

Россия сегодня — это крупнейшее арктическое государство, для которого многоаспектное развитие северных территорий — залог мирового лидерства в арктической экономике. Данный целевой ориентир ставит вопрос о необходимости применения расширенного научного понимания Арктики для обеспечения региональной устойчивости. С 2008 г. интерес государства к «новому» освоению Арктики начал расти, о чем свидетельствует активизация законотворческой деятельности, разработка различных программ обоснования долгосрочных перспектив и основных направлений развития различных видов хозяйственной деятельности в Арктике, включая изучение окружающей среды и рациональное природопользование, создание теоретических и экспериментальных основ новых методов и технологий изучения и освоения Арктики, возникновение постоянно действующих дискуссионных площадок и других мероприятий. Но, по-прежнему, одной из важнейших направлений

научных арктических исследований остаются изучение медицинских и социально-значимых проблем населения и традиционного образа жизни, традиционной экономики коренных народов АЗРФ. Ведь именно «арктический этнос» в лице коренного и укорененного населения является основой функционирования всей био-социо-экономической системы региона.

Таким образом, сложившиеся тенденции актуализируют научные исследования исторического опыта общественного развития Арктической зоны РФ сквозь призму инновационных форм развития этноэкономики в условиях научно-технического освоения региона.

Учитывая, что в ближайшей перспективе Арктика будет подвергаться воздействию двух основных факторов: меняющегося климата и интенсивного хозяйственного освоения, изучение исторического опыта позволит предложить научно-обоснованное решение проблем взаимодействия коренных малочисленных народов Севера с пришлым населением, в первую очередь с промышленными компаниями, расширить возможности участия в принятии решений, оказывающих воздействие на качество жизни коренных народов и всего северного социума. В этих условиях наука должна предоставить государственным органам и субъектам предпринимательской деятельности полную и достоверную информацию, необходимую для развития региона, обеспечения безопасности страны, сохранения уникального природного комплекса Арктики, традиционных условий жизни местного населения и устойчивости Арктики как элемента климатической системы. Понимание того, как изменение климата, условий хозяйствования, образование влияет на коренные народы, должно быть включено в комплексные стратегии для удовлетворения потребностей арктических сообществ при формировании политик устойчивости к социально-экономическим трансформациям.

Степень изученности рассмотренных выше вопросов имеет определенные пробелы, последние десятилетия Кольская школа исследований экономики Севера в лице ИЭП КНЦ РАН сосредоточена на вопросах изучения приграничного международного сотрудничества в Баренц-регионе; проблемах СМП и северного завоза, экономики горного дела, арктической урбанизации, вопросах районирования. Тематика развития перспективных форм рыночных отношений в условиях Крайнего Севера в исторической динамике активно разрабатывалась в начале 1990-х гг. сотрудниками кафедры истории народного хозяйства и экономических учений МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством д.э.н. А. Г. Худокормова. Вопросы предпринимательства коренных малочисленных народов Севера на современном этапе отражены в научно-аналитическом докладе «Север и Арктика в пространственном развитии России» [Север и Арктика, 2010]. Фактически отсутствуют работы о преемственности арктической экономики, в исследованиях доминирует технологический подход [Васильев и др., 2009; Экономический механизм, 2012; Региональная экономика, 2013; Тенденции и особенности, 2014; Факторный анализ, 2015; Морская стратегия, 2012].

Учеными Коми Научного центра РАН изучались различные аспекты этнокультурных процессов, имеющие место на Европейском Севере Российской Федерации. Под руководством д.и.н. Ю. П. Шабаева разрабатывалась тема «Современные локальные сообщества (этнические, религиозные, территориальные) и этнокультурные процессы на крайнем Севере и Северо-Востоке европейской

части России», 2011–2013 гг. № ГР 01201150482 [Шабаев, 2011]. В результате исследований были выявлены современные тенденции деколонизации Севера под влиянием не только культурных, но экономических и политических оснований, показана связь между названными процессами и спецификой социального, экономического и культурного развития северных территорий и культурных сообществ.

Под руководством акад. РАН А. И. Татаркина и чл.-корр. РАН В. Н. Лаженцева разрабатывалась тема «Российская Арктика: современная парадигма развития» (грант РГНФ № 12-32-06001). В рамках данной работы был представлен раздел «Коренные малочисленные народы арктических территорий: социально-экономическое положение», в котором показана роль ведущей традиционной отрасли, оленеводства, в продовольственном обеспечении населения арктических территорий и выявлены современное состояние, проблемы и основные направления развития оленеводства арктического субрегиона Европейского Северо-Востока России, дан анализ условий и ресурсного потенциала, обоснованы пути развития аграрного хозяйства исследованного арктического субрегиона. Значительное внимание в данной работе уделено выявлению рисков и угроз для модернизации сельского хозяйства арктической зоны при вступлении России в ВТО. Проведен сравнительный анализ зарубежного и отечественного опыта по реформированию статуса коренных и малочисленных народов Севера и Арктики, формирования механизмов учета их прав и интересов при реализации промышленных проектов, получены предварительные результаты эмпирико-социологических исследований в приарктических муниципальных районах Республики Коми [Европейский север, 2012; Дронова, 2011; Дронова, 2013; Власова, 2010; Уляшев, 2011; Формирование, 2013].

Центростремительная заданность классической российской историографии традиционно обуславливала второстепенность изучения истории окраин нашего государства. Тем не менее, Кольский Север — один самых самобытных регионов России — начал комплексно описываться в конце XVIII в. [Озерецковский, 1804; Архангельская губерния, 1916; Лепехин, 1814] и до середины XIX в. был продолжен сбор сведений о современном состоянии хозяйства, быта населения региона и первых исторических знаний [Пошман, 1866: 173-191; Молчанов, 1813; Рейнеке, 1830]. После открытия пароходного сообщения в 1871 г. край стал более доступным для ученых и путешественников, которые публиковали не только свои записки о путешествиях, первые фольклорные данные, но и серьезные экономические описания рыбных промыслов. К концу XIX в. был выдвинут тезис об «обеднении» края и вымирании коренного населения региона — лопарей (саами) [Кельсиев, 1878; Харузин, 1890], который был поддержан дальнейшими исследованиями [Краткий очерк, 1894; Маноцков, 1896; Маноцков, 1897; Гебель, 1909]. В XX в. уже советскими учеными в рамках формационно-классовой методологии уделялось большое политизированное внимание социально-экономическим аспектам в изучении истории Кольского Севера. Постепенно вытеснялась концепция «истории обеднения», уступая позиции «истории роста», которая трактовала процесс заселения и освоения региона как поступательное движение от низших простых форм хозяйственно-экономической деятельности населения к высшим. Отодвигались сроки начала

русской колонизации края к XIV в., определяя ранние ее формы XII–XIV вв. как промысловые. Возникали споры о существовании феодализма в регионе с неаграрной экономикой, в которой главная роль отводилась торговле. В дальнейшем утвердившаяся историческая периодизация по общественно-экономическим формациям вошла в резонанс с реалиями прошлого коренного населения, что привело к появлению «саамской» периодизации. В последние годы в рамках эволюционного подхода стало возможным изучение этнических, социальных, экономических аспектов истории Кольского Севера системно.

Сотрудниками ЦГП КНЦ РАН внесен определенный вклад в исследование социально-экономических основ и разработку принципов формирования региональной политики в отношении коренных малочисленных народов Кольского Севера [Виноградова, 2010; Виноградова, 2012].

Развитие социально-культурной инфраструктуры Кольского полуострова, в силу специфики его исторического освоения, неотделимо от научно-образовательной ее составляющей. Именно она является одним из определяющих факторов направленности этнокультурных процессов, поэтому различным аспектам исторического развития системы образования в этом регионе уделяется важнейшее внимание, они подробно освещены как в работах энциклопедического и обобщающего характера [Андрианов-Верхнев, 1967; Белошистая, 1976], так и в локальных исследованиях. В новейшей историографии попытка дать целостное изложение истории развития образовательной системы Кольского края представлена в «Очерках по истории народного образования Кольского края», подготовленных коллективом авторов [Дранишников и др., 2001], однако необходимо отметить, что данная работа носит скорее научно-просветительский характер и вследствие широкого спектра проблем, затронутых авторами, целый круг вопросов остается за рамками данного издания.

В последние годы достаточно интенсивно и под разным углом зрения изучаются вопросы колонизации Мурманского берега. Благодаря трудам историков Мурманска, Архангельска, Санкт-Петербурга, в историографии колонизационного процесса на Мурмане хорошо разработаны вопросы политические, юридические, экономические, этнические. Культурные аспекты колонизационного процесса определялись миграционной, этноязыковой и религиозной ситуациями. В частности, особенности создания социальной инфраструктуры на Мурмане во второй половине XIX – начале XX вв. были частично освещены в трудах Е. А. Ореховой. Автором затронут вопрос об отличии образовательных практик в семьях финских и русских колонистов [Орехова, 2006]. Деятельность «инородческих» школ на Европейском Севере в конце XIX – начале XX вв. освещена в работах М. Пулькина [Пулькин, 2006].

Отдельно следует выделить вопросы, связанные с особенностями культурно-образовательной политики среди коренных малочисленных народов Севера. Первые работы, посвященные распространению грамотности среди саамов, принадлежат В. К. Алымову [Алымов, 1930]. Советские историки [Ушаков, 1972] рассматривали становление образовательной инфраструктуры как необходимое условие культурного развития коренных народов, в частности, и превращение Кольского севера в стратегический промышленный регион в целом. Показательный при всей его фрагментарности материал о культурно-бытовых сторонах жизни саамов в советский период включен в книгу А. А. и Т. А. Киселевых «Советские саамы» [Киселев, Киселева, 1979].

В последние десятилетия наметилось переосмысление исследователями роли советской системы национальных школ в развитии культуры коренных малочисленных народов Севера. Вопросы трансформации традиционной культуры в связи с деятельностью северных школ-интернатов поднимались в диссертационном исследовании Е. В. Лярской [Лярская 2003], особенности процесса адаптации детей коренных народов к жизни в школах-интернатах на материалах Кольского Севера представлены в работах К.С. Казаковой [Казакова, 2014].

В рамках разработки темы «История науки и научно-технологического обеспечения цивилизационного освоения и развития Евро-Арктического региона России» в 2017 г. в ЦГП КНЦ РАН начато исследование инновационного опыта общественного развития Арктической зоны РФ в XVIII – XX вв. Целью данной работы является разработка теоретических и методологических основ адаптации и взаимодействия арктической этноэкономики с внешней и внутренней средой в условиях трансформационных изменений общественного развития. В рамках междисциплинарного и системного подходов методология исследования базируется на методических принципах классической и современной философии; методических положениях общей экономической теории; общенаучных методах научного познания (статистические, математические, моделирование), методах социально-антропологических, историко-экономических исследований, архивоведческом, источниковедческом, проблемно-хронологическом, сравнительном, историко-генетическом (ретроспективном), устно-историческом методах. Изучение истории становления и развития научно-образовательной инфраструктуры предполагается провести с учетом социального контекста, в рамках социально-исторического и историко-антропологического подходов. Хронологические рамки исследования охватывают трехвековой период — с XVIII в. по XX в. Нижняя хронологическая граница условно определяется временем вхождения Кольского уезда в состав образованной по указу Петра I от 18 декабря 1708 г. Архангелогородской губернии Русского царства. Верхняя — состоянием источниковой базы, поскольку основные архивные фонды по теме, переданные на госхранение, упорядочены до конца 1990-х гг. Географически исследователей интересуют территории Евро-Арктического региона с акцентом на Кольский полуостров.

Источниковую базу исследования будут составлять опубликованные материалы и неопубликованные документы, хранящиеся в ведомственных, региональных и центральных государственных архивах, музеях РФ с привлечением материалов, полученных методами устной истории.

В 2017 г. на первом этапе исследования в результате тематической архивной эвристики в государственных архивах РФ (Государственный архив Мурманской области — ГОКУ ГАМО, г. Мурманск, Российский государственный архив Военно-Морского Флота, Санкт-Петербург) выявлен корпус неопубликованных потенциальных исторических источников, позволяющий определить историко-политические и социальные аспекты этноэкономики населения Кольского полуострова.

В фонде № И - 6 «Чиновник по крестьянским делам Кольского уезда» хранится 175 ед.хр. за 1884–1906, 1910–1916 гг. Среди них: приговоры волостных и сельских сходов о разделе рыболовных тоней, о постройке общественных зданий, открытии почтовых отделений, по финансовым и хозяйственным вопросам. Отложились также сведения о рыбных и звериных

промыслах, лесной охоте, скотоводстве, посевах и урожаях, об отхожих промыслах крестьян; рапорты волостных старшин, переписка с вышестоящими органами, волостными правлениями и старшинами о занятиях населения, исполнении крестьянами государственных повинностей, о снабжении населения продовольствием и выдаче ссуд, о строительстве и работе школ и библиотек, состоянии медицинского обслуживания, по разбору жалоб и прошений крестьян.

Несомненный интерес для работы над темой представляют сведения о численности населения и переписка с волостными старшинами по вопросам учета населения (1895 г.), посемейный список Кольского уезда (1891 г.), именные списки крестьян и домохозяев, имеющих право голоса на сельском сходе (1906 г.).

В фонде № И-52 «Кольско-Лопарское волостное правление» (1868–1917 гг.) и в фонде № И-53 «Понойское волостное правление» (1866–1917 гг.) более полно представлены статистические сведения, ведомости о количестве сельских обществ, о численности и составе населения, о занятиях и экономическом положении крестьян, о рыбных и звериных промыслах, лесной охоте, скотоводстве, отхожих промыслах, торговле, натуральных повинностях.

Фонды № И-52 и № И-53 содержат потенциальные источники по теме в аспекте изучения экономической динамики традиционного хозяйства коренного населения Кольского полуострова — саамов. Из истории административного деления Российской империи известно, что в 1861 г. Кемский уезд Архангельской губернии включал территорию Кольского края (4-й и 5-й станы), объединявшую 8 сельских обществ (на правах волостей). В 1866 г. отдельные сельские общества стали волостями. В 1868 г. саамские погосты в процессе укрупнения административно-территориального деления были распределены между двумя волостями. В Кольско-Лопарскую волость вошли те, которые ранее составляли Экостровскую (погосты Экостровский, Бабинский, Масельгский, Нотозерский, Сонгельский), Вороньинскую (погосты Вороньинский, Ловозерский, Семиостровский, Кильдинский), Печенгскую (погосты Печенгский, Пазрецкий, Мотовский) волости. Без изменений осталась Понойская волость с селом Поной и погостами Лумбовским, Иокагским, Сосновским в своем составе. В 1883 г. Кемский уезд Архангельской губернии стал именоваться Кольский уезд, а в 1899 г. — уже Александровский уезд Архангельской губернии.

Фонд № И-52 и фонд № И-53 представляет интерес для данного исследования, т.к. содержит податные тетради денежных сборов и взысканий с крестьян Кольско-Лопарской, Понойской волостей, ведомости, отчеты, книги прихода и расхода денежных средств, документы о взимании окладных, казенных и мирских сборов. Прошения, списки, постановления о заселении Мурманского берега колонистами (Ф. И-52). Приемные договоры и переписка о причислении к Печенгскому погосту норвежских подданных и их семей (1872–1875 гг. — Ф. И-52).

В качестве примера информативных возможностей источников фонда № И-52 может служить копия Приговора от 17 июня 1871 «лопарей крестьян Кольско-Лопарской волости, Печенгского сельского общества и погоста оногo» [ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 61. Л. 7.], созданных на сход Печенгским сельским старостой, на котором норвежский подданный Иван Федоров Летов 29 лет от роду обратился «с просьбою о принятии его к числу лопарей» [ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 61. Л. 7.]. Печенгского погоста вместе с женой – крестьянской девицей Мариной Степановой 25 лет (рис. 1). В тексте перечисляются обязательства, исполнение которых является условием положительного решения

по этому вопросу: «Летов будет на равнее с нами отбывать все денежные государственные и мирские и натуральные повинности» [ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 61. Л. 7.]. Но, вместе с тем, норвежский подданный Иван Федоров Летов, принятый «в среду» наделялся «всеми <...> рыбными и прочими угодьями» [ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 61. Л. 7об.]. Подлинник договора подписан посредством приложения клейм 16 жителей погоста. В копии тщательно переписаны все подписавшие приговор со схематичным изображением отпечатков личных клейм (рис. 2) [ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 61. Л. 7об.-8.]. Копию заверил волостной старшина М. Жеребцов [ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 61. ЛЛ. 8.].

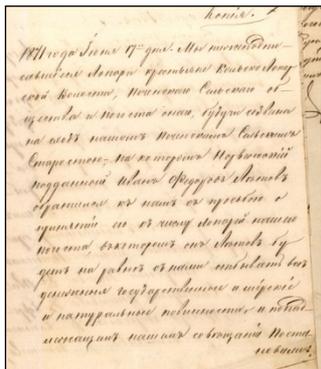

Рис. 1. Копия Приговора от 17 июня 1871 «лопарей крестьян Кольско Лопарской волости, Печенгского сельского общества и погоста оного» о принятии в свое общество норвежского подданного с женой, 1 страница [ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 61. Л. 7.]

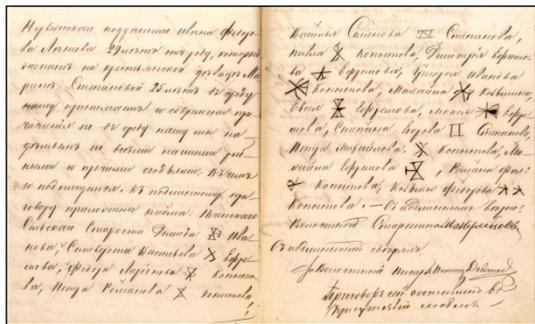

Рис. 2. Копия Приговора от 17 июня 1871 «лопарей крестьян Кольско Лопарской волости, Печенгского сельского общества и погоста оного» о принятии в свое общество норвежского подданного с женой с прорисовкой всех клейм, заменявших подписи у саамов, страницы 2 и 3 [ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 61. Л. 7.]

В документах указанных фондов отражены также сведения о дорожном строительстве и ремонте дорог по Кольско-Лопарской волости (1897–1900 гг.); сохранились сметы, торговые листы, контракты на строительство церковно-приходских школ в Кильдинском и Сонгельском погостах (1890–1891 гг. — Ф. И-52); предписания, ведомости, сведения о состоянии медицинского обслуживания населения и проведении оспопрививания, списки привитых.

Демографические данные содержатся в ревизских сказках по Понойской (1867 г. — Ф. И-53) волостям и по Понойскому сельскому обществу (1917 г. — Ф. И-1), в списках населения волостей, списках коренных жителей — лопарей Кольско-Лопарской волости (1872–1873 гг.), переписке с губернскими, уездными органами и сельскими старостами о составе населения. Информативна административная переписка и для изучения процессов исполнения повинностей и хода сборов, снабжения жителей продовольствием, переселения крестьян в колонисты Мурманского берега, состояния медицинского обслуживания, работы учебных заведений.

Фонд № И-22 «Александровское уездное полицейское управление» (1899-1917 гг.) объединяет в себе всего 6 единиц хранения за 1900–1902 гг., но содержит информацию о том, что задерживала Архангельская таможня как

контрабандный товар, о месячных торговых ценах (1901 г.), о работе губернского управления акцизными сборами о торговле спиртными напитками (копии).

Фонды: № И-24 «Кольское полицейское управление» (1862–1883 гг.), содержащий материалы за 1868–1882 гг.; № И-21 «Кольское уездное полицейское управление» (1883–1899 гг.) – за 1878–1897 гг.; № И-30 «Пристав 1-го стана Александровского уездного полицейского управления» (1899–1917 гг.) за 1899–1906, 1908–1910, 1912–1914 гг.; № И-26 «Пристав 4-го стана Кемского уезда Кольского полицейского управления» (1854–1883 гг.) за 1864–1873, 1876–1881 гг.; № И-28 «Пристав 5-го стана Кемского уезда Кольского полицейского управления» (1854–1883 гг.) за 1857, 1859, 1863–1883 гг.; № И-27 «Пристав 1-го стана Кольского уездного полицейского управления» (1883–1899 гг.) за 1884–1899 гг. аккумулировали в себе документальный массив, состоящий из потенциальных источников по заявленной теме, но, к сожалению, отражающий интересующий нас период отрывочно и фрагментарно. Уездные приставы в это время были наделены государством широкими фискальными и контролирующими полномочиями. Поэтому среди материалов перечисленных фондов отложились: организационно-распорядительные документы, переписка разного уровня о поселении иностранцев на территории России и запрещении отдельным лицам въезда в Россию, переписка с Архангельской таможней о задержании контрабандных товаров, описи задержанных товаров (1897 г. — Ф. И-21); статистические сведения, ведомости, рапорты станowych приставов, полицейских урядников и волостных старшин о количестве, составе и основных занятиях населения, о состоянии хозяйства по станам, посевах и урожаях хлеба, сборе сена, скотоводстве, рыбных и звериных промыслах, о количестве фабрик и заводов, торговом судостроении и мореплавании, о поступлении окладных сборов и податей, взимании недоимок, запасах хлеба и денег в ссудных кассах, о торговле и ценах на товары, числе сельских училищ, об оспопрививании и эпидемических заболеваниях, о происшествиях в волостях; описания станов (ФФ. И-26, И-28, И-30); податная тетрадь по Нотозерскому и Сонгельскому погостам Экостровского сельского общества Кольско-Лопарской волости (1894 г. — Ф. И-21); предписания Архангельского губернатора, рапорты, договоры об учреждении Мурманско-Архангельского срочного пароходства (1875–1876 гг. — Ф. И-24) и Кольской уездной санитарно-исполнительной комиссии (1893–1895 гг. — Ф. И-21); о ходе работ по добыче руды на о. Медвежьем (1881 г. — Ф. И-24); переписка с губернскими и уездными органами, волостными старшинами о развитии средств связи (1877 г. — Ф. И-28), проведении телеграфной линии по Кольскому уезду (1894–1897 гг. — Ф. И-21), о снабжении населения хлебом, содержании питейных заведений, взыскании податей и сборов, исполнении повинностей, по финансовым и хозяйственным вопросам; сведения о колонистах, проживающих на Мурманском берегу, и рыбопромышленниках, приезжающих для промысла, списки колонистов (ФФ. И-21, И-24, И-27, И-28, И-30); переписка с Архангельским губернским правлением, волостными старшинами о поселении колонистов и оказании им помощи (ФФ. И-21, И-24, И-30), о выселении самовольно поселившихся на Кольском полуострове крестьян-ижемцев Печорского уезда (1889 г. — Ф. И-21).

Материалы фондов: № И-37 «Александровское уездное казначейство» (1899–1918 гг.) за 1899–1918 гг.; № И-41 «Кольское уездное казначейство»

([1775]–1858, 1883–1899 гг.); 1787, 1794, 1799, 1806–1808, 1813, 1815–1816, 1820–1821, 1831, 1850–1853, 1884–1900 гг. (в фонде имеются документы Александровского уездного казначейства за 1899–1900 гг.); № И-86 «Кольское казначейство» ([1858]–1883 гг.) за 1854–1856, 1858–1859, 1878–1882 гг. (в фонде имеются документы Кольского уездного казначейства за 1854–1856, 1858 гг.) информативно дополняют описанные выше в финансовом аспекте и содержат: расходные расписания на содержание сельской врачебной части, земских станций, сельских школ, почтовых отделений (Ф. И-37); отчеты, сведения, ведомости о поступлении податей, окладных сборов, недоимок, питейных, табачных и других акцизных сборов; реестры, сведения о недоимках колонистов Мурманского берега, крестьян, владельцев торгово-промышленных заведений. О направлениях внутренней миграции свидетельствуют отпускные письма, выданные крестьянам на право жительства в других городах и уездах России (1816 г. — Ф. И-41); сообщения сотских и старост о выдаче увольнительных паспортов крестьянам Кольской округи (1821 г. — Ф. И-41).

Отдельные интересные документы по теме содержатся в фондах Российского государственного архива Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург). Например, печатные материалы о новейших исследованиях океанов, русской полярной экспедиции, о вопросе колонизации Лапландии; прошения рыбопромышленников о своих нуждах [Ф. 9. Оп. 1. Д. 593]; записки о рыбном и китоловном промыслах по берегам Лапландии и у п. Колы в 1801 г. [Ф. 315. Оп. 1–1. Д. 507. Л. 8–18]; о домогательстве директоров Беломорской кампании об отдаче в ее собственность Екатерининской гавани, лежащей при Кольской губе и о возврате ее в ведомство Адмиралтейское [Ф. 166. Оп. 1. Д. 885]; об охране морских промыслов в Северном Ледовитом океане; Всеподданнейший отчет о состоянии Архангельской губернии за 1908 г. [Ф. 417. Оп. 1. Д. 4007. Л. 132–147].

Систематическое создание государством начальных школ для народа началось в XIX веке. В 1803–1805 годах правительство провело ряд реформ в области народного образования. «Устав учебных заведений, подведомых университетам», изданный министерством народного просвещения в 1804 году, предусматривал учреждение приходских училищ – начальных общеобразовательных школ в сельской местности, которые становились низшим звеном в системе народного просвещения и давали элементарные навыки чтения, письма и счета [Калинина, 2014: 6]. Такие учебные заведения открывались на всей территории Российской империи. В 1839 году в городе Кола было открыто одноклассное приходское училище — первое на Кольском полуострове [Кольская энциклопедия, 2008: 323]. Однако активный рост числа школ на Кольском полуострове начался лишь с середины 80-х годов XIX века. Основным типом школ для крестьянства становятся церковно-приходские школы. Кроме того, в ведение Церкви переходят и школы грамоты, традиционно создававшиеся по инициативе и на средства крестьян. Непосредственное заведение церковно-приходскими школами было обязанностью приходских священников.

Материалы по истории развития образовательных учреждений на Кольском Севере содержатся, в основном, в двух крупных архивохранилищах: Государственном архиве Архангельской области (ГААО) и Государственном архиве Мурманской области (ГАМО). В Национальном архиве республики Карелия (НА РК) также сохранился ряд документов, связанных с историей

приходов Кольского Севера и просветительской работой церкви. Это связано с тем, что Кольский уезд в период 1859–1883 был объединен с Кемским уездом с центром в городе Кемь.

Анализ источников позволяет проследить деятельность духовного ведомства в развитии начального образования в крае, определить роль церкви в создании системы школ, ее участие в решении вопросов по просвещению инородческого населения края в конце XIX – начале XX века.

Основной массив документов по истории развития системы образования сосредоточен в фонде Архангельского епархиального училищного совета (Ф. 28). С 1884 года училищный совет учреждался в каждой епархии для обсуждения вопросов, связанных с деятельностью церковно-приходских школ. Члены Совета назначались епархиальным архиереем из светских и духовных лиц «преданных делу народного образования и близко знакомых с бытом и духовными потребностями населения» [Красницкая, 2012: 88]. Высшее управление всеми церковно-приходскими школами принадлежало Святейшему Синоду. Такие важные документы, как отчеты уездных отделений Совета по работе церковно-приходских школ, сметы расходов, запросы, то есть основной поток делопроизводственной документации с периферии направлялась в центр. В фонде Архангельского епархиального училищного совета, насчитывающем около 2 тысяч дел, представлены такие документы как сведения о церковно-приходских школах, сельских училищах, школах грамоты, дела о назначении и увольнении членов уездных отделений, о службе преподавателей церковно-приходских школ.

В архивном собрании ГААО выделен отдельный фонд, где представлены документы, касающиеся работы инспекторов народных училищ Архангельской губернии (Ф. 158). Институт наблюдателей согласно § 21 «Правил о церковно-приходских школах» был введен для «ближайшего руководства и наблюдения» за начальными церковными школами в епархиях. Инспектора народных училищ избирались из лиц духовного или светского ведомства для непосредственного контроля за работой учителей и ходом обучения в церковно-приходских школах. Обычно это были благочинные, их помощники или священники. Наблюдатели посещали школы своего округа, предоставляя затем отчет о состоянии данных учебных заведений в Епархиальный Училищный Совет.

Во время ревизии школ инспектора обращали внимание как на учебно-воспитательную, так и хозяйственную стороны, при необходимости делая замечания и давая советы учителям и заведующим. Образец отчета инспектора в художественной форме представлен в сочинении Николая Козмина «По школам Лапландии» [Козмин, 1912].

Значительную часть территории Архангельской епархии населяли коренные народы Севера (ненцы, карелы, саамы, коми). В 1884 году были открыты школы в Пазрецком лопарском, Ковдском и Нотозерском лопарском приходе. В распространении просвещения среди коренного населения Кольского Севера важную роль сыграло постановление Архангельского епархиального съезда духовенства от 23 января 1887 года об открытии школ грамоты среди лопарей, зырян и самоедов, «из которых бы лучшие ученики поступали в духовные училища» [ГАМО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 51 Л. 17-18]. Епархиальное начальство понимало что, «только посредством школы возможно возрождение и просвещение инородцев в духе православной церкви» [ГАМО.

Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111. Л. 83]. Именно поэтому церковь уделяла большое внимание работе по изучению местных диалектов. Для перевода и издания книг на языки коренных народов, проживавших на территории епархии, при Архангельском миссионерском комитете была создана Переводческая комиссия. Интересные материалы, касающиеся ее работы представлены в 41 фонде ГААО. В частности, в документах нашла отражение деятельность Константина Щеколдина, члена Переводческой комиссии, занимавшегося переводом и изданием «Азбуки для лопарей». В целом, материалы Государственного архива Архангельской области дают общее представление о направлениях просветительской работы церкви.

Более детальная информация о работе школ на Кольском полуострове сохранилась в материалах, хранящихся в Государственном архиве Мурманской области. Большой пласт школьной делопроизводственной документации отложился в фонде Кольского уездного отделения Епархиального Училищного Совета (Ф. И-133). Создание промежуточной инстанции между епархиальным органом управления и отдельными школами было необходимо, вследствие значительного числа уездов, входящих в Архангельскую епархию и большой территориальной разбросанности школ. На уездные отделения возлагалось «попечение о развитии и поддержании церковно-школьного дела» (наем учителей, «изыскание» местных средств, снабжение школ книгами и учебниками, «содействие к устройству» дополнительных классов, уроков для взрослого населения, воскресных школ и др.) в пределах уезда [Красницкая, 2012: 91]. В фонде представлены дела с рапортами учителей о ходе обучения (рис. 3) [ГАМО Ф. И-133. Оп. 1. Д. 5], переписка между отделением Училищного Совета и сельскими старостами по вопросам финансового обеспечения школ, снабжении школ книгами [ГАМО Ф. 133. Оп. 1. Д. 1; также ГАМО Ф. И-17. Оп. 1. Д. 234], отчеты инспекторов и наблюдателей о работе церковно-приходских школ [ГАМО Ф. И-133. Оп. 1. Д. 4; ГАМО Ф. И-133. Оп. 1. Д. 7].

Знакомство с материалами фонда раскрывает направление деятельности и специфику организации школьного дела на Кольском Севере. Прежде всего в фонде представлены статистические материалы: отчеты о церковно-приходских школах, количестве и составе учащихся и преподавателей [ГАМО Ф. И-133. Оп. 1. Д. 5], средствах на содержание школ. Кроме того, в фонде представлена переписка об открытии новых школ, снабжении школьных библиотек книгами и учебными пособиями, состоянии учебно-воспитательной работы.

Деятельность церкви по открытию церковно-приходских школ (далее — ЦПШ) имела свои результаты. К 1913 году на территории Александровского (до 1899 г. Кольского) уезда работали 14 церковно-приходских школ [Тематический обзор, ЭР]. Документы по отдельным школам отложились в фонде Кашкаранской ЦПШ (Ф. И-11), Ловозерской одноклассной ЦПШ (Ф. И-121), Понойской ЦПШ (Ф. И-18), Териберской ЦПШ (Ф. И-80). В небольших по объему фондах собрана текущая школьная документация: расписание уроков [ГАМО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 8], классные журналы по разным предметам [ГАМО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3; ГАМО Ф. И-11. Оп. 1. Д. 8], табеля успеваемости учащихся, списочный состав по классам (рис. 4) [ГАМО. Ф. И-121. Оп. 1. Д. 2]. Особенно интересными представляются материалы, касающиеся особенностей учебного курса в «инородческих» (саамских) школах [ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111].

Источники

- ГАМО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 51.
- ГАМО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 3.
- ГАМО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 8.
- ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 111.
- ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 127.
- ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 177.
- ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 221.
- ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 234.
- ГАМО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 8.
- ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 61.
- ГАМО. Ф. И-121. Оп. 1. Д. 2.
- ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 1.
- ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 4.
- ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 5.
- ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 7.

Список литературы

- Андрианов-Верхнев М. И. Развитие народного образования в Мурманской области за годы Советской власти // Ученые записки Мурманского гос. пед. ин-та. Т. 30. Мурманск, 1967. С. 5–104.
- Алымов В. К. О школах и всеобщем обучении у народности саами // Карело-Мурманский край. 1930. № 11–12. С. 31–32.
- Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года. (Итоги подворной переписи). Архангельск, 1916.
- Белошистая А. И. Из истории ликвидации неграмотности на Кольском полуострове (1920–1928 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера: межвуз. сб. Петрозаводск, 1976. С. 56–77.
- Васильев В. В., Грицевич А. В., Селин В. С. Исторические тенденции и современные организационно-экономические проблемы «северного завоза». Апатиты: изд. Кольского научного центра РАН, Апатиты, 2009. 152 с.
- Виноградова С. Н. Коренные малочисленные народы Севера: социально-экономические аспекты государственной политики. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2012. 139 с.
- Виноградова С. Н. Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроспективный анализ // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарная серия. № 2. 2010. С. 127–139.
- Власова В. В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар, 2010. 172 с.
- Гебель Г. Ф. Наша Лапландия. СПб, 1909. 314 с.
- Дранишников В. В., Манухин В. П., Дудакова Е. Ф. Очерки истории народного образования Кольского края. Мурманск: НИЦ «Пазори», 2001. 624 с.
- Дронова Т. И. Одежда староверов Усть-Цильмы: традиционные типы и функции в поверьях и обрядовой культуре. Сыктывкар, 2011. 210 с.
- Дронова Т. И. Семья и брак староверов Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в повседневной и обрядовой жизни (середина XIX – начало XXI вв.). Сыктывкар, 2013.

Европейский север: локальные группы и этнические границы // Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 71. Сыктывкар, 2012. 236 с.

Казакова К. С. Школьная образовательная система для детей коренного населения Кольского Севера: модели социального взаимодействия // Сибирский сборник-4: Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры: Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой / Отв. ред. В. Н. Давыдов, Д. В. Арзютов; РАН. ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 523–530.

Калинина Е. А. Взаимодействие государства и церкви в организации приходских училищ в северных губерниях России (1805–1825 годы) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия гуманитарные и социальные науки. № 4. 2014. С. 5–13.

Кельсиев А. И. Поездка к Лопарям: письма и предварительные отчеты Комитету. М.: Тип. М. И. Лаврова и К^о, 1878. 14 с.

Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск: Кн. изд-во, 1979. 160 с.

Кола // Кольская энциклопедия. Т. 1. Санкт-Петербург: ИС; Апатиты; КНЦ РАН, 2008. С. 332–333.

Красницкая Т. А. Управленческая структура церковно-школьной образовательной системы в Российской Империи: последняя треть XIX – начало XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 1. Ч. 1. С. 87–98.

Краткий очерк путешествий Архангельского губернатора А. П. Энгельгардта в 1894 г. на Мурман, Новую Землю и в Печорский край. Архангельск: Губ. Тип., 1894. 31 с.

Лярская Е. В. Северные интернаты и трансформация традиционной культуры: На примере ненцев Ямала: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.

Маноцков В. И. К вопросу о заграничной торговле Архангельска в царствование Алексея Михайловича. Архангельск: Арх. губ. тип., 1896. 8 с.

Маноцков В. И. Очерки жизни на Крайнем Севере: Мурман. Архангельск: Тип. С. М. Павлова, 1897. 191 с.

Молчанов К. С. Описание Архангельской губернии, ее городов и достопримечательных мест со многими древними историческими известиями и замечаниями к дополнению Российской истории служащими, из разных рукописных и печатных книг монастырских церковных архивов... / собрано С. Козмой Молчановым. СПб.: при Имп.акад.наук, 1813. 319 с.

Морская стратегия России и приоритеты развития Арктики. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН. 2012. 262 с.

Озерецковский Н. Я. Описание города Колы, что в Российской Лапландии // Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804. С. 1–82.

Орехова Е. А. Школьное образование в колониях Мурманского берега в конце XIX в. // III Ушаковские чтения, г. Мурманск, 2–4 марта 2006 г. / Федер. агентство по образованию, Мурман. гос. пед. ун-т и др.; редкол.: А. В. Воронин (науч. ред.) и др. Мурманск, 2006. С. 64–69.

Пошман А. П. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом

и нравственном обозрении ... составленное в 1802 году. Архангельск: Губ. типография, 1866. Т. I. С. 173–191.

Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина, академика и медицины доктора; Вольного экономического в С.П. друзей природы испытателей в Берлине и Гессенгомбургского патриотического обществ члена, по разным провинциям российского государства в 1771 году. 2-е изд. СПб.: При Импер. Акад. наук, 1814. С. 372–374.

Пулькин М. Начальное образование для «инородцев» на Европейском Севере России (конец XIX-начало XX в.)// Антропологический форум. 2006. № 4. С. 163–176.

Региональная экономика и вопросы североведения / коллектив авторов; под науч. ред. д.э.н., проф. В. С. Селина, д.э.н. Т. П. Скуфьиной: моногр. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2013. 200 с.

Рейнеке М. Ф. Описание города Колы в Российской Лапландии. СПб.: Тип. Н. Греча, 1830. 58 с.

Север и Арктика в пространственном развитии России / Отв. ред. А. Г. Гранберг, В. Н. Лаженцев. М. 2010. Апатиты. КНЦ РАН. 2010. 213 с.

Тематический обзор документов по истории христианства и взаимоотношениям государства и церкви // Государственный архив Мурманской области. Официальный сайт. URL: <http://www.murmanarchiv.ru/index.php/exhibitions-events/reviews-and-lists-of-documents/131-2009-06-10-10-27-15>.

Тенденции и особенности инновационной индустриализации в северных регионах России / Коллектив авторов; Под науч. ред. д.э.н. В. С. Селина, к.т.н. В. А. Цукермана. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2014. 162 с.

Уляшев О. И. Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обско-угорских народов. Екатеринбург, 2011. 421 с.

Ушаков И.Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972. 671 с.

Факторный анализ и прогноз грузопотоков Северного морского пути / Науч. ред. д.э.н., проф. Селин В. С., д.э.н., проф. Козьменко С. Ю. (гл. 4). Апатиты: КНЦ РАН, 2015. 335 с.

Формирование стратегических приоритетов изучения и комплексного освоения арктических территорий Российской Федерации / под общ. ред. акад. РАН А. И. Татаркина; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2013. 374 с.

Харузин Н. Русские лопари: очерки прошлого и современного быта. М.: Высочайше утв. Тов-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1890. 472 с.

Шабает Ю. П. Народы Европейского Севера России: положение, специфика идентичности // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 54–63.

Экономический механизм и особенности инновационной политики на Севере / под науч. ред. д.э.н. В. С. Селина, к.т.н. В. А. Цукермана. Апатиты: Изд. Кольского научного центра РАН, 2012. 255 с.

Сведения об авторах

Иванова Медея Владимировна

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Казакова Ксения Сергеевна

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Шабалина Ольга Вячеславовна

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Ivanova Medeya Vladimirovna

Dr. Sci. (Economics), Leading Research Fellow of Barents
Centre of Humanities of the Kola Science Centre, RAS

Kazakova Ksenia Sergeevna

PhD (History), Research Fellow of the Barents
Centre of Humanities of the Kola Science Centre, RAS

Shabalina Olga Vyacheslavovna

PhD (History), Leading Research Fellow of Barents
Centre of Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК 069.445.55+391:069.02(908+39)

О. А. Бодрова, О. А. Сулейманова

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МАНЕКЕН КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ЭТНИЧЕСКОГО: К СТОЛЕТИЮ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ 1867 ГОДА**

Аннотация

В 1867 году в Москве состоялась первая в России Этнографическая выставка, определившая традиции отечественного этнографического музея. В данной статье дается краткий обзор этой выставки, рассматривается ее значение для изучения этнографии и антропологии Кольского Севера, а также анализируются особенности использования манекена как средства репрезентации этнического в этнографическом музее.

Ключевые слова:

манекен, этнографический музей, экспозиция, репрезентация, Этнографическая выставка 1867 года.

O. A. Bodrova, O. A. Suleymanova

**THE ETHNOGRAPHIC MANNEQUIN AS A REPRESENTATION OF ETHNICITY.
CONCERNING THE CENTENARY OF THE 1867 ETHNOGRAPHIC EXHIBITION**

Abstract

In 1867, the first Russian Ethnographic Exhibition took place in Moscow. It defined traditions of the national ethnographic museum. This paper provides a brief overview of the exhibition, considers its importance for ethnographical and anthropological studying of the Kola North. Special aspects of the mannequin as a representation medium in the ethnographic museum are also analyzed.

Key words:

mannequin, ethnographic museum, exhibition, representation, the 1867 Ethnographic Exhibition.

Сто лет назад, 23 апреля 1867 года, в московском Манеже открылась первая в России этнографическая выставка. Это событие можно рассматривать как зарождение традиций отечественного этнографического музея, и в этом плане Этнографическая выставка предлагает обширное поле для исследований как музейным сотрудникам, так и историкам, этнографам, антропологам. Большая часть коллекций выставки была передана в Румянцевский музей, составив «Дашковский этнографический музей». После революции фонды этого музея отошли Музею народов СССР в Москве, а с 1948 года они хранятся в Российском этнографическом музее Санкт-Петербурга.

Выставка преследовала глобальные цели. С одной стороны, по замыслу организаторов, на плечи которых легла основная исследовательская и подготовительная работа по устройству выставки, — членов Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии во главе с антропологом А. П. Богдановым — она должна была показать объективную картину этнического многообразия многонациональной России. С другой стороны, чисто научные и просветительские цели столкнулись с политическими и идеологическими интересами государства, и Этнографическая выставка была вынуждена стать средством выражения идей русского национализма и панславизма [Байбурин, 2004]. Не случайно программу выставки утверждал сам император Александр II в соответствии с докладом министра просвещения, а великий князь Владимир Александрович являлся почетным председателем оргкомитета [Федорова, ЭР]. Основную сумму на организацию выставки предоставил государственный деятель, меценат Василий Андреевич Дашков, но пожертвования поступали и от членов императорской семьи, и от других «высоких» лиц. За два месяца работы Этнографическую выставку посетило более 80 тыс. посетителей, в том числе иностранцев, наглядно убедившихся, как огромна Российская империя, и как много народов со своими особенностями, различными культурными традициями, религиями проживает в ее обширных владениях. Однако каким-то образом все эти народы, представленные на выставке во всем этнографическом многообразии: в окружении подлинных предметов быта, в этнических костюмах, на фоне традиционных жилищ, оказались сосредоточены вокруг комплексов, посвященных восточным, западным и южным славянам. Задача просвещения населения и знакомства народов России и соседних братских стран друг с другом лежала на поверхности, а на дне скрывалась идея этнической иерархии, где высшую ступеньку на выставке заняли русские, а за ними следовали братья-славяне (специально к выставке был приурочен и Славянский съезд) [Этнографическая выставка..., 1878; Knight, 2006].

Вышесказанное ни в малейшей мере не уменьшает высокий научный уровень выставки. За подготовку научной части отвечали этнографы и антропологи. Первые занимались сбором этнографических предметов, костюмов и прочих вещей, следили за их соответствием реалиям культурного быта представленных народов, записывали информацию о собираемых экспонатах и их владельцах. Вторые занимались антропологическими коллекциями, следили за соответствием скульптур антропологическим типам этнических групп. Для изготовления манекенов были приглашены известные русские скульпторы. Они работали по фотолитографиям и зарисовкам, которые предварительно были заказаны и сделаны в разных регионах Российской империи. Для художников, скульпторов и фотографов были разработаны специальные подробные инструкции. Работала даже

специальная ботаническая комиссия, консультировавшая мастеров, изготавливающих элементы флоры для скульптурных сцен.

Всего на выставке было представлено три раздела. В «Общем этнографическом разделе» экспонировались визуальные материалы: фотографии (около 1600), альбомы и рисунки, на которых изображались крестьяне и мещане в реальных бытовых условиях. Также были показаны костюмы, части одежды, орудия труда, посуда, мебель, музыкальные инструменты, детские игрушки, лубочные картинки, модели построек. Отдельный раздел содержал антропологические и археологические материалы. Однако самым интересным и посещаемым, как можно предположить, оказался раздел, представляющий сцены: фигуры-манекены, точно отражающие антропологические типы, в традиционных костюмах и в окружении подлинных предметов народного быта, на фоне построек и пейзажей, типичной для определенной местности растительности. Сцены знакомили с жизнью как «инородческих», так и «славянских племен» (рис. 1, 2). Всего на выставке было представлено около 300 манекенов в национальных костюмах, 450 комплектов и деталей одежды, 1100 предметов быта [Этнографическая выставка..., 1878].

Рис. 1. Белорусы Могилевской губернии Чериковского уезда [Этнографическая выставка..., 1878]

Рис. 2. Лесные тунгусы около чума [Этнографическая выставка..., 1878]

Этнографическая выставка имела большое значение для развития этнографии и музееведения в России. Она также сыграла определенную роль и для изучения этнографии Кольского полуострова, хотя и особым образом — показав слабые места отечественной этнографической науки, огромные лакуны, касающиеся культуры многих народов. В частности, оказалось, что на выставке саамы были представлены всего одним манекеном. Он изображал женщину-саами, стоящую у вежи, одетую в суконную нижнюю рубашку и верхний суконный кафтан с откидными рукавами, в чулки и кожаные башмаки [Этнографическая выставка..., 1878: 40]. Сейчас уже не известно, каким источником пользовались создатели этого манекена. Возможно, он был сделан даже не с фотографии, а с иллюстрации к какому-нибудь зарубежному изданию — в российской литературе на тот момент визуальных изображений группы кольских саамов не существовало. Этот дефицит информации был восполнен при

подготовке к Антропологической выставке 1879 года молодым, начинающим антропологом А. И. Кельсиевым, членом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В 1877 году он побывал на Кольском полуострове для проведения первых в России антропологических измерений саамов, посетил 11 саамских погостов, собрал богатую коллекцию этнографических предметов, даже провел археологические исследования и составил словарь саамского языка. Результаты своих трудов А. И. Кельсиев изложил в «Антропологическом очерке лопарей» и в сборнике писем к своему наставнику А. П. Богданову «Поездка к лопарям» [Кельсиев, 1878]. Антропологические маски и предметы традиционного саамского костюма, привезенные антропологом из своего путешествия, были использованы для изготовления манекенов на Антропологической выставке. Благодаря этим манекенам и коллекциям Кельсиева российское общество начало визуально идентифицировать кольских саамов. А изображения манекенов послужили иллюстрациями для множества этнографических сочинений и иллюстрированных альбомов [Народы России, 1880; Русские народы, 1894; Харузин, 1890; Харузина, 1890; Харузина, 1902] (рис. 3, 4). По окончании выставки коллекции Кельсиева были переданы Политехническому музею в Москве.

Рис. 3. Иллюстрация к монографии «Русские лопари» Н.Н. Харузина [Харузин, 1890]

Рис. 4. Иллюстрация к книге «Народы России» [Народы России, 1880]

Этот небольшой экскурс в историю Этнографической и Антропологической выставок призван не только отдать дань памяти организаторам первых российских масштабных научных мероприятий, но и обратиться к такому отчасти обделенному вниманием этнографов предмету, как музейный манекен, в частности, манекен этнографический. Насколько нам известно, до сих пор музейный манекен являлся объектом внимания только в исторических музееведческих исследованиях [Хартанович, 2011], или при изучении истории

костюма [Шубная, 2016], или же объектом внимания при разработке методологии создания музейных композиций [Коновалов, Тимофеева, 1987; Романова, 2010], но ни этнографы, ни антропологи не изучали манекен целенаправленно.

Манекены использовались для экспонирования этнографических предметов задолго до Этнографической выставки 1867 года. Российская Кунсткамера уже в XVIII веке располагала манекенами, выполненными с учетом антропологических особенностей представляемого народа. Туловища таких манекенов делались из холста и войлока, лица и руки отливались из воска. Одним из самых старых этнографических манекенов в коллекциях Кунсткамеры был «Китаец», выполненный из воска, натуральных волос, стекла [Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, ЭР].

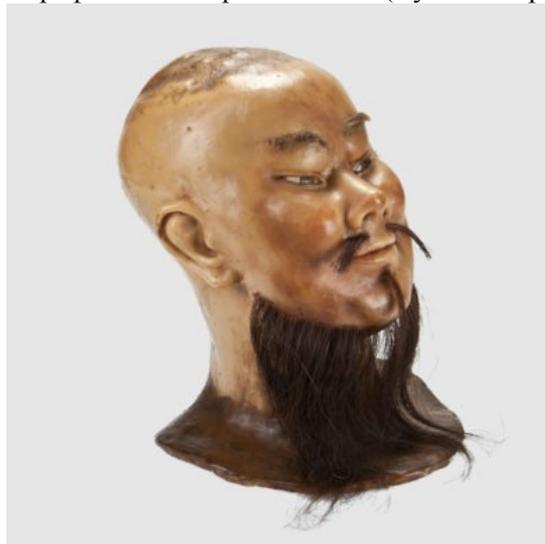

Рис. 5. Скульптурный портрет для этнографического манекена «Китаец», вторая половина XVIII века, МАЭ РАН Кунсткамера.

Автор (предположительно) М. П. Павлов [Сайт Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, ЭР]

Конечно, сейчас технологии и материалы для изготовления манекенов существенно изменились. Появилась целая индустрия, предлагающая широкий выбор самых различных видов манекенов для музейных экспозиций: портновские манекены (портновские торсы на ножке), натуралистичные манекены в полный рост (имеющие наибольшее сходство с человеком), скульптурные (белые, однотонные), шарнирные подвижные манекены, головы, бюсты и пр. [РусМанекен, ЭР]. В зависимости от целей и задач экспонирования, а также доступных музею материальных средств, возможно изготовление манекенов на заказ, с участием профессиональных скульпторов и художников. Некоторые фирмы предлагают на своих сайтах даже услуги по изготовлению манекенов с воссозданием портретных черт исторических личностей, не говоря уже о воспроизведении антропологических особенностей и любой позы, раскрывающей замысел конкретной музейной экспозиции как единого художественного комплекса [Арт-комбинат, ЭР].

Подобное разнообразие художественных и технических средств при создании манекенов часто уводит от их основного, прямого назначения —

демонстрировать этнографические экспонаты, прежде всего — костюмы. Отсюда в музейной практике возникают различного рода дискуссии по поводу того, каким должен быть манекен в этнографическом музее: *«Большая проблема при экспонировании костюма – это манекен. Какой он должен быть? С головой или без. Если с головой то с чертами лица (фигура, статуя) или все должно быть условно? Какого цвета он должен быть? Белый, черный, телесный. Вариантов много»* (из обсуждения на странице социальной сети, посвященной работе Угутского краеведческого музея Ханты-Мансийского автономного округа; здесь и далее сохранены орфография и пунктуация авторов обсуждения [Угутский краеведческий музей..., ЭР]).

Вопрос о выборе этнографического манекена является серьезнее, чем кажется на первый взгляд. С одной стороны, понятно, что экспонирование этнографических предметов с использованием манекена сильнее воздействует на посетителя, а ведь «главной задачей в организации экспозиции должна быть интенсивность впечатления, производимого каждой отдельной вещью» [Шубная, 2016]. В своей работе Е. Шубная анализирует статьи авторов сборника «Мода и музеи: теория и практика», пытающихся понять, почему одежда в музеях выглядит устрашающе, как смягчить гнетущий антураж, как привлечь больше посетителей и превратить музеи из «мавзолеев костюма», в которые они превращаются при отсутствии или неудачном использовании манекенов, в место для зрелищных и красочных мероприятий. Одежда, экспонируемая в музее, на выставке, воспринимается как «лишенная хозяйина» [Уилсон, 2012: 18], особенно, если она демонстрируется без манекена. Это сродни идее А. К. Байбурина о том, что вещи в музее, за отсутствием человека, который их использует, «живут ненастоящей жизнью», подобно животным в зоопарке, превращая музеи в «зоопарки для вещей» [Байбурин, 2004]. Музейные вещи, вообще, вряд ли могут «жить» изолированно, сами по себе. Вне интерпретаций и классификаций этнографические предметы (См. определение «этнографического предмета» [Коновалов, Тимофеева, 1987: 16–22]) теряют свое и этнографическое, и семиотическое значение [Сулейманова, 2010]. Не случайно в музее постоянно происходит процесс «формирования новых культурных значений и этнографических реалий посредством перегруппировки и переименования вещей, создания коллекций и экспозиций» [Баранов, 2010: 26].

Конечно, этнографические комплексно-тематические экспозиции можно выстраивать и без участия манекена: этнографические предметы могут экспонироваться в витринах по хронологическому принципу, по географическому критерию, по материалам и технологиям изготовления предметов и т.д. [Молчанова, 2016]. Манекены, как правило, задействуются при организации экспонатов по монографическому принципу, когда презентуются, например, этнические аспекты одного или нескольких народов региона. Традиционным способом интерпретации и группировки этнографических предметов по данному принципу является создание ансамблевых экспозиций, которые, в свою очередь, могут входить в единую комплексно-тематическую экспозицию. Наряду с термином «ансамблевые экспозиции» можно встретить понятия «средовые комплексы», «жанровые сцены», «обстановочные сцены», даже «застывшие театральные действия», — всё это по сути является названиями одного и того же приема экспонирования [Романова, 2010: 30], подразумевающего использование манекена. Фигуры

манекенов задействованы и при построении экспозиций, которые можно обозначить как «жанр культурно-антропологических очерков» [Молчанова, 2016], раскрывающий историко-культурное взаимодействие народов, проживающих в единой природно-географической среде: «Люди моря», «Люди земли», «Люди леса», «Люди тундры».

По какому бы из вышеназванных принципов ни располагались экспонаты в этнографической экспозиции, и как бы ни «оживлял» манекен тематический комплекс, создавая иллюзию воссоздания реальности, музей не представляет действительность такой, какая она есть «на самом деле», в силу ограничений семиотического характера, которые накладывает специфика музейного «языка вещей» [Баранов, 2010: 27]. Этнографический музей создает не столько презентации, сколько репрезентации образов культуры, в том числе этнической. Хотя основная функция этнографического манекена заключается в экспонировании музейных вещей: для демонстрации правильного использования показываемых предметов, для усиления эстетического наглядного воздействия на посетителя, для трансляции множества этнографической информации, сам по себе манекен также способен выражать определенное этнографическое значение – как самостоятельное средство репрезентации этнического в определенных антропологических типах. Понятно, почему тут речь идет именно о репрезентации – манекен, имеющий некоторые антропологические характеристики, несет в себе информацию не об антропологическом типе данного народа или разнообразии этих типов, а о некоем антропологическом стереотипе, дает не обобщенный портрет (потому что невозможно воплотить обобщенный портрет в скульптуре), а показывает черты вот этого конкретного «человека» / манекена. Ограничения изобразительных возможностей манекена как своего рода разновидности скульптуры были показаны еще 250 лет назад в трактате Г. Э. Лессинга «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии». Подобные сложности при репрезентации категории этнического возникли, видимо, и у художников, иллюстрирующих этнографические сочинения о кольских саамах в конце XIX – начале XX веков, когда единственный визуальный образ саамов, который имелся в русской культуре, сводился к манекенам Кельсиева и тиражировался из одного издания в другое [Бодрова, 2013].

И тут уместно вернуться к дискуссии о том, каким должен быть манекен в этнографическом музее. Ее главной темой является степень реалистичности манекена, как в плане общего сходства с человеком, так и в изображении антропологического типа презентуемой этнической группы. Одни участники обсуждения «голосуют» за реалистичные манекены с антропологическими чертами данной местности: *«Одно дело ханты, другое — поморы. Вот только мечты все это, а в реальности у нас “силуэты” из фанеры... и то ладно, не на “плечиках” хотя бы..., но иногда и на “плечиках”, а куда деваться?»*; *«Все-таки для исторического и этнографического костюма лучшие реалистичные манекены, но не магазинные. Конечно, это дорого, но того стоит. В историческом костюме всё важно: пропорции фигуры, прическа, головной убор, обувь. В этнографическом важны национальные черты лица персонажа. Ведь в народном костюме не было случайного, всё было согласовано с жизнью, бытом и укладом народа или народности. В СПб Этнографическом музее использованы реалистичные манекены с национальными чертами»* [Угутский краеведческий музей..., ЭР]. Согласно мнению сторонников реалистичных манекенов, в них должны быть

отражены «рост, типаж лица, конституция с пропорциями тела, женское лицо — широкое, узкое, высокие или низкие лбы с началом волосяного покрова — чтобы достоверно головной убор “накрутить”. Тогда и костюм будет хорошо сидеть, гадать не надо длинно ли, коротко ли» [Там же].

Другая точка зрения заключается в том, что излишне реалистичные манекены, наоборот, могут повредить восприятию музейной экспозиции, так как отвлекают внимание от этнографических предметов, которые и являются главным объектом презентации: *«Последние манекены самые классные.... Не отвлекают ... А мне нравятся РЭМовские манекены.... Но они наверно дорогие....(с квадратными головами, без головы). Мне нравятся безглавые и условные каркасные манекены как самые нейтральные. Выставочный стенд не должен отвлекать от размещенных на нем экспонатов. Когда требуется повторение или стилизация прически самый интересный подход — условные бумажные локоны»* [Там же]. При этом идея нейтральных, «условных» манекенов совсем не противоречит эстетическим требованиям, предъявляемых к экспозиции: *«В продолжение дискуссии — “наши старшие коллеги”: Национальный музей Республики Коми — деревянные манекены с антропологическими чертами коми народности. И рост и черты лица и позы все красиво и правдиво. Это экспозиция отдела этнографии. Мы — музеи маленьких городов, пока об этом только мечтаем»* [Там же]. Сторонники «условных» манекенов в качестве аргумента «от противного» приводят пример Могилевского музея этнографии, который содержит уникальную богатую коллекцию народных костюмов, однако, со слов автора заметки, «красоту национальной одежды некоторым будет трудно разглядеть из-за чрезвычайной экспрессии манекенов музея. По словам читателя, те выглядят так, словно увидели Апокалипсис» [Постапокалиптические манекены в музее этнографии, ЭР].

Итак, в завершение хочется еще раз подчеркнуть, что манекен является неотъемлемой частью экспозиций этнографического музея: как прием экспонирования этнографических предметов и как средство репрезентации категории этнического. На наш взгляд, проблема использования манекена в музее требует дальнейшего исследования. С одной стороны, манекен является экспонатом, как и другие музейные вещи, он подлежит атрибуции и регистрируется в учетной книге. С другой стороны, его художественно-выразительные особенности, излишне реалистическое сходство с человеком могут не только способствовать, но и мешать восприятию и интерпретации экспозиции. Интересны и перспективны для анализа особенности манекена как знака, его взаимодействие с другими музейными предметами в рамках семиотических связей и в музейной практике.

Интернет-источники

Арт-комбинат. URL: <http://art-kombinat.ru/Maneken.html>.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: <http://kunstkamera.ru/index/exposition/ekspozicii6/2floor/china/1027-2/>.

Постапокалиптические манекены в музее этнографии // Белорусский партизан. URL: <http://www.belaruspartisan.org/life/295356/>.

РусМанекен. URL: <https://rusmaneken.ru/catalog/manekeny-dlya-muzeev/>.

Угутский краеведческий музей им. П. С. Бахлыкова. URL: https://vk.com/topic-23897615_27889382.

Федорова Г. А. Первая Этнографическая выставка в России 1867 года. Костюм крестьянки Судогодского уезда Владимирской губернии и его даритель Леонид Николаевич Майков. URL: http://www.kovrov-museum.ru/netcat_files/userfiles/RSb19/fedorova13sb19.pdf.

Список литературы

Байбурин А. К. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас. 2004. № 1 (33). С. 81–86.

Баранов Д. А. Этнографический музей и «рационализация системы» // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 26–43.

Бодрова О. А. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии в деле изучения саамской этнографии (к 150-летию со дня основания ИОЛЕАЭ) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. № 6 (19). С. 189–194.

Кельсиев А. И. Поездка к лопарям. Письма и предварительные отчеты Комитету. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. 13 с.

Коновалов А. В., Тимофеева Е. Я. Понятие «этнографический предмет» // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. Л.: Государственный музей этнографии народов СССР, 1987. С. 16–22.

Молчанова Н. В. Проблемы экспонирования этнографических предметов в музеях Российской Федерации. Диссертация на соискание степени магистр. Направление 072300 «Музеология и охрана памятников и природного наследия». СПб., 2016.

Народы России: Чеченцы. Лопари. Этнографические очерки. СПб.: Досуг и дело, 1880. 85 с.

Романова Н. М. Принципы показа этнографических материалов в экспозициях краеведческих музеев. СПб.: ГАМАС, 2010. 192 с.

Русские народы: наброски пером и карандашом / Ред. проф. Н. Ю. Зограф. Ч. 1. М.: И. Н. Кушнерев и К°, 1894. 46 с.

Сулейманова О. А. «Семейные вещи»: к интерпретации понятия // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. Вып. 1 (2). С. 68–79.

Уилсон Э. Облаченные в мечты: мода и современность. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 288 с.

Хартанович М. В. Манекены Кунсткамеры Петербургской Академии наук конца XVIII века // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2011. С. 116–122.

Харузин Н. Н. Русские лопари. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. 472 с.

Харузина В. Н. Лопари: очерк В. Харузиной. СПб.: Н. Морев, 1902. 38 с.

Харузина В. Н. На севере: путевые воспоминания. М.: Тип. т-ва Левенсон и К°, 1890. 234 с.

Шубная Е. Люди и манекены // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. М.: Новое литературное обозрение, 2016. Вып. 39: Весна 2016. С. 361–369.

Этнографическая выставка 1867 года Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. II, 93 с.

Knight N. The Empire on display: Ethnographic Exhibition and the Conceptualization of Human Diversity in Postemancipation Russia. Title VIII Program. Washington: Published by the National Council for Eurasian and East European Research. 2006. 28 p.

Сведения об авторах

Сулейманова Олеся Анатольевна

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Бодрова Ольга Александровна

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Suleymanova Olesya Anatolyevna

PhD (History), Research Fellow of the Barents

Centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

Bodrova Olga Aleksandrovna

PhD (History), Research Fellow of the Barents

Centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 316.356.2(=511.112/115)

Е. В. Бусырева

**КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ В СЕМЬЯХ
С КАРЕЛЬСКИМИ И ВЕПСКИМИ КОРНЯМИ**

Аннотация

В статье рассматриваются культурные практики, направленные на сохранение истории семей с карельскими и вепскими корнями. Представленные материалы из семейных архивов информантов имеют значительный информационный потенциал и могут использоваться как источник для изучения прибалтийско-финских групп.

Ключевые слова:

карелы, вепсы, культурные практики, семейный архив, реликвия, этнический праздник.

E. V. Busyreva

CULTURAL PRACTICES IN FAMILIES WITH KARELIAN AND VEPSKI ROOTS

Abstract

The article deals with cultural practices aimed at preserving the history of families with Karelian and Veps roots. The presented materials from the family archives of informants have a considerable information potential and can be used as a source for studying the Baltic-Finnish groups.

Key words:

Karelians, Veps, cultural practices, family archive, relic, ethnic festival.

Интерес к сохранности карельской и вепсской культуре был вызван общественно-политическими переменами, начавшимися в конце 1980-х годов. Этот период отмечен началом роста этнического самосознания прибалтийско-финских народов, в том числе карелов и вепсов. В частности, в 1987 г. была принята Резолюция по проблемам сохранения языка и культуры вепсов и о включении вепсов в число малых народов Севера [Вепсы, 2007: 72]. Подъем этнического самосознания проявился в возрождении интереса к культурным традициям, к истории своего рода. А знания и представления о семейной истории обогащают круг знаний об истории в целом.

Объектом исследования являются культуротворческие практики в семьях с карельской и вепсской родословной. Под культурными практиками подразумевается реализация культуры в ее непосредственной действительности [Большаков, 2016: 17]. Цель — выявить виды семейной деятельности, связанные с сохранением памяти об истории рода. Сохранению семейной памяти, превращению ее в историю способствует собирание документов, фотографий [Разумова, 2016: 18]. Источниками послужили шестнадцать интервью, полученные у информантов с карельскими и вепскими корнями. Трансмиссия культуры от поколения к поколению происходит, прежде всего, благодаря рассказам, полученным от своих непосредственных генеалогических предшественников [Инголд, 2008: 91–92, 96]. Эти воспоминания дополняются документальными свидетельствами. Такими свидетельствами прошлого являются семейные архивы.

Семейный архив

Семейный архив (далее — СА) включает в себя фонд документов родственников, копии документов из государственных архивов, справки из различных организаций, материалы печатных СМИ, генеалогические схемы, личная переписка членов семьи, фотоматериалы. **Фонд документов** составляет основной массив семейного архива. Прежде всего, это свидетельства о рождении и смерти родственников. Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в 1937 г. территорию традиционного расселения вепсов разделили на три части: Карелию, Ленинградскую область и Вологодскую область [Попова, 2012: 64]. Поэтому информанты с вепскими корнями, у которых удалось взять интервью и ознакомиться с их семейными архивами, являются выходцами из этих трех регионов. Необходимо отметить, что этнокультурное развитие вепсов в значительной степени зависело от региона проживания. Например, вепсов Ленинградской и Вологодской областей, даже если у них оба родителя были вепсы, насильно регистрировали русскими по национальности при проведении переписей 1970 г. и 1979 г. [Строгальщикова, 2010: 76]. И в паспорте указывали национальность «русская». Данное обстоятельство подтверждается информантом Л.М. (Ж., 1952 г.р.): *«У меня еще в свидетельстве о рождении записано, что родители “вепсы”. А в паспорте записали “русская”»* (рис. 1). Аналогичная ситуация сложилась у информанта Л. Я. (Ж., 1943 г.р.): *«У нас очень много родственников, но только одна записана “вепс”. Но ей паспорт в Карелии выдавали. А мы все в Вологодской получали и у нас у всех в паспортах “русская” указано. Говорили “нет вепс”, я плакала, говорила, что “я вепс, посмотрите по свидетельству, у меня родители вепсы”. “Можешь не плакать, такого народа у нас больше нет”»*. Полученные сведения подтверждают, что вепсы, проживающие в Республике Карелия, находились в более благоприятных условиях в плане сохранения своей культуры.

Рис. 1. Свидетельство о рождении информанта из Вологодской области

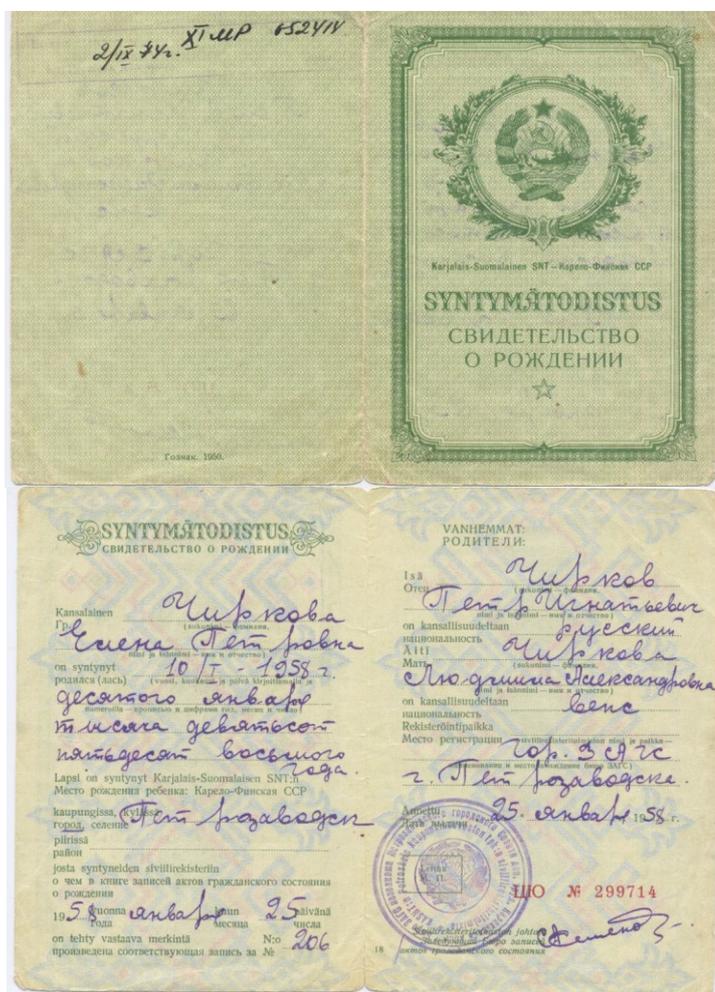

Рис. 2. Свидетельство о рождении информанта из Карелии

При анализе свидетельства о рождении информанта Е. Ч. (Ж., 1958 г.р.), было отмечено, что документ оформлен на старом бланке 1950 г., когда существовала союзная Карело-Финская Советская Социалистическая Республика, которая в 1956 г. была переименована в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (рис. 2). Поскольку информант Е. Ч. получала паспорт в Карелии, у нее была возможность выбрать национальность одного из родителей. И она выбрала национальность отца. Однако во время беседы информант сказала, что у нее двойственная этническая идентичность (биэтничность).

Генеалогическое древо — это наглядное отображение истории рода. Восстановление истории рода осуществляется на документальной и устной основе. Обычно глубина памяти о предках не распространяется далее прадедов. Однако встречаются энтузиасты, которым удается проследить историю рода с XVII в. Причем род — крестьянский, из карельской глубинки: «Я установил генеалогическое древо с 1635 г. Родословную удалось раскрыть благодаря финнам — это один источник. Второй источник — энтузиасты Карелии, в частности в Петрозаводске, которые занимаются карельскими родами. Я не стал делать такое ветвистое дерево, более удобно, когда схематично, большие информации» (инф. Н. Л., М., 1958 г.р.).

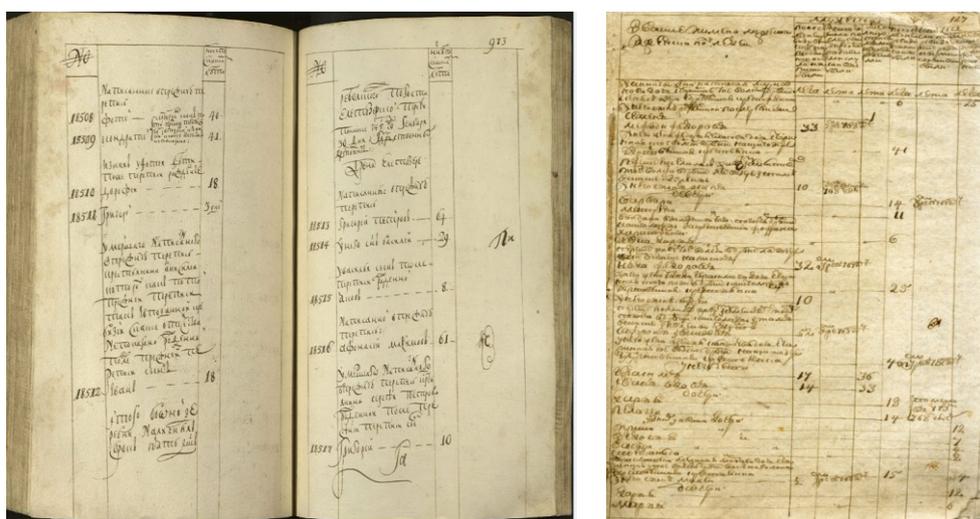

Рис. 3. Документы из Московского архива древних актов (СА инф. Н. Л.)

На рис. 3 представлены документы из Московского архива древних актов за 1745 г. (слева) и «Ревизская сказка» деревни Суднозеро за 1782 г. (справа). Эти документы были получены от председателя генеалогического общества рода Л. в Финляндии (ветвь рода, оказавшаяся в Финляндии после революции). Финны за деньги заказывают в наших архивах документы. На взносы издают журнал «Karjalan kiltti» («Карельские роды»). Опираясь на документы из государственных архивов, удалось составить генеалогическое древо рода Л. На рис. 4 изображена часть древа рода. Прямым предком информанта Н. Л. является Иуда Федорович.

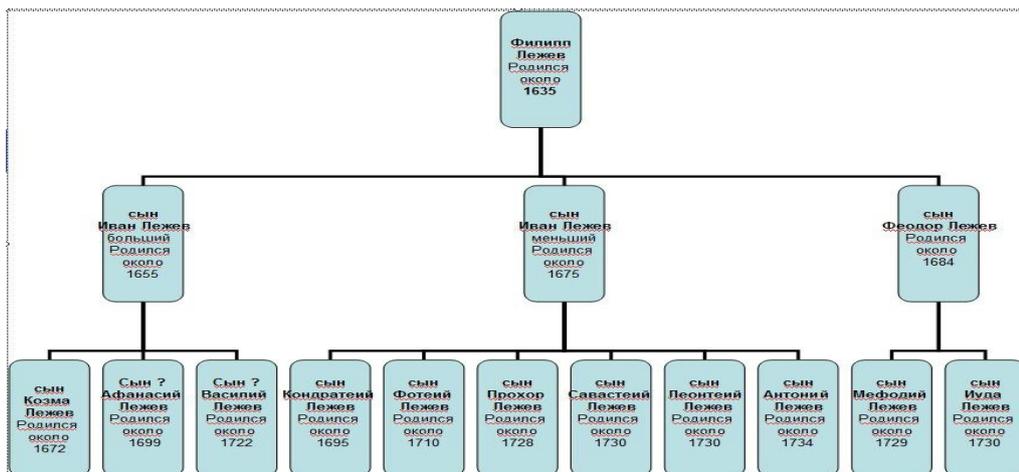

Рис. 4. Генеалогическое древо рода Л.

Более поздние сведения, например дата смерти бабушки, была установлена информантом благодаря письмам тётки. Помимо генеалогического древа в семейном архиве информанта есть герб, разработанный финской ветвью рода Л. (рис. 5).

Рис. 5. Герб рода Л.

Семейные реликвии – это вещи, представляющие особую ценность для членов семьи и передающиеся по наследству как память о предках и событиях семейной жизни [Разумова, 2001: 161–173]. Семейные реликвии – связующие звенья между поколениями. Однако у большинства информантов отсутствуют реликвии. Это вызвано тем, что информанты происходят из переселенческих семей. И семья, переезжая на новое место жительства, как правило, берет с собой лишь минимум вещей. Кроме того необходимо учитывать, что карелы и вепсы имели крестьянские корни, а крестьянские семьи не обладали особыми ценностями. Поэтому в этих семьях зачастую реликвиями становятся вещи,

Фотоматериалы наглядно отражают жизнь людей во всех ее проявлениях, воспроизводят облик предков. Фотография способна документировать реальность и транслировать информацию, содержащуюся в ней, передавать память о событии из поколения в поколение [Лермонтова, 2016: 99]. Особую ценность представляют старые фотографии. В архиве информанта Н. Л. есть фотографии (электронный вариант) родовой деревни Суднозеро (Venehjärvi) Костомукшского района и детей из рода Л., сделанные шведским фотографом из Финляндии Инха (Нюстрём) Инто Конрадом в 1894 г. (рис. 8, 9). При взгляде на фотографии нельзя не заметить бедность крестьян северной Карелии.

Рис. 8. Суднозеро (Venehjärvi)

Рис. 9. Дети из рода Л. Иван и Пелагия

В начале XX в. произошло разделение некоторых карельских родов. Часть семей мигрировала в Финляндию. В их числе оказался и старший брат деда информанта Н. Л. (М., 1958 г.р.) Тимофей Николаевич Лежоев (Lesojeff). В 1914 г. он вместе с женой Татьяной Васильевной Карповой и старшей дочерью Анной переехал в Пернио, регион Сало, Финляндия (рис. 10). На фотографии справа — Анна, 1942 г. (рис. 11). Анна родилась в России, а остальные дети Тимофея в Финляндии. Затем семья переехала в Швецию. Информант Н. Л. в своем интервью отметил, что представители их рода, проживающие в Финляндии, Швеции и Норвегии сохранили свою исконную карельскую фамилию Лежевы (Лежоевы).

У семей, которые остались в Карелии, в 1920-х годах фамилия видоизменилась: *«Кто жил недалеко от финской границы, они все по-карельски говорили, их всех считали финнами и фамилию переделали на финский аналог. Были Лежоевы, убрали русский суффикс “ев”, добавили вместо него финский “нен”. Таким образом, мы стали Ле...нен»* (инф. Н. Л., М., 1958 г.р.).

Следующая фотография дореволюционного периода из архива семьи с вепсскими корнями. В центре — Андрей Т., прадед информанта Е. Ч. (Ж., 1958 г.р.) (рис. 12). Род из Шёлтозеро. Семья занималась изготовлением и продажей пряников. По фотографиям дореволюционного периода возможно определить сословие изображенных. Нет сомнений в том, что прадед принадлежал к зажиточным крестьянам: косоворотка, сапоги, часы на цепочке в кармане жилета. Форма одежды неизвестного мужчины справа выдает в нем чиновника.

Рис. 10. Тимофей Лежоев с семьей.
(Фото из СА инф. Н. Л.)

Рис. 11. Анна Lesojeff, Швеция, 1942 г.
(Фото из СА инф. Н. Л.)

Рис. 12. Фото из СА инф. Е. Ч.

Рис. 13. Статья из журнала «Карельские роды»

Материалы печатных СМИ включают в себя подборки из газет о членах семьи. На рис. 13 представлена статья из финского журнала «Карельские роды», в которой дана информация о роде Ле...нен. На фотографии вверху слева — дед информанта Тихон Николаевич Ле...нен (Лежоев), 1886 г.р., Койвасозеро. В 1939 г. пропал без вести. На фотографии внизу — отец информанта Иван Тихонович Ле...нен, 1928 г.р., Кентозеро. В статье сообщается, что прапрадед информанта Марк Афанасьевич Лежев (Ле...нен), 1808 г.р., основал в 1840 г. деревню Койвасозеро (сейчас этой деревни уже нет). На фотографии вверху справа — съезд рода Л. В Финляндии подобные съезды проводятся ежегодно: *«Я на одном таком был. Очень любопытно. Заходишь в зал, а там сто Ле...нен»* (инф. Н. Л., М., 1958 г.р.).

Эго-документы также входят в состав семейного архива. К ним относятся воспоминания, мемуары родственников. Мемуары отражают самовосприятие человека, носят субъективный характер [Кравцов, 2015: 5]. Некоторые мемуары публикуются. Как раз к таким относятся воспоминания прадеда информанта Ю. И. (М., 1973 г.р.), опубликованные в журнале «Карело-Мурманский край» за 1927 год. В своих мемуарах прадед описывает борьбу с белогвардейцами в Ухтинском районе Карелии.

Праздники

Другим видом деятельности, связанной с сохранением культуры вепсов, является участие членов семьи в этнографических праздниках. Эти праздники проходят ежегодно в местах традиционного обитания вепсов. Благодаря таким праздникам, вепсы, проживающие в Мурманской области, поддерживают связь со своей исторической родиной, своими корнями и культурными традициями. Подобные праздники, безусловно, способствуют приобщению вепсов к материнской культуре и росту этнического самосознания. Впервые вепсский праздник «Древо жизни» (Elon pu) прошел в 1987 г. в селе Винницы Подпорожского района Ленинградской области [Строгальщикова, 2010: 75]. Традиция их организации была подхвачена и в Вологодской области. С 2006 г. его проводят в селе Ошта Вытегорского района [Попова, 2012: 67]. Приведенные сведения подтверждаются информантом А. И. (Ж., 1965 г.р.), уроженкой села Ошта: *«У нас в селе каждый год устраиваются вепские праздники. Мы один раз участвовали всей семьей. нас пригласили»*. Для многих выходцев из вепских деревень ежегодные праздники «Древо жизни» стали встречей с родиной. Особенно важны такие праздники для тех, чьи деревни не сохранились. Эти деревни были признаны «неперспективными» и ликвидированы [Строгальщикова, 2010: 76]. Уроженками таких деревень являются двое информантов: Л. Я., 1943 г.р., и Л. М., 1952 г.р.

На праздник представители вепских семей стараются надевать свою национальную одежду, которая является частью их культурного наследия (рис. 14). Для этнических праздников характерны выступления фольклорных коллективов, как певческих, так и танцевальных. Праздник «Древо жизни» не является исключением (рис. 15). Также неотъемлемой особенностью вепского праздника «Древо жизни» стали демонстрация и реализация традиционной вепской выпечки [Строгальщикова, 2010: 79]. Как известно, блюда национальной кухни являются одним из важных символов этничности [Сулейманова, Бодрова, 2017: 92]. Наши информанты Л. Я. (Ж., 1943 г.р.), Л. М. (Ж., 1952 г.р.) А. И. (Ж., 1965 г.р.) представляли на празднике *«вепские белые блины, калитки, сахарные лепешки, пироги»* (рис. 16).

Рис. 14. Информант Л. Я.

Рис. 15. Праздник «Древо жизни»
(Фото из СА инф. А. И.)

Рис. 16. Традиционная вепсская выпечка (Фото из СА инф. А. И.)

Как следует из вышеизложенного текста, рассмотренный нами вепсский праздник «Древо жизни» способствует сохранению этнокультурных традиций и выполняет познавательную, коммуникативную, интегративную и развлекательную функции. Все это, безусловно, способствуют единению и поддержанию национального самосознания вепсов [Сулейманова, Бодрова, 2017: 94].

Изучение повседневности позволяет создать целостную картину культуры [Капкан, 2016: 5]. К повседневной деятельности относится практика составления семейных архивов, способствующая сохранению памяти об истории рода. В подобной деятельности проявляется уважение к памяти предков. Следует отметить, что у информантов различная степень знаний о своих корнях. Это зависит от заинтересованности человека, от количества имеющихся документальных источников. Собираение семейного архива, составление генеалогического древа говорит о культурном уровне индивида: «Десять лет назад я ничего не знал. Я горжусь тем, что восстановил род» (инф. Н. Л., М., 1958 г.р.). Редкая семья имеет сведения о своей родословной, начиная с XVII в.

Комплектование семейного архива имеет практическое значение. Его материалы используются не только членами семьи в случаях необходимости (поиски родственников, подтверждение этнического происхождения и т.д.), но к ним все чаще обращаются историки и краеведы.

Помимо собирания семейных архивов культурная деятельность информантов выражается в их активном участии в этнографических праздниках. Подобная деятельность позволяет осознать свою причастность к материнской культуре, сохранить этнические традиции рода для потомков.

Список литературы

Большаков В. П. Культурные практики в процессах становления культуры // Вестник СПбГУКИ. 2016. № 2 (27). С. 16–22.

Вепсы: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов / Сост.: Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. Карельский научный центр. Петрозаводск, 2007. 336 с.

Инголд Т. Родословная, поколение, субстанция, память, земля // Этнографическое обозрение. М., 2008. № 4. С. 76–100.

Капкан М. В. Культура повседневности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 110 с.

Кравцов А. Н. Эго-документы русской эмиграции XX века: на материале публикаций журнала «Возрождение» (Париж, 1949–1974): дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.01. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. 268 с.

Лермонтова Е. Н. Фотография в музейной экспозиции // Вестник СПбГУКИ. 2016. № 2 (27). С. 99–102.

Попова И. Б. О деятельности по этнокультурному развитию вепсов Вологодской области // Этнокультурное развитие национальных меньшинств на Северо-Западе России, в Северных странах и странах Балтии / Научн. ред. З. И. Строгальщикова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. С. 64–78.

Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. Традиционная духовная культура славян. Современные исследования. М.: Индрик, 2001. 376 с.

Разумова И. А. Формирование ландшафта памяти (на примере АПРК «Курск») // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. Вып. 9. С. 8–21.

Строгальщикова З. И. Вепский праздник «Древо жизни» // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. Петрозаводск, 2010. С. 74–86.

Сулейманова О. А., Бодрова О. А. «Саами приглашают»: культурно-массовые мероприятия как форма сохранения культурного наследия коренного населения Кольского Севера // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Вып. 11. С. 83–96.

Сведения об авторе

Бусырева Елена Владиславовна

младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Busyreva Elena

junior research fellow of Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК 27-523 (470.21)

А. С. Давыдова

УЧАСТНИКИ ВОЗВЕДЕНИЯ ЦЕРКВЕЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

Статья посвящена изучению представлений жителей городов Мурманской области об участниках процесса храмостроения. Исследование базируется на полевых материалах (текстах интервью), собранных автором. Полученные данные позволили выделить категории участников строительства церквей: «Люди Севера», «Посланники», «Строители», «Священнослужитель и церковный актив».

Ключевые слова:

Мурманская область, православие, храмостроение, церковь, представления, церковная община.

A.S. Davydova

PARTICIPANTS IN THE CONSTRUCTION OF CHURCHES IN THE REPRESENTATIONS OF THE URBAN POPULATION OF THE MURMANSK REGION

Abstract

In the paper considers the one of the stages of modern orthodox temple construction. We analyzed the representations of towns inhabitants of Murmansk region. he study is based on field materials (interview texts) which collected by the author.

By the analysis of material have been defining several categories of participants in the construction of churches: "People of the North", "Messengers", "Builders", "Clergyman and Church Assets".

Keywords:

Murmansk region, Orthodoxy, church building, representation, Church community.

Со второй половины 1980-х годов в Мурманской области начинает возрождаться традиция православного храмостроительства. После создания Мурманской и Мончегорской епархии в 1995 году [Определения Священного Синода, 1996: 14] процесс восстановления старых и строительства новых церквей на территории области начинает набирать силу и становится более заметным. На тот момент на Кольском полуострове действовала 21 церковь, клир епархии насчитывал 33 священнослужителя [Мурман православный, 2004: 38]. В настоящее время насчитывается уже более 70 действующих храмов и такое активное их появление не может не привлекать внимания жителей области. Данное исследование посвящено изучению представлений городского населения об участниках процесса строительства церквей. Для изучения были выбраны города Мурманской области, появившиеся в советский период и обнаружившие собственную православную традицию уже в новейшее время (Апатиты, Кировск, Полярные Зори, Мончегорск). При помощи метода нарративного, а также неформализованного интервью были опрошены горожане с различной религиозной самоидентификацией и отношением к религиозным институтам и объединениям. Проведение подробного анализа степени

воцерковленности, как, например, в исследованиях В. Ф. Чесноковой [Чеснокова, 2005], не предполагалось. В качестве дополнительных источников были использованы материалы периодической печати и высказывания пользователей сети Интернет.

В ходе исследования было проинтервьюировано 26 информантов. После анализа полученных данных удалось разделить участников строительства по группам — «Люди Севера», «Посланники», «Строители», «Священнослужитель и церковный актив». Рассмотрим их подробно.

«Люди Севера»

Обобщающая категория «люди Севера» предполагает наличие определенного набора качеств, которым, по мнению опрошенных информантов, должны обладать все участники строительства церкви. Аргументируется это трудностью возведения, в принципе, какого-либо объекта на Крайнем Севере и для этого необходим, особенный, «северный» характер, состоящий из нескольких черт. Среди информантов распространено представление о «людях Севера» как бескорыстных тружениках:

Весь край же процветал. Люди сюда приехали очень светлые. <...> Я приехала, на мой взгляд, в самый расцвет. В восьмидесятые годы. Уже поработав после института, в Москве, где царил, сейчас уже и страшно говорить, какой царил дух. <...> Сюда, когда приехала, рот открыла, люди-то, оказывается, работают. И им это нравится, и они здесь засиживаются на работе часами (Инф. 2).

Помимо работоспособности, по мнению членов православных общин, «помогает» строить церковь такое качество как «доброта». Оно приписывается людям, живущим на Кольском Севере, по умолчанию:

Все равно северные люди – другие люди, добрые. Доброта, доброта именно, душевная доброта. Чтоб так помогали храму. Чтоб. Так мы это строили тяжело. Очень тяжело. Вот бабушки семьдесят лет, восемьдесят лет и приходили, и помогали, и красили. Если можно сказать, строили. И так, наверное, собрать легко, бесплатно, без копейки нельзя на юге. Там батюшка сказал там надо бы прийти на храм поработать. И люди приходили, их уже и звать не надо было. Люди сами приходили. Так вот это есть (Инф. 3).

Мнение о том, что люди Севера добрее и «чище» в сравнении с жителями других регионов, встречается практически у всех информантов и часто в материалах прессы [Барсова, 2008: 7–8]. Полученные данные подтверждают устойчивость противопоставления жителей Севера и Юга [см. Змеева, 2010; Разумова, 2013], а также мнения о том, что «северные люди — другие». При этом северяне, по мнению многих информантов, люди образованные. Эти представления подкрепляются признанием исключительного морального целомудрия северян, наличия «чистого» сердца:

Во-первых, тут люди образованные. Здесь очень хороший уровень образования. Ну, и плюс люди, которые всегда мечтают куда-то уехать, а что-то еще тут творят. <...> То есть люди более чистые сердцем. Более добрее. Не такие агрессивные, не такие злые. Материальные блага не разложили их (Инф. 1).

Среди причин, способствующих формированию таких качеств, называются экологические условия:

Везде людям тяжело жить. Но на Севере, здесь же экология дополнительно отрицательно сказывается. Вот. Но человек сам управляет своими делами и конечно. С одной стороны, сложнее, с другой стороны, здесь чище народ. Вот. Может быть из-за того, что здесь больше трудностей. Лишений больше приходится переносить. Испытаний. Вот (Инф. 4).

Коллективный портрет северного типа людей является частью локальной идентичности жителей Мурманской области. Дополнительно, по представлениям воцерковленных верующих информантов, он наделяется верой в бога:

За такой короткий период – пятнадцать лет пустыня превратилась в оазис такой вот, динамично развивающийся. На пустом месте совершенно. Хотя многие люди здесь они были ссыльными, они должны быть озлоблены. Нет. Они все простили. А уметь прощать очень большое благо. И веру в бога не утратили (Инф. 1).

При возведении церкви приходится сталкиваться с целым рядом трудностей, а преодолеть их, по мнению воцерковленных верующих, можно накопив духовный опыт:

А преодоление этих трудностей лучше, конечно, вести с Богом. Потом уже человек понимает, что без этого в жизни просто не обойтись. Приходит сюда за помощью. За духовной помощью. Физически и так далее. Нужно только понимать, что в храм нужно ходить не как на рынок. Что вот я тебе, а ты мне. Или кто-то что-то. Когда кому что помочь. Даже тогда, когда не ждешь. Мы вот с Ниной Санной чувствуем на собственном жизненном опыте <...> потому что много всякого было всего (Инф. 5).

Итак, северные люди отличаются сдержанностью, которая, в соответствии с мифологической логикой, может свидетельствовать о наполненности духовной жизни. По умолчанию (место проживания) они причастны к севернорусской культуре, за которой утвердились качества «истинно православной» и «традиционной». В связи с тем, что Север постоянно приходится «покорять» люди, живущие на нем трудоспособны и выносливы.

Строители

В эту категорию были отнесены те, кто учувствовал непосредственно в самом процессе строительства, независимо от того, профессиональные это были строители или просто наемные рабочие.

Условно строителей можно разделить на «своих», то есть постоянно живущих в городах Мурманской области, и приезжих. Многие церкви в Мурманской области строились т.н. «хозяйственным» способом, когда на протяжении всего времени постоянные участники процесса «свои». Как правило, это небольшая группа людей. Наличие финансирования для возможности нанять специалистов-строителей церковью расценивается положительно. Особенно, если они приезжают (как в г. Полярные Зори) из соседних областей, в виду того, что это дает основания отнести их к «своим» по признаку севернорусского «соседства»:

А строили, бригада была из Вологодской области. <...> Во-первых, это ведь совсем рядышком с нами, наши можно так сказать соседи. Не какие-нибудь там, не знаю, непонятно кто. А наши – вологодские (Инф.6).

Нехватка людей с опытом строительства храмов ощущается особенно остро:

Собиратель: *А какие-нибудь трудности были?*

Информант: *Трудности вот в строительстве были, вот я помню, что вот менялись эти бригады строительные. Одни строили. Потом другие строили. Вот это трудности. А кто это строил, я не знаю.*

Собиратель: *Я вот читала, что раньше храм должны были строить специальные люди*

Информант: *Ну, тут уже специальных не было людей (Инф.7).*

Показательным случаем стал поиск священнослужителем рабочих, специализирующихся на арочных переходах. При рассказе об этом моменте упоминаются исключительные коммуникативные качества священника, который сумел найти мастеров, разбирающихся в арочных конструкциях, на Украине и пригласил их для работы.

В ходе возведения церкви происходит взаимодействие строителей со строящимся объектом, процесс осмысливается как взаимный:

Мы строили храм — а храм строил нас! И когда строительство закончилось — все изменились. Нет, они не стали верующими, они понимали, что они соприкасаются с чем-то таким вот. Есть что-то, что их изменило. Они стали лучше. Они хуже не стали точно. Поэтому вот как бы. Мы строим храм, а храмы меняют нас (Инф. 1).

Строится не только здание, но и преображаются люди, участвующие в его возведении. Строители — непосредственные участники ритуала. Их участие предопределено свыше. И сам ритуал начинается задолго до того, как может начаться само строительство. Это может проявиться, например, в виде сновидений:

И вот снится мне сон, значит, что я построил вот эту церквушку. И я взлетел в небо, значит, и передо мной золотые купола вот этой вот церквушки, значит. <...> Смысл был – это знак величайшей удачи в моей жизни. <...> То есть слово божие узнал, получается. Хотя бы в таком виде. То есть это был мне знак, в том числе и сон мой. Ну и все! (Инф. 1).

Происходящее при возведении церкви относится к «иному», то есть ритуальному, времени. То, что является препятствием в обычной жизни, становится естественным и преодолимым, нормативное и ненормативное меняются местами. Меняются даже физические параметры существования:

Ну, настолько вот это вот шло как по маслу. Что самое интересное, что я не знал, что в тридцать градусов мороза, я не знал, что можно так брать там железный молоток и руки не мерзнут. <...> Вот это я как бы знаю точно. Мы клали, с бетоном работали, при минус двадцати градусах. Клади эти пласты. Мы там не замерзали. Я не знаю, почему. В обычной жизни мне холодно! Я вот там выйду на улицу и мне вот холодно, хотя там плюс. А вот там при такой температуре вот минус двадцать, теплее не было.

Ничего не мерзло. Мы там себя хорошо чувствовали, не грелись. У нас было два перерыва всего. Один на обед, где-то минут тридцать-сорок, а другой чаепитие у нас было, ну минут двадцать всего. Все. И остальное время мы работали. Пятнадцать, четырнадцать часов в сутки. <...> Я знал, что я там строю храм (Инф.1).

Так как строительство церкви – это процесс воссоздания «божьего» дома, то его нельзя сравнивать со строительством других объектов, тем более обычного жилого дома:

Но они, кто строил храм, они почувствовали, что они не просто строят где-то какой-то дом, они почувствовали, что и ... они строят не просто дом. Не просто дом, а божий дом. Вот как им господь. <...> Я думаю, что даже и строители, даже если они невоцерковленные, но если церковь строят, как-то особый настрой имеют. Поэтому не то, чтобы. У нас сейчас нет таких мастеров, которые вот: мы вас приглашаем, зодчие! Но что те, кто строил, что они тоже что-то такое чувствуют все равно (Инф. 8).

Представление о том, что в старину рубить церковь поручалось «далеко не всякому плотнику» [Каретников, 1913: 8], находит отражение в собранных материалах. Храм, согласно христианскому вероучению, — место «особого присутствия божия», общения человека с небесными силами, поэтому и люди должны строить его особенные, потому что происходящее в процессе строительства может отразиться потом на жизни храма в целом. У жителей города свои представления о том, какими должны быть люди, строящие церковь:

Собиратель: *А как ты думаешь, кто должен строить храмы?*

Информант: *Ну, как правило, строят...э-э-э, то есть я не слышала, чтобы какие-то Джамшуты там строили церкви, то есть такого я не слышала, приходят люди, в основном, которые хотят помочь, реально, может там сильно уверовали, которые, ну, как-то, через какие-то свои несчастья пришли в церковь. Ну, хотят помочь, ну, какое-то время строят там. Ну, даже если не такие люди, но все равно. По большей части строят, ну, сильно верующие люди (Инф. 9).*

Из текста интервью видна убежденность информанта в том, что церковь должны строить, во-первых, русские (стереотип: православный — значит русский), во-вторых, искренне верующие люди. При этом истинно верить может только тот, кто испытал лишения.

Участниками процесса возведения церкви являются не только строители. Так или иначе, в него включены все члены общины и люди, связанные с жизнью храма. Например, для того, чтобы во время строительства не было никаких происшествий:

В строительстве мы не участвовали. Мы поучаствовали каким-то другим образом. Батюшка уехал в отпуск, как-то был у батюшки. Уже начал снег растаивать и Алла Алексеевна Скорикова она увидела, стены-то высокие, уже первый этаж выстроен, а дети-то бегают. И никто не охраняет. А если упадет и разобьется ребенок, как на этом месте храму жить и существовать? Вот и довелось нам так поучаствовать, подежурить (Инф. 10).

Некоторые прихожане начинали участвовать в строительстве после получения соответствующих «знаков», знамений: «Одна прихожанка, Олимпиада Ивановна, рассказывала: «Как же я пойду на строительство, у меня рука больная? Вижу сон: на стене список, и там есть моя фамилия. И во сне голос: «Отработай хоть три дня!». И она пришла сама и подружку привела. А подруга тоже немощная — после операции. Но все равно потрудились. Многие рассказывали, что не чувствовали никакой усталости, целый день работали, а наутро опять вставали и шли как ни в чем не бывало. Господь посылал силы» [Вольский, 2001: 1]. Таким образом, церковь возводят также люди, не имеющие строительных навыков, при этом акцентируется «неслучайность» их включенности в этот процесс.

«Посланники»

Среди участников строительства выделяются те, кто помогал строить церковь непосредственно (физически) или опосредованно (финансами). Они были отнесены в отдельную категорию — «посланники».

В городах, а в особенности провинциальных, есть знаковые личности — из числа руководителей, крупных собственников, лиц, которые стали известными за пределами города благодаря общественной или творческой деятельности и т.п. Если они каким-то образом участвуют в строительстве церкви, то нередко им присваиваются в этом единоличные заслуги. Как правило, такое мнение высказывают невоцерковленные верующие, которые не владеют знаниями о реальной истории строительства. Примером может служить участие в строительстве церкви в Апатитах известного телеведущего Андрея Малахова:

Ну, вот строят, строят наши меценаты, богатые люди. Вот они. Но это тоже им, мне кажется, им это тоже престижно просто. Вот Малахов в Апатитах, например, вот этот храм, просто, ну так вот ему захотелось (Инф. 11).

Мнение о том, что именно А. Малахов построил церковь в Апатитах является очень распространенным и бытует как в устных текстах, так и текстах, находящихся в интернет-пространстве. Члены православной общины, в свою очередь, уточняют, что А. Малахов внес существенный вклад (что также немаловажно) в строительство в виде денежных пожертвований:

И вот было, может, читала где-нибудь, что, когда Андрей финансово помогал, он считал, что, ну как он говорил, что я вот дело отца продолжаю. То есть, он тоже как посланник получается, потому, что он тоже вкладывал денежки. Даже такие ходили там, где-то не в наших СМИ, а вот где-то Малахов построил на Родине церковь. Так-то он просто, я считаю, лепту внес. Ну вот (Инф. 7).

Воцерковленные информанты рассказывают, что непосредственно в самом строительстве участвовал его отец:

Вот Малахов Николай Дмитриевич, который начал, ну, как бы руководил строительством этого, допустим, вот он умер в ходе строительства, ну не на работе, конечно. Просто почувствовал себя плохо, и его увезли в Мурманск (Инф. 12).

Опираясь на текст интервью с самим Малаховым можно сделать вывод о том, что, помогая церкви, он отдал дань отцу: «Этот храм начинал возводить

еще мой отец, который долго работал в строительном тресте. И я считаю, что обязан продолжить его дело» [Телеведущий Андрей Малахов возвел храм на своей малой родине, ЭР]. В очерках об Андрее Малахове и в его интервью журналистам часто присутствует упоминание о вкладе в строительство церкви: «Малахов – простой, искренний и «тонкий» человек с открытой душой. Он продолжил благотворительное дело своего отца — вложил деньги в строительство церкви у себя на родине» [Андрей Малахов: «Я боюсь служебных романов», ЭР].

Фигура Андрея Малахова является знаковой для большинства жителей города Апатиты. Тот факт, что ему приписывают зачастую основные заслуги по строительству церкви, вполне закономерен: упоминание известных личностей важно для малого города, «они привлекаются к местной истории с тем, чтобы повысить авторитет города, особенно провинциального, служить знаком этого авторитета, своего рода достопримечательностью» [Разумова, 2003: 549].

Помимо известных личностей «посланниками» могут оказаться личности, занимающие высокий пост на градообразующем предприятии:

Вот и Никитин, да. Его посылал бог. Я думаю, что если таким языком выражаться, я думаю, да. Его посылал бог. Он действительно вот такой молодец. И действительно он такой к церкви вот особенно. У него политика там была в ОАО Апатит. И вот до сих пор они, по-моему, по два миллиона они перечисляли этой церкви на развитие, только в этом году, наверное, из-за трудностей финансовых (Инф. 13).

Также «посланниками» могут быть люди, которые оказываются «внезапно» рядом:

Расписывал этот ... Меткин, иконописец. Свой. Ну, он тут. Потом он уезжал в монастырь, а потом он вдруг вернулся. Можно тоже так сказать, не специально расписывать вернулся, а тут пригодился (Инф. 7).

В некоторых случаях в сознании горожан присутствует обобщенный безличный образ, которому приписываются заслуги по возведению храма. Таковыми могут быть градообразующие предприятия. Например, главным символом города Полярные Зори является КАЭС (Кольская атомная электростанция). И церковь, заказчиком которой выступила КАЭС, также приобретает отчасти качества градообразующего предприятия, становясь визитной карточкой города. Типичным ответом полярнозоринцев на вопрос интервьюера о том, кто построил церковь, является ответ «АЭС». Более того, участие градообразующего предприятия в постройке церкви, по мнению населения, служило гарантом ее появления: «Поэтому, когда на стройплощадке начались подготовительные работы, многие облегченно вздохнули и поверили, что в нашем городе все же будет своя красивая церковь. Тем более, не нужно сбрасывать со счетов тот факт, что заказчиком строительства этого объекта выступила Кольская атомная станция. И теперь уже дело престижа завершить начатое дело» [Белоцерковская, 2002: 2].

Священнослужители и церковный актив

Не знаю, есть ли такая потребность у города в третьей церкви. Но ее ведь строит отец Василий. Как про него говорят: «Кто строит? Этот? Ну, этот-то построит!» (Инф. 13).

Важную роль в строительстве церквей играют священнослужители. Нередки случаи, когда епархия присылала священника с навыками строительства для того, чтобы он смог построить церковь или перестроить ее из другого сооружения:

Поэтому и отец Василий. А он был профессионально — строитель. Он знал, как это делать. Его для этой цели и поставили, чтоб он на этом месте воздвиг храм. Его и послал Владыка (митрополит Симон — А. Д.) для этого сюда, чтобы здесь построить новый храм. Поскольку он сам строитель по специальности. По профессии был, царство ему небесное! (Инф. 14).

Для воцерковленных верующих и членов православных общин священнослужитель — фигура сакральная, отеческая, с ним отождествляются власть бога на земле, авторитет и разумность. Многие оценивают фигуру священника как высоко статусную. Конструируемый рассказами членов общин биографический путь священнослужителя «показывает» уникальность статуса священника. Ведь даже с наступлением смерти его жизнь не заканчивается, а продолжается в другом качестве:

Становится посещаемой могила протоиерея Илии обращающихся к нему. Известна исцеленная от недуга женщина, просившая на его могиле помощи. Открывает Господь молитвенное заступление батюшки за нас. Сильно оцутимо нами, что протоирей Илия духом не покидает нас (Инф. 10).

Священнослужители-строители церкви входят в летописную историю церкви как истинные подвижники православия, о них рассказывается: <...> А самое главное, как говорит апостол, что вера познается по делам, — это дела его. Если мы замолчим, камни возопиют. Дела мы видим: построен храм в городе Кировске. Через это пришло множество людей, новых людей. Эти люди пришли благодаря тому, что здесь построен храм. Много батюшка трудился для того, чтобы привести людей к Богу. Особенно руководителей. <...> Благодаря его заслугам, что он постоянно не забывал о том, что надо строить храм, и пробивал то безбожие, которое царило в Кировске. То руководство не соглашалось, не хотело слушать. Сейчас благодаря, конечно же, его усилиям в храме можно увидеть городское руководство, руководство комбината и не просто увидеть, а они заботятся, помогают. Храм украшаясь, преображаясь, (такая связь тайная, невидимая) влияет на город. Чем больше укрепляется храм, тем город становится краше, лучше [Памятью жив будет, 2015: 94]. Из цитаты видно, что священнослужителю понадобилось потратить много сил для возведения церкви. Биографический путь священника-строителя становится не только частью истории храма, но и частью истории города, поскольку, построив храм, он внес существенный вклад в благоустройство всего города.

От фигуры священнослужителя, его семьи и поведения внутрихрамовых людей зависят жизнь храма и его репутация в городе. Невоцерковленные верующие считают, что священнослужитель должен владеть навыками психолога:

<...> мне кажется, что священник должен в какие-то моменты вникать. Хотя бы для того, чтобы прихожанин мог бы что-то осознать, прав он тут, не прав. Действительно согрешил он тут в этом моменте, или же нет. С одной стороны, священник вроде бы

не психолог. Но если его назначение помогать человеку духовно вырасти, то он должен вникать во все эти вещи. Как-то так (Инф. 15).

При выборе храма для посещения часто происходит ориентация на личность священнослужителя:

Я думаю, напрямую зависит, что за священник. Потому в этот храм либо тебе хочется ходить, либо не хочется ходить. То есть людям религиозным, которые все соблюдают, может быть им все равно. Вот. Но меня однозначно отпугивает священник и какие-то помогающие там женицины, когда я всегда бываю. И вот они грубо разговаривают и насаждают что-то там. Конечно, в такую церковь ходить не хочется. Именно поэтому. Мне сейчас нравится вот эта церквушка на Белоречке. Этого священника все хвалят. Приятный в общении. И видно, что относится очень серьезно к своей работе. Тогда как про батюшку с Анатитской церкви ходят самые разные рассказы. Хотя я честно я даже не знаю, как он выглядит (Инф. 16).

К представлениям о личности священнослужителя добавляются представления о том, какая у него должна быть семья. Жена священника должна обладать такими качествами как смирение, терпение, понимание. Дети священнослужителя должны отличаться от всех остальных, как и дети членов приходской общины. К ним предъявляются более высокие требования. Они должны быть воспитаны, сдержанны, скромно одеваться:

А семья <пауза> как я представляю. Ну, я знаю, что там есть, кому можно заводить, ну, как по этим канонам, кому можно заводить, ну, то есть жить полноценной семьей. Вот. А тому, кто подстриг принимает, они не имеют права. Они всю жизнь живут одни, но в основном, в принципе, вот. Ну, что я представляю себе, что это вот, ну, такая примерная семья. Мама там, я не знаю, какая-нибудь учительница там. Или просто служительница. Много детей там. Как минимум трое, которые тоже имеют какое-то отношение к церкви, как правило, ну или там, в будущем видят себя, по крайней мере, служителями (Инф. 17).

С появлением приходской общины формируется внутривраховая культура и происходит ее распространение среди городского населения. Такая микрокультура, которая существует внутри каждого храма, возникает и формируется уже на этапе его строительства.

Проанализировав представления информантов, различных по религиозной самоидентификации, стало возможным выделение нескольких категорий участников, строящих церковь. Среди опрошенных распространенным является мнение о том, что те, кто возводит храм, должны обладать набором качеств, позволяющих охарактеризовать их как «Людей Севера», т.е. они должны быть сдержанными, трудоспособными, добрыми. При описании людей, имеющих отношение к строительству церкви эти качества должны дополняться истинной верой в бога. Участниками процесса возведения церкви являются не только строители. Так или иначе, в него включены все члены общины и люди, связанные с жизнью храма. «Посланники» помогают строить церковь напрямую или опосредованно. В представлениях

невоцерковленных информантов можно встретить приписывание заслуг по возведению церкви градообразующему предприятию или одному человеку, который известен в городе или за его пределами. Неоспоримой является роль священнослужителя. Особенно хорошо это отражено в рассказах членов общин и воцерковленных верующих. Биографический путь священника-строителя становится не только важной частью летописной истории храма, но и частью городской истории.

Список информантов

Инф. 1 — муж., 1957 г.р., бывший начальник милиции Кировского УВД, род. в Приморско-Ахтарске (Краснодарский край), член православной общины, г. Апатиты.

Инф. 2 — жен., 1960 г.р., воцерковленная верующая, г. Апатиты.

Инф. 3 — жен., 1966 г.р., жена священнослужителя, г. Апатиты.

Инф. 4 — муж., прибл. 1955 г.р., воцерковленный верующий, г. Апатиты.

Инф. 5 — муж., 1958 г.р., церковный староста, г. Апатиты.

Инф. 6 — жен., прибл. 1956 г.р., воцерковленная верующая, г. Полярные Зори.

Инф. 7 — жен., 1984 г.р., журналистка, род. в г. Ковдор, воцерковленная верующая, г. Апатиты.

Инф. 8 — жен., 1983 г.р., экономист, воцерковленная верующая, г. Мончегорск.

Инф. 9 — жен., 1985 г.р., эколог, невоцерковленная верующая, г. Мончегорск.

Инф. 10 — жен., 1940 г.р., род. в г. Южно-Сахалинск, член православной общины, г. Кировск.

Инф. 11 — жен., 1951 г.р., род. в Николаевской области (Украина), невоцерковленная верующая, г. Кировск.

Инф. 12 — муж., 1959 г.р., воцерковленный верующий, г. Апатиты.

Инф. 13 — жен., 1985 г.р., воцерковленная верующая, г. Апатиты.

Инф. 14 — жен., 1958 г.р., воцерковленная верующая, г. Кировск.

Инф. 15 — жен., 1978 г.р., учительница русского языка, род. в Вологодской области, воцерковленная верующая, г. Апатиты.

Инф. 16 — жен., 1975 г.р., невоцерковленная верующая, род. в городе Иваново, г. Апатиты.

Инф. 17 — жен., 1960 г.р., род. в г. Кировск Мурманской области, невоцерковленная верующая, г. Кировск.

Источники

Андрей Малахов: «Я боюсь служебных романов» // Архив публикаций СМИ Забайкальского края. URL: <http://www.chita.ru/wikismi/p15067/> (дата обращения 22.03.2017).

Барсова К. На Севере люди добрее: 1 июня Ковдору исполняется 55 лет // Комсомольская правда. 29 апреля. 2008. Прил. С. 7–8.

Белоцерковская Ю. Святой дух храма // Энергия плюс. 20 декабря. 2002. С. 2.

Вольский В. (Иерей) «Так освятили храм господу...» // Православная газета. № 10. Октябрь. 2001. С. 1.

Определения Священного Синода (1995.12.27: епископом Мурманским и Мончегорским назначить епископа Тихвинского Симона, викария Санкт-Петербургской епархии) // Журнал Московской Патриархии. М. № 1. 1996. С. 14.

Памятью жив будет... / Составитель Ляпинская А. 2015. Кировск. 104 с.

Телеведущий Андрей Малахов возвел храм на своей малой родине // Сайт Православие.ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/25481.htm> (дата обращения 22.03.2017).

Список литературы

Змеева О. В. «Старожилы» и «мигранты»: опыт взаимодействия на Крайнем Севере // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. № 6 (14) Ноябрь–декабрь. 2010. С. 51–54.

Каретников А. А. Деревянное церковное строительство в старину на севере России // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. № 2. 1913. С. 8–18.

Мурман православный. Мурманск: Изд. Мурманской и Мончегорской епархии. 2004. 238 с.

Разумова И. А. «Мурманчане» или «северяне»? (Параметры социокультурной идентификации жителей Кольского Севера) // Модель мира коренных малочисленных народов Арктического региона: динамика взаимодействия языка и культуры в условиях глобализации и регионализации: материалы международного научно-практического семинара 29–31 октября 2012 года. Мурманск: МГГУ, 2013. С. 70–79.

Разумова И. А. Несказочная проза провинциального города // Современный городской фольклор М.: РГГУ, 2003. 731 с.

Чеснокова В. Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005. 304 с.

Сведения об авторе:

Давыдова Алёна Сергеевна

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Davydova Alyona Sergeyvna

PhD (History), Research Fellow of the Barents

Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS

АСПИРАНТСКИЕ ТЕТРАДИ
POSTGRADUATE NOTEBOOKS

УДК 061.6:94(470.21)"1939/1959"

К. В. Мулин

**НОВЫЕ СТРАНИЦЫ В ИСТОРИИ КНЦ РАН
(ОБЗОР РАССЕКРЕЧЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ ЗА 1939–1959 ГОДЫ)**

Аннотация

Представлен обзор недавно рассекреченных материалов, пополнивших фонд № 1 Научного архива КНЦ РАН. Предпринята попытка классифицировать 138 новых архивных документов, охватывающих период с 1939 по 1959 годы, а также выявить их информативность.

Ключевые слова:

вспомогательные исторические дисциплины, научные методы исследования, ведомственный архив, НА КНЦ РАН, рассекреченные материалы, природно-ресурсный потенциал.

K. V. Mulin

**NEW PAGES IN THE HISTORY OF THE KOLA SCIENCE CENTRE RAS
(REVIEW OF DECLASSIFIED MATERIALS FOR 1939-1959)**

Abstract

The paper provides an overview of recently declassified materials, which adding up to the fund 1 of Scientific Archive of the Kola Science centre, the Russian Academy of Sciences. An attempt is made to identifying category of new archived materials covering the period 1939 - 1959, and revealing the informative nature.

Key words:

secondary historical subjects, scientific research methods, departmental archive, scientific archive of the Kola Science Center RAS, declassified materials, natural resource potential.

В научной литературе важное место занимают исторические и обзорно-аналитические тексты, позволяющие ученым ориентироваться в основных направлениях развития отраслей науки, обеспечивающие информационную поддержку исследовательской деятельности, позволяя на основе систематизации и обобщения разрозненных сведений оценить состояние определенных научных проблем, а также тенденции и перспективы их решения [Сорока, 2002: 209]. Новые исторические документы, все чаще появляющиеся в общем доступе, поднимают актуальность историографии и источниковедения на новый уровень.

Научно подтвержденные факты событий прошлого из исторических документов извлекаются с применением методик, разработанных рядом вспомогательных исторических дисциплин, а именно: источниковедением, археографией, текстологией, палеографией, дипломатикой и сфрагистикой. Применение таких методов исследования позволяет историку дать научный ответ обществу, на предмет обвинения в искажении действительности. Чтобы правильно подавать информацию, историку советского периода необходимо было иметь правдоподобный источник. На то время практически единственным

источником и одновременно обобщающим историческим трудом периода существования России за XX век считался «Краткий курс истории ВКП(б)», в то время как газета «Правда», печатавшаяся в первые десятилетия существования СССР, была «похоронена» в спецхране. Восторг и надежды, сопровождавшие рассекречивание газет в период хрущевской «оттепели», сменились разочарованием, когда стало ясно, что «абсолютной истины» в данных секретных материалах не получить без научно — исторических исследований [Покровский, 1997: 94].

После распада Советского Союза ситуация с источниками по советской истории поменялась кардинально — их стали массово рассекречивать: на середину 1991 года в госархивах хранилось 93 млн архивных дел, а в следующие несколько лет рассекречено примерно 10 млн дел (или около 125 км архивных полок) [Артизов, ЭР]. Но главное — перемены не количественные, а качественные. Историк впервые получил возможность изучить документы руководящих органов страны, основных политических, идеологических и правоохранительных ведомств [Покровский, 1997: 94].

Процесс рассекречивания исторических документов затронул и ведомственные архивы научных учреждений. Так, в 2016 году спецотделом КНЦ РАН была рассекречена часть делопроизводственных документов, отражающих основную деятельность КБАН (КФАН) СССР, а именно 138 дел периода с 1939 по 1959 гг. Цель данной статьи — дать сжатый обзор тех материалов, которыми пополнился совсем недавно фонд № 1 Научного архива КНЦ РАН. Основными задачами публикации являются классификация данных документов и выявление их информативности.

Рассекреченные материалы по своей тематике можно условно разделить на 8 групп:

Классификация рассекреченных документов

Состав документов	Количество, %
1. Стенограммы совещаний, заседаний, конференций по проблематике «Природно-ресурсный потенциал Мурманской области» (ниобий, медно-сульфидные месторождения и т.д.) -при АН СССР -при ВКЗ -в Геологическом отделе КФАН и т.д.	19 (13,9%)
2. Планы (программы, аннотации) работ и отчеты (сведения) о деятельности КБАН (КФАН) Планы: научно-исследовательских работ, тематические, проблемные, проблемно-тематические и т.д. Отчеты: О научно-организационной работе, о научно-исследовательской работе, стенографические отчеты, и т.д. Сведения о внедрении научных разработок в производство	75 (54,7%)
3. Протоколы и стенограммы сессий Ученого совета и заседаний Президиума КБАН (КФАН), Бюро Совета филиалов АН СССР	17 (12,5%)
4. Перечень научно-исследовательских работ сотрудников (отделов, лабораторий, институтов) КФАН, аннотации, отзывы, рецензии и заключения по ним.	9 (6,6%)
5. Исследовательские работы, доклады, аналитические (пояснительные) записки, статистические и информационные материалы КФАН	10 (7,3%)
6. Справки о ходе выполнения решений органов власти и управления, приказы по деятельности КБАН (КФАН)	4 (2,9%)
7. Переписка, договоры КФАН с юридическими лицами	2 (1,4%)
8. Справочные материалы по КФАН	1 (0,7%)

Большая часть из них (2) представлена в виде планов и отчетов, связанных с научно-исследовательской и научно-организационной деятельностью КБАН (КФАН) в целом. Своеобразным дополнением к ним могут служить документы (3–8), отражающие работу отдельных структурных подразделений академического учреждения (Ученого совета, Президиума, институтов, отделов, лабораторий и т.д.). Наконец, особое место в составе рассматриваемых материалов занимают документы (1), касающиеся конкретной, не потерявшей до сих пор своей актуальности, проблематики «Природно-ресурсный потенциал Мурманской области». Рассмотрим согласно предложенной нами классификации некоторые из 138 единиц хранения, переданных в НА КНЦ РАН.

Среди рассекреченных документов особый интерес представляют стенограммы совещаний, заседаний, конференций по проблематике «Природно-ресурсный потенциал Мурманской области» (ниобий, медно-сульфидные месторождения и т.д.). В большинстве из них ставится вопрос о перспективах разработки выявленных месторождений в Мурманской области. Так, например, в стенографическом отчете «Межведомственного совещания по перспективам применения Кейвских кианитов...», датированном 1952 г., отмечено, что данный минерал рассматривается как перспективное сырье для алюминиевой промышленности. [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 218. Л. 245]. Однако не всегда хватало средств на обеспечение разработки месторождений, о чем свидетельствует выступление экономиста КФАН Б.И. Когана (рис. 1).

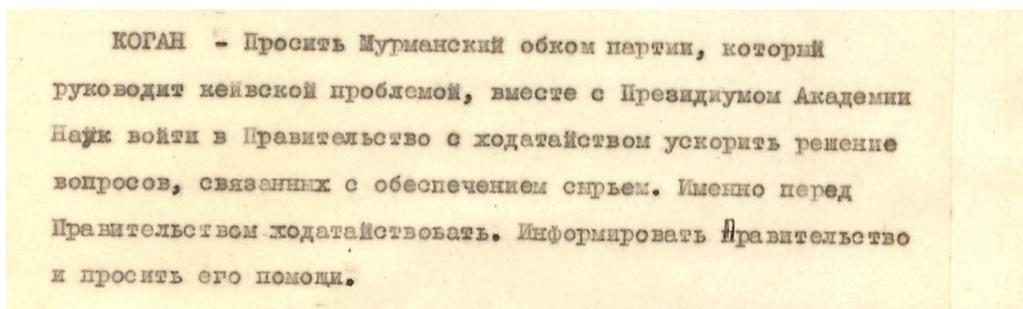

Рис. 1. Фрагмент выступления Б. И. Когана

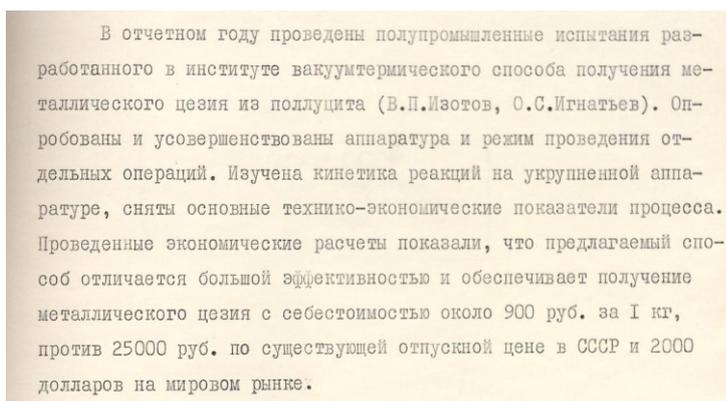
Среди документов, в которых представлены протоколы и стенограммы сессий Ученого совета, заседаний Президиума КБАН (КФАН), Бюро Совета филиалов АН СССР, явно преобладают материалы, содержащие стенограммы заседаний Ученого Совета именно Геологического института Кольского филиала АН СССР. Отмечается, что в этих материалах были сформулированы конкретные задачи геологических исследований [Макарова, Петров, Токарев, 2017: 9].

Особый интерес представляют протокол закрытой расширенной сессии Ученого Совета при Президиуме Кольского филиала им. С. М. Кирова АН СССР, в котором много внимания уделено роли С. М. Кирова в развитии производительных сил Мурманской области, а также доклад об итогах работы Кольского филиала за 20 лет. Примечательно, что на этой сессии присутствовали не только члены Ученого совета КФАН, но также представители

Мурманских областных организаций (Первый секретарь Мурманского Обкома ВКП(б) — Прокофьев В. А., Зам. Председателя Мурманского Облисполкома Жуков А. В. и т.д.), представители учреждений АН СССР (проф. АН Узбекской ССР., проф. БИН АН СССР, ИГН АН СССР и т.д.), а также академики, члены-корреспонденты и доктора — представители научных учреждений других ведомств [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 193в. Л. 1-6]. На наш взгляд, именно широта состава участников данной юбилейной сессии придает этому документу особый колорит и ценность.

Рассматривая состав архивных единиц, включающих в себя перечень научно-исследовательских работ сотрудников (отделов, лабораторий, институтов) КФАН, аннотации, отзывы, рецензии и заключения по ним, выделим документ, в котором содержится перечень НИР за 1952 год. Его содержание наглядно демонстрирует широкий спектр научно-исследовательских тем, выполняемый в интересах не только треста «Апатит», но и Кольского региона в целом [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 209ж. Л. 1-3].

В процентном отношении более половины рассекреченных материалов представлены в виде планов работ и отчетов (сведений) о деятельности КБАН (КФАН). В свою очередь названные архивные единицы имеют свою градацию: планы подразделялись на тематические, проблемные, проблемно-тематические и пр., отчеты составлялись, прежде всего, по выполнению научно-исследовательских и научно-организационных работ. Заметим, что среди названных документов преобладают ежегодные отчеты и планы НИР, в которых первостепенное внимание уделялось внедрению научных разработок в производство. Просматривается также тенденция дробления отчетов на множество тематических разделов, содержащих немало любопытных данных. Так, например, в отчете «О научно-исследовательской деятельности Института химии и технологии редких элементов и минерального сырья по закрытой тематике за 1959 год» было отмечено, как работники КФАН с помощью усовершенствования способа получения металлического цезия из поллуцита смогли снизить себестоимость его получения более чем в 25 раз (рис. 2) [НА КНЦ РАН. Ф.3. Оп. 2. Д. 14а. Л. 4].

В отчетном году проведены полупромышленные испытания разработанного в институте вакуумтермического способа получения металлического цезия из поллуцита (В.П.Изотов, О.С.Игнатъев). Опробованы и усовершенствованы аппаратура и режим проведения отдельных операций. Изучена кинетика реакций на укрупненной аппаратуре, сняты основные технико-экономические показатели процесса. Проведенные экономические расчеты показали, что предлагаемый способ отличается большой эффективностью и обеспечивает получение металлического цезия с себестоимостью около 900 руб. за I кг, против 25000 руб. по существующей отпускной цене в СССР и 2000 долларов на мировом рынке.

Рис. 2. Фрагмент отчета «О научно-исследовательской деятельности Института химии и технологии редких элементов и минерального сырья по закрытой тематике. 1959 г.»

В документальных материалах под рубрикой «Исследовательские работы, доклады, аналитические (пояснительные) записки, статистические и информационные материалы КФАН» содержится информация по закрытой тематике о задачах в области изучения и освоения полезных ископаемых, а также сведения о научной работе отдела геологии и минералогии, замечания по проведению геологических работ научными сотрудниками. Особый интерес представляет дело, в котором содержатся замечания по геологическим работам Кольского филиала им. С. М. Кирова АН СССР (рис. 3). Резкая критика со стороны геолога Л. А. Потемкина по поводу неэффективности геологических изысканий КФАН в Печенгском районе, позволяет глубже понять реалии того времени [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 328а. Л. 12].

Крайнее удивление вызывает, как мог Кольский филиал Академии наук представить такую не имеющую сколь-либо существенных практических результатов геологическую работу по Печенгскому району на соискание премии имени С.М.Кирова за развитие производительных сил Севера.

Промышленность не получила необходимых результатов от многолетних работ Кольского филиала Академии наук по медно-никелевой проблеме в Печенгском и Мончегорском районах, несмотря на огромные затраты средств государства на содержание соответствующего персонала.

Цветная металлургия нуждается в серьезном отношении научных сил к ее запросам.

Неоднократные обращения к Кольскому филиалу и просьбы сконцентрировать внимание на кординальное изучение геологии и структуры Монче-тундры с целью оценки перспектив рудоносности района комбината Североникель необеспеченного сырьевой базой и выработки критериев для направления дальнейших поисков богатых руд, до сих пор не привели к положительному решению.

Рис. 3. Замечания инженера геолога Л. А. Потемкина

Определенный интерес представляет документ, связанный с перепиской ученого КФАН Я. Г. Горощенко с начальником Техуправления Министерства цветной металлургии А. Буниным по поводу заявки на изобретение: «Разделение титана и земельные кислоты по титано-аммонийному способу». В итоге после бюрократического согласования предмета изобретения было принято решение Министерства выдать ученому авторское свидетельство на способ разделения титана и земельные кислоты (рис. 4) [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 318 а. Л. 9].

На основании изложенного Техническое управление Министерства цветной металлургии СССР, в отмену решения № 929/1008 от 28/У-53 г., решило выдать авторское свидетельство гр-ну Горощенко Я.Г. на способ разделения титана и земельных кислот, изложив предмет изобретения в следующей редакции:

Способ разделения титана и земельных кислот, например, ниобия отличающийся тем, что с целью перевода ниобия в раствор, а титана в осадок исходные материалы, содержащие титан и ниобий сплавляются с серной кислотой и сульфатом аммония при температуре 200-350°C, а полученный сплав обрабатывается ледяной водой.

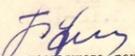
Начальник Техуправления А. Бунин

Рис. 4. Из переписки Я. Г. Горощенко с начальником Техуправления Министерства цветной металлургии СССР А. Буниным

Значение рассекреченных документов сложно переоценить. Введение их в научный оборот позволит нам более объективно подойти к оценке работ, написанных по данной тематике. Все эти материалы не только дают новые знания о феномене советской науки, но и углубляют наше представление о сложных процессах и явлениях, протекавших в научной среде того времени.

Список сокращений

ВКЗ — Всесоюзная комиссия по запасам полезных ископаемых
НИР — Научно – исследовательская работа
БИН АН СССР — Ботанический институт имени В. Л. Комарова РАН
ИГН АН СССР — Геологический институт РАН
НА КНЦ — Научный архив Кольского научного центра
РАН — Российская академия наук

Источники

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Президиум Ордена Ленина Кольского научного центра Российской академии наук.

Список литературы

Артизов А. Н. Доклад руководителя Федерального архивного агентства расширенном заседании коллегии Росархива 3 марта 2016 г. // Официальный портал archives.ru URL: <http://archives.ru/reporting/report-artizov-2016-kollegia.shtml> (дата обращения: 7.02.2017).

Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. История послевоенного развития академической науки по материалам сессий Ученого совета Кольской научно-исследовательской базы АН (1948-1949) // Труды Кольского научного центра. Гуманитарные исследования. 2017. Вып. 11. С. 18–35.

Покровский Н. Н. Источниковедческие проблемы истории России XX века // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 94–105.

Сорока М. Б. Национальная система реферирования украинской научной литературы. Киев: ББК, 2002. 209 с.

Сведения об авторе

Мулин Кирилл Валерьевич,
Аспирант Кольского научного центра РАН

Mulin Kirill Valeryevich,
Post-graduate of Kola Science Center RAS

УДК 903.27

В. А. Лихачёв

ПЕТРОГЛИФЫ КАНОЗЕРА: НОВЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И НОВЫЕ НАХОДКИ

Аннотация

В статье дается описание неконтактных методик документирования петроглифов, которые были использованы в полевых работах на Канозере в 2017 г. Данная методика позволяет делать точные копии известных петроглифов, уточнять детали выбивок и выявлять новые, а также точнее фиксировать микрорельеф скал с наскальными изображениями. Приведены примеры выявленных новых наскальных рисунков на скалах Канозера и уточнения деталей изображений на примере известных композиций.

Ключевые слова:

Канозеро, 3D-документация, SfM, документирование петроглифов, новые находки, наскальное искусство, фотограмметрия, объекты культурного наследия.

V. A. Likhachev

ROCK CARVINGS OF KANOZERO: NEW METHODS OF DOCUMENTATION AND THE NEW FINDINGS

Abstract

The article describes the non-contact methods for documenting rock carvings that were used in field works on the Kanozero in 2017. The new methods help to refine known petroglyphs and make possible to identify new ones. It also helps to fix more precisely the micro-landscape of the rocks with carvings. In the article are given examples of some cases of revealing of new rock carvings and refinement of some details on known petroglyphs plots.

Keywords:

Kanozero, rock carvings, 3D-documentation, SfM, documentation of petroglyphs, new finds, rock art, photogrammetry, objects of cultural heritage.

В 2017 году сотрудники и волонтеры музея наскального искусства «Петроглифы Канозера» предприняли ряд работ по документации наскальных рисунков на островах Канозера. В рамках этой работы также обследовались окрестности, были выявлены интересные природные и исторические объекты, проложены новые туристические маршруты.

Первые петроглифы на островах Канозера были открыты 5 июля 1997 г., ровно 20 лет назад [Лихачев, 2007; Лихачев, 2010; Лихачев, 2011]. По состоянию на 2011 год выявлено более 1200 выбивок в 18 группах на трёх островах и одном «материковом» скальном выходе [Колпаков, Шумкин, 2012: 16]. На основании материалов документации петроглифов, собранных в 2017 году, сотрудниками музея прогнозируется дальнейшее увеличение общего количества выявленных выбивок.

Во всем мире музеи, сохраняющие наскальное искусство, ведут постоянную работу по фиксации и уточнению петроглифов новейшими методами. Среди методов все большую популярность приобретает технология 3D-фотограмметрия или, как ее еще называют, SfM (Structure from Motion) [Meijer, 2015; Rabitz, 2013]. Эта методика также была использована в наших работах. Принцип данной технологии сопоставим с известной в геодезии

фотограмметрией: из нескольких снимков, сделанных под различными углами, собирается облако точек, которые формируют объемное изображение. Данный метод позволяет создать 3D-модель исследуемого объекта (рис. 1–2). Данная методика в разы дешевле лазерного сканирования (OLS – Optical laser Scanning) и при тщательной подготовке позволяет добиваться сопоставимых результатов.

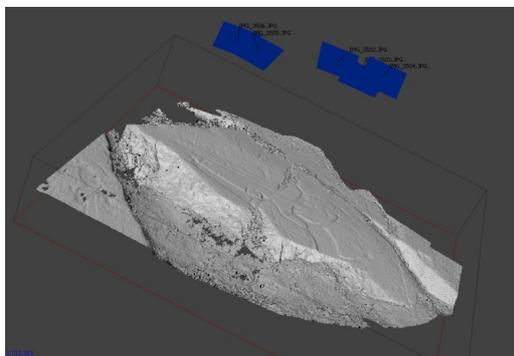

Рис. 1. 3D модель фрагмента скалы (вид с боку). Синими прямоугольниками обозначены точки фотосъемки скалы

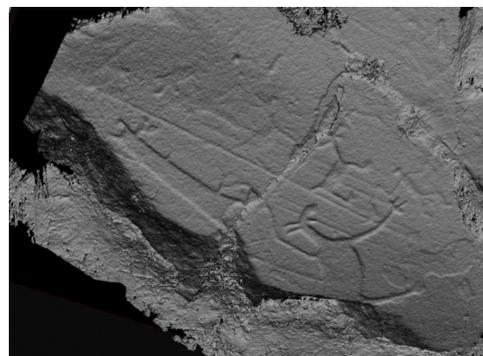

Рис. 2. Сцена охоты на лося с лодки. 3D-модель скалы. Вид сверху

Также совершенствуются методы съемки объектов с подсветкой под различными углами, которые позволяют выявлять новые изображения. В наших исследованиях мы использовали ночную съемку с мощным источником света, делали серии снимков (до 100 на один объект) с разных сторон и под различными углами к поверхности с выбивкой. Собранный коллекция снимков позволяет детально изучать элементы микрорельефа. Существуют также программы, позволяющие обрабатывать такие снимки и моделировать из них электронные объемные копии типа 3D, например, технология RTI — Reflectance [Transformation Imaging, ЭР].

Документация вышеуказанными методами позволяет собрать точные данные об изображениях для их изучения и воспроизведения в музеях и публикациях, а с другой стороны, помогает осуществлять мониторинг состояния памятника, который, как правило, страдает вследствие процессов механического выветривания поверхности скал и зарастания её лишайниками.

За летний сезон 2017 года сотрудниками музея была произведена первичная съемка всех доступных групп: 8 на острове Каменный, 6 на острове Еловый, 4 на острове Горелый и одной на скале Одинокая. Всего было сделано около 15 000 фотоснимков. Для съемки одного участка около 1,5 м² требуется порядка 10–25 фотографий для 3D-фотограмметрии и 50–100 снимков при ночной круговой съемке. К сожалению, из-за обводненности не удалось отснять по методу 3D-фотограмметрии группу Еловый 4, и лишь частично работы велись на группе Еловый 3. Также не на всех группах удалось качественно провести ночную съемку. В дальнейшем способы съемки будут совершенствоваться, как за счет повышения качества оборудования, так и дополнительных приспособлений, что позволит осуществить съемку остальных объектов. Остается актуальной съемка

самых островов со скалами для выведения масштабных объемных моделей островов — для съемки сверху необходим квадрокоптер.

На основании сделанных фотографий в данный момент ведутся работы по созданию 3D моделей участков скал с петроглифами. Также начато формирование базы данных по ночной фотосъемке. Обе базы, 3D моделей и ночных фотографий, позволяют уточнять известные и выявлять новые изображения.

Тщательнее всего была проведена работа на группе Каменный 7, чему способствовало наличие защитного купола. Купол позволяет работать независимо от условий погоды (дождь, ветер и т.п.). Вся группа была разбита на участки 1,5–2 м², которые были отсняты как методом 3D-фотограмметрии, так и ночной съемкой (рис. 3–4).

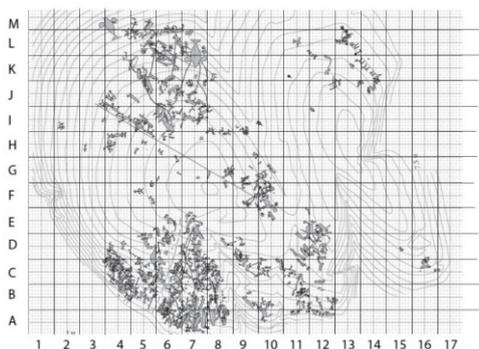

Рис. 3. Каменный 7. Площадь скалы разбита на квадраты около 1 м, по каждому из которых создается электронная база данных. Для создания сетки использована прорисовка скалы из [Колпаков, Шумкин, 2012]

Рис. 4. 3D-модель скалы Каменный 7 под защитным куполом (общий вид) реконструированная с помощью технологии 3D-фотограмметрии

Микрорельеф скалы может впоследствии изучаться с помощью специального программного обеспечения. Планируется на основании 3D моделей создавать прорисовки петроглифов с фоновым показом всех особенностей микрорельефа скалы (трещины, выбоины, ледниковая штриховка, неясные изображения). На основании этих прорисовок сотрудниками музея «Петроглифы Канозера» будут готовиться новые публикации по петроглифам Канозера и формироваться общая база данных по данным наскальным рисункам, которая будет также включать другие электронные материалы: 3D-копии, фотографии и видео.

Далее приведем пример выявления новых изображений с помощью вышеуказанных методов.

Рассмотрим участок группы «Каменный 7» (рис.3–8) — изображение охоты с лодки на лося, плывущего в воде. Это изображение по-своему уникально. Лишь на петроглифах Канозера мы видим охоту с лодки на сухопутных животных, например, лося или медведя, аналогичную с морскими сценами охоты. Сходные композиционные решения и тип изображенной лодки ранее отмечались в основном в сценах охоты на китообразных, китов и белух. Такие композиции широко распространены не только на Канозере (порядка 45 изображений) [Колпаков,

Шумкин 2012: 319–321], они широко предсталены на Беломорских петроглифах в устье реки Выг (более 60-ти изображений) [Лобанова, 2009: 65].

Рис. 5. Охота на лося с лодки.
Вечерняя съемка. Из архива музея
МАУК МНИ «Петроглифы Канозера»

Рис. 6. Охота на лося с лодки. Фото
с отсыпкой изображений порошком
измельченного дерна. Фото
Г. Александрова. Из архива КЦОДП

Изображение лося, входящее в группу «Каменный 7», было случайно обнаружено на туристической тропе еще в июне 1999 года во время экспедиции музея Ловозерского Гока (п. Ревда), организатором и участником которой являлся автор данной статьи. Впоследствии дерн был поднят со всей скалы, и сейчас это крупнейшее скопление петроглифов на Канозере. Данная скала с петроглифами сохраняется под защитным куполом, поскольку после снятия дерна ее поверхность оказалось уязвимой. «Охота на лося с лодки» — одна из наиболее растиражированных композиций. Исследователями Кольской археологической экспедиции при раскопках рядом со скалой на которой расположена группа Каменный 7 был найден один из недостающих фрагментов скалы [Шумкин, 2009: 45–46], который сейчас хранится в выставочном зале музея «Петроглифы Канозера» в поселке Умба. На нем сохранились изображения задней части лося и еще одной человекообразной фигурки (рис. 7–8).

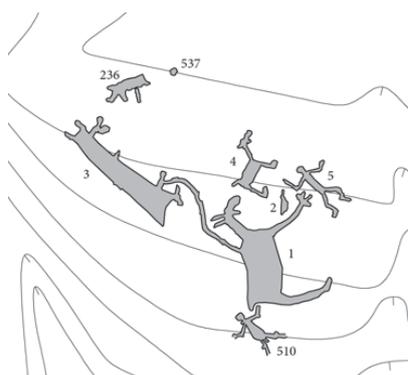

Рис. 7. Прорисовка сцены
«Охота на лося с лодки».
[Жолпаков, Шумкин, 2012: 171]

Рис. 8. Реконструкция изображения
с отколовшимся фрагментом. Фото
с затемнением. Из архива МАУК МНИ
«Петроглифы Канозера» и Кольской
археологической экспедиции ИИМК РАН

Тем не менее, внимательное изучение поверхности скалы позволило выявить в данной группе еще не известные ранее изображения. Среди них небольшое зооморфное (похожее на животное) изображение над известной фигурой такого же размера. Эти фигуры разной глубины, но очень похожи и, возможно, изображают животное одного вида. Что это конкретно за животное — лосенок или собака — здесь мнения исследователей расходятся. Другое изображение — антропоморфное: маленькая фигурка человека находится с краю группы под изображением линия, соединяющего лодку и лося. Следы других плохо сохранившихся изображений также выявлены в данной группе и на данный момент обрабатываются (рис. 9).

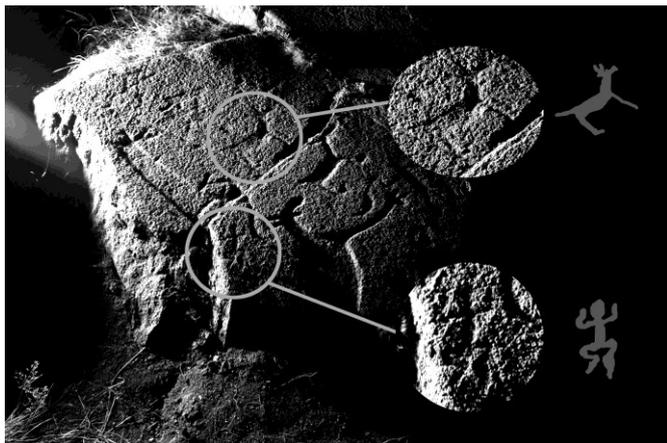

Рис. 9. Пример выявления некоторых новых изображений: зооморф и антропоморф. Ночная фотосъемка. Фото В. Лихачёва

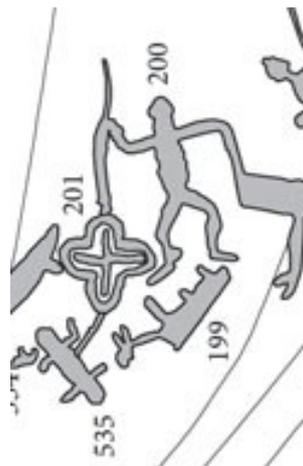

Рис. 10. Фрагмент композиции «Человек с гусем и крестом» согласно каталогу [Колпаков, Шумкин, 2012: 171]. На прорисовке не отображена поднятая вторая рука антропоморфа

Уточнение уже известных изображений порой существенно влияет на их интерпретацию. Объемные модели и круговая ночная фотосъемка позволяют уточнить характер наложения петроглифов друг на друга и последовательность нанесения фигур.

К примеру, известная композиция «Человек, держащий гуся и крест» получает совсем иное прочтение при уточнении существенных деталей. Ранее считалось, что рука человека опущена и сливается с головой гуся (рис. 10). На фотографии, сделанной под другим углом освещения, становится видно, что рука в антропоморфном изображении была поднята (рис. 12–14). Подобная информация существенно важна для того, чтобы прояснить, как использовалось изображение и какую семантическую нагрузку оно несет.

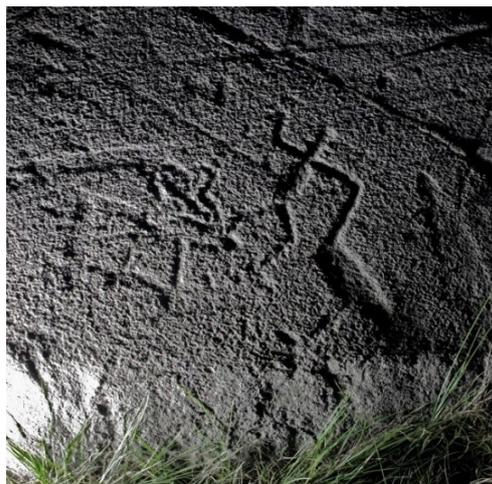

Рис. 11–12. Человек с крестом и гусем. Ночная съемка под разными углами освещения. Фото В. Лихачёва

Рис. 13. 3D-модель композиции «Человек с гусем и крестом»

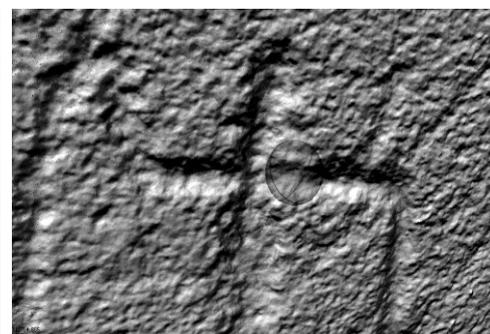

Рис. 14. Увеличенный фрагмент композиции «Человек с гусем и крестом», где видна вторая рука и глубина выбивок

В заключении хотелось бы подчеркнуть необходимость создания объемных моделей древних артефактов. В современном мире это насущно необходимо для музеефикации различных объектов, представляющих культурную ценность. Созданные 3D-модели в нужном масштабе можно распечатать на 3D принтере (либо вырезать на специальном фрезерном станке с ЧПУ) и использовать в экспозиции. На основе объемных моделей возможно создание интерактивных экспозиций, привнесение в музей элементов «отдельной реальности» и как итог — создание виртуального музея в Интернете, например, виртуальной экспозиции петроглифов Канозера. Как представляется, это дело будущего. Компьютерная обработка материалов с одного участка скалы порой занимает несколько часов — а таких участков сотни. Это большая работа, но начало ей положено.

Отдельно стоит упомянуть о необходимости защиты культурных объектов. Так, создание купола над «Каменный 7» позволяет не только сохранить рисунки от внешних воздействий, но и проводить работу по фиксации и документации петроглифов на высокотехнологичном уровне.

Ученые и общественность неоднократно обращались в органы власти по поводу необходимости подготовки документов для включения петроглифов Канозера в готовящуюся серийную номинацию в список всемирного наследия ЮНЕСКО «Петроглифы Онежского озера и Белого моря». Надеюсь, эти обращения будут услышаны и работа над соответствующими документами начнется.

Выражаю благодарность волонтерам и сотрудникам музея МАУК МНИ «Петроглифов Канозера», помогавшим в сборе материала по документации петроглифов Канозера. Отдельная благодарность директору музея Владимиру Михайловичу Перевалову, поддержавшему проведение данных работ и последующую обработку собранных материалов. В данной публикации были использованы фотографии из архива МАУК МНИ «Петроглифы Канозера» (в том числе предоставленные музеем Кольской археологической экспедицией ИИМК РАН), Кольского центра охраны дикой природы и личного архива автора.

Список сокращений

ИИМК — Институт истории материальной культуры
КЦОДП — Кольский центр охраны дикой природы
МАУК МНИ — Муниципальное автономное учреждение Музей
наскального искусства
ЧПУ — числовое программное управление
ЮНЕСКО — (от англ. UNESCO — United Nations Educational, Scientific
and Cultural Organization)
OLS — Optical laser Scanning
RTI — Reflectance Transformation Imaging
SfM — Structure from motion

Интернет-источники

Reflectance Transformation Imaging URL:
<http://culturalheritageimaging.org/Technologies/RTI/>

Список литературы

Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с., ил.

Лихачёв В. А. Петроглифы озера Канозеро: история открытия // Кольский сборник. СПб., 2007. С.146-154.

Лихачев В. А. Канозеро: портрет в пространстве и времени // Труды Кольского научного центра РАН. № 2 / 2010. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Апатиты, 2010. С. 169–180.

Лихачёв В. А. Рисунки Канозера. Открытие, изучение, сохранение. Апатиты, 2011. Кольский центр охраны дикой природы. 126 с. ил.

Лобанова Н. В. Адаптационные процессы в культуре населения Карелии эпохи неолита // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – средневековья. КарНЦ РАН ИЯЛИ. Гуманитарные исследования. Выпуск 4. Петрозаводск, 2009. С. 44–68.

Шумкин В. Я. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о работах на наскальном комплексе «Петроглифы Канозера» в Мурманской области в 2008 г. Санкт-Петербург. 2009. Институт истории материальной культуры российской академии наук. 21 с.

Meijer E. Structure from Motion as documentation technique for Rock. Adoranten, 2015. P.66-73.

Rabitz M. Photogrammetric scanning of rock carvings. Adoranten, 2013. P. 110–115.

Сведения об авторе:

Лихачев Вадим Алексеевич

Аспирант факультета дизайна и искусств университета Лапландии (Рованиеми, Финляндия). Главный хранитель МАУК МНИ «Петроглифы Канозера», пос. Умба

Likhachev Vadim Alekseevich

Post-graduate student of the Faculty of Design and Arts of the University of Lapland (Rovaniemi, Finland). The main museum curator of the MAUK MNI "Petroglyphs of the Kanozero", Umba town

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

А. С. Давыдова

**РУССКИЙ СЕВЕР: УТОПИИ И МОБИЛЬНОСТИ.
О ЧЕТВЕРТЫХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ ПАМЯТИ К.В. ЧИСТОВА**

A. S. Davydova

**RUSSIAN NORTH: UTOPIA AND MOBILITY.
ON THE FOURTH SCIENTIFIC READINGS OF THE MEMORY OF K.V. CHISTOV**

В конце октября — начале ноября в Санкт-Петербурге состоялись четвертые научные чтения, посвященные памяти выдающегося российского ученого-фольклориста и этнографа Кирилла Васильевича Чистова. На конференции предлагалось обсудить сюжеты, связанные с центральной для творчества К. В. Чистова темой социально-утопических легенд и Русского Севера. Народный утопизм он рассматривал в сопряжении с эсхатологическими идеями русского народа и движениями эскапизма, в тесной связи с историей элитарно-философского и политического утопизма. Более подробно с исследованиями, посвященными данной тематике можно ознакомиться в монографиях К. В. Чистова [Чистов, 1967; Чистов, 2011]. Чистовские чтения 2017 года были посвящены фольклорно-этнографическим аспектам изучения Русского Севера, занимавшим важное место в работах К. В. Чистова, его учеников, последователей и коллег. Понятие «Русский Север» использовалось в рамках конференции в широком историко-культурном значении и касалось территории Европейского Севера и Северо-Запада России. На три дня Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамера) (30 октября) и Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН (31 октября и 1 ноября) стали площадкой для тех, кто занимается исследованиями, связанными с Русским Севером. Проблематика обсуждений на конференции включала следующие темы: освоение Русского Севера: практики мобильности и дискурсы описания; утопические легенды и народные движения; Русский Север: этнографическая утопия и «русский Восток»; музеи и музеефикация Русского Севера; Русский Север как место памяти и утопии; Север и память: идентичности и биографии; северный город: утопические представления.

Организацией Чистовских чтений занимались Е. А. Мельникова, Т. Б. Щепанская, Н. Е. Мазалова, Л. С. Лаврентьева, А. К. Байбурин, Ю. К. Чистов. От Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН на конференции присутствовали и выступили с докладами Давыдова Алена Сергеевна и Разумова Ирина Алексеевна.

В данной статье перечислять содержание всех прослушанных выступлений, уровень которых, в подавляющем большинстве, был очень высоким, представляется излишним. Ознакомиться с тезисами докладов, опубликованных в сборнике «Русский Север: утопии и мобильности» можно на сайте Кунсткамеры [Русский Север, ЭР]. Остановлюсь лишь на наиболее запомнившихся мне сообщениях, а также вызвавших яркую дискуссию.

Открылась конференция 30 октября в здании Кунсткамеры. Трогательным моментом стало выступление Юрия Кирилловича Чистова (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург), который поделился с собравшимися воспоминаниями о своем отце - Кирилле Васильевиче.

Первой с докладом выступила Кузнецова Валентина Павловна (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск). Свое сообщение она посвятила рассказу о материалах, собранных К. В. Чистовым, ранее не являвшихся предметом специального рассмотрения. Данные архивные материалы представляют собой записи от руки и отражают не только состояние традиционного фольклора, но и коллекции современного Чистову фольклора, вбирают в себя военное и послевоенное время. Более подробно см. тезисы доклада Кузнецовой В. П. [Кузнецова, 2017: 4].

Причиной оживленной дискуссии стало выступление Граматчиковой Натальи Борисовны (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург) «Северный Урал: маршруты поиска, испытания и бегства» на секции «Освоение Русского Севера: практики мобильности». Наталья Борисовна рассказала о проблемах спасения поголовья пушных зверей на Северном Урале и в Приобье. Доклад базировался на материалах произведений К. Носилова и очерках писателя П. П. Инфатьева. Ведущая роль была отведена повествованию о западно-сибирском речном бобре, что вызвало живой отклик среди собравшихся. Также из доклада удалось узнать, что путевые заметки Инфатьева позволили составить представление о важнейших этнокультурных стереотипах восприятия северных территорий и их народов. Описание повседневной жизни манси выразилось у Инфатьева в оценке степени цивилизованности отдельных представителей этноса по степени восприимчивости к привычным для русских практикам [Граматчикова, 2017: 22–24]. Выводы Натальи Борисовны во многом перекликаются с результатами исследований Ольги Александровны Бодровой, рассматривающей процесс формирования образа кольских саамов в русской этнографической литературе второй половины XIX – начала XX вв. [Бодрова, 2014], главным образом тем, что путешественники, посетившие, в указанный период, Кольский полуостров также оценивали степень развития коренного населения путем соотнесения ее с русской культурой.

Второй день конференции был не менее плодотворным. Заседания проходили в Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН в большом и малом залах. В секции «Экономические утопии Русского Севера» был интересный доклад Щепанской Татьяны Борисовны (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург) «Практики совместного потребления: утопия «новой экономики» и городские традиции» [Щепанская, 2017: 31–34]. Сообщение было посвящено антропологическим аспектам практик совместного потребления, распространяемые в рамках дискурса социальной и экологической ответственности. А также тому, каким образом данные практики определяют и изменяют городскую повседневность. Доклад Разумовой Ирины Алексеевны (Центр гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН, Апатиты) «Освоение Севера: взгляд спецпереселенцев» на секции «Советские проекты освоения Русского Севера» вызвал неподдельный интерес среди

собранных. Ирина Алексеевна рассказала об особом месте воспоминаний спецпереселенцев города Хибинского в опубликованных мемуарных и семейно-биографических повествованиях [Разумова, 2017: 56–59].

Третий день конференции запомнился выступлениями на последней секции «Визуальные языки описания Русского Севера» Д. А. Баранова и С. А. Штыркова. Баранов Дмитрий Александрович (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург) рассказал об образе Русского Севера в творчестве художника Ивана Билибина, известного, прежде всего, как книжного иллюстратора русских сказок и былин. Дмитрий Александрович акцентировал в своем выступлении внимание на том, что многие образы из иллюстраций Билибина «превратились в визуальные символы русской народной культуры, «аутентичной русскости», а само творчество художника до сих пор в основном интерпретируется в этнических категориях» [Баранов, 2017: 94]. Проведенное Дмитрием Александровичем исследование показывает вклад художника Билибина в формирование образа Русского Севера и его трудно переоценить, потому что его иллюстрации — это место, «где сказочное время проступает то в северной избе, то в праздничном сарафане, то в песнях и сказках» [Баранов, 2017: 96] и самое примечательное в этом то, что созданный Билибиным образ сохраняет свои сильные позиции в общественном сознании и в настоящее время.

Штырков Сергей Анатольевич (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Европейский университет, Санкт-Петербург) посвятил свое выступление практикам дискурсивного и визуального выражения особой связи между человеком как представителем нации и определенным культурно канонизированным ландшафтом. Сообщение Сергея Анатольевича называлось ««Этот северный снег! Этот северный лес!»: пейзажный патриотизм позднесоветской лирики». На материалах сборников гражданской лирики самодельных поэтов конца 1960-х – начала 1970-х рассказывалось о ландшафтном национализме. Сергей Анатольевич поведал о том, что образы национального пейзажа и отдельных его элементов создаются (или изобретаются) представителями интеллектуальных и художественных элит. На примере использования образа березы были показаны механизмы и приемы формирования пейзажного патриотизма в позднесоветской лирике [Штырков, 2017: 99].

Завершилась конференция подведением итогов. Под руководством Мельниковой Екатерины Александровны (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург) состоялась заключительная дискуссия, были высказаны пожелания и напутствия «молодым ученым» от старшего поколения. Присутствующие солидаризировались в необходимости продолжения исследований, посвященных изучению Русского Севера, сохраняя уровень, заданный трудами Кирилла Васильевича Чистова.

Список литературы

Баранов Д. А. Образ Русского Севера в творчестве И.Я. Билибина // Русский Север: утопии и мобильности. Тезисы докладов IV научных чтений памяти К.В. Чистова. СПб., 2017. 104 с. URL: http://www.kunstkamera.ru/science/konferencii_i_seminary/2017/kvchistov/

Бодрова О. А. В поисках отражения: саамы Кольского Север в русской этнографической литературе второй половины XIX – начала XX вв. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2014. 170 с.

Грамотчикова Н. Б. Северный Урал: маршруты поиска, испытания и бегства // Русский Север: утопии и мобильности. Тезисы докладов IV научных чтений памяти К. В. Чистова. СПб., 2017. 104 с. URL: http://www.kunstkamera.ru/science/konferencii_i_seminary/2017/kvchistov/

Кузнецова В. П. Материалы К. В. Чистова в фольклорном собрании института ИЯЛИ КАРНЦ РАН Русский Север: утопии и мобильности // Русский Север: утопии и мобильности. Тезисы докладов IV научных чтений памяти К. В. Чистова. СПб., 2017. 104 с. URL: http://www.kunstkamera.ru/science/konferencii_i_seminary/2017/kvchistov/

Разумова И. А. Освоение севера: взгляд спецпереселенцев // Русский Север: утопии и мобильности. Тезисы докладов IV научных чтений памяти К. В. Чистова. СПб., 2017. 104 с. URL: http://www.kunstkamera.ru/science/konferencii_i_seminary/2017/kvchistov/

Русский Север: утопии и мобильности // Тезисы докладов IV научных чтений памяти К. В. Чистова. СПб., 2017. 104 с. URL: http://www.kunstkamera.ru/science/konferencii_i_seminary/2017/kvchistov/

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 341 с.

Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. 528 с.

Щепанская Т. Б. Практики совместного потребления: утопия «новой экономики» и городские традиции // Русский Север: утопии и мобильности. Тезисы докладов IV научных чтений памяти К. В. Чистова. СПб., 2017. 104 с. URL: http://www.kunstkamera.ru/science/konferencii_i_seminary/2017/kvchistov/

Штырков С. А. «Этот северный снег! Этот северный лес!»: пейзажный патриотизм поздне-советской лирики // Русский Север: утопии и мобильности. Тезисы докладов IV научных чтений памяти К. В. Чистова. СПб., 2017. 104 с. URL: http://www.kunstkamera.ru/science/konferencii_i_seminary/2017/kvchistov/

Сведения об авторе

Давыдова Алёна Сергеевна

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Davydova Alyona Sergeyvna

PhD (History), Research Fellow of the Barents

Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS

И. А. Разумова

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ШКОЛА
ПО ИЗУЧЕНИЮ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ**

I. A. Razumova

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC YOUTH SCHOOL FOR THE STUDY
OF POPULAR CULTURE**

Ситуация в современной российской науке, казалось бы, совсем не благоприятствует тому, чтобы научная молодежь была мотивирована к исследовательской работе в областях гуманитарного знания. Тем более если речь идет о «преданьях старины глубокой», с чем в обыденном сознании по-прежнему ассоциируется понятие «фольклор» и, надо сказать, не совсем беспочвенно. Фольклор — это и прошлое, и настоящее языка и культуры. Научный интерес к фольклору объединяет специалистов в области традиционной словесности с этнографами и историками, социологами и антропологами, лингвистами и литературоведами. Это позволило пригласить к диалогу и собрать в рамках школы по фольклористике в Архангельске молодых ученых, магистрантов, студентов, которые специализируются в смежных, но все-таки различных гуманитарных науках.

Всероссийская молодежная научная школа «Народные культуры Европейского Севера: новые методы исследования» прошла с 7 по 9 ноября 2017 г. в САФУ им. М. В. Ломоносова на базе его структурного подразделения Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации. Организатором был Центр изучения традиционной культуры Европейского Севера, которым уже много лет руководит доктор филологических наук Наталья Васильевна Дранникова, и с которым у Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН установились отношения сотрудничества (рис. 1).

Рис. 1. Ведут заседание Н. В. Дранникова и И. А. Разумова

Молодежные научные школы по фольклористике Центр изучения традиционной культуры Европейского Севера (ЦИТКЕС) проводит давно, эта седьмая. Масштаб мероприятий, численность приглашенных лекторов и слушателей зависят от финансовой поддержки со стороны администраций и соучаствующих организаций. В 2017 году школа проводилась при поддержке министерства образования и науки Архангельской области в рамках конкурса научных проектов «Молодые ученые Поморья». На этот раз по составу участников школа была достаточно скромной. Однако можно сказать, что в целом архангельские областные и городские власти оказывают более существенную поддержку изучению русской народной культуры, чем это делается во многих других регионах России. По-видимому, одно из объяснений состоит в том, что Архангельская область позиционирует себя как «заповедник» традиций Русского Севера. Более того, севернорусская культура даже исследователями иногда презентуется исключительно в границах «Архангельского севера». На то имеются свои основания. Репутации региона значительно поспособствовала неустанная плодотворная собирательская и публикаторская деятельность фольклористов и этнографов. Об этом свидетельствуют и слова научного руководителя школы Н. В. Дранниковой в интервью журналисту: «Я считаю, что школа очень важна для сохранения традиционной культуры нашего региона. Она призвана повышать профессиональный уровень фольклористов и антропологов. Главная наша задача – показать высокую значимость фольклорной традиции Архангельской области, обратить на нее внимание наших земляков и специалистов из других регионов» [Сохранение традиционной культуры, ЭР]. Отметим, что при всей «камерности» мероприятия оно на протяжении всех дней работы хорошо освещалось в СМИ, прежде всего, представителями медиа-центра университета.

Круг задач, которые решала школа, видятся шире. И отнюдь не потому, что содержание лекций и отдельных докладов молодых ученых базировалось не только на архангельских материалах. Если для организаторов школы важно привлечь внимание к «своей» локальной культуре, а также повысить уровень знаний учащихся, то с точки зрения представителя столичного Российского государственного гуманитарного университета, профессора Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора профессора Е. Е. Левкиевской, «школа выполняет очень важную задачу поиска новых имен, которые в будущем будут целенаправленно заниматься фольклористикой и изучением народной культуры» [Сохранение традиционной культуры, ЭР]. Для многих молодых ученых участие в таких школах означает путь в «большую» науку, является основанием социальной (и территориальной) мобильности. Главное же значение школы можно усмотреть в том, что является «сверхзадачей» любого научного мероприятия — профессиональная коммуникация. И масштабные конгрессы, и локальные исследовательские семинары, и школы — это, прежде всего, возможность личного общения людей, обладающих разным научным опытом, но объединенных сферой интересов. Не случайно одним из напутственных советов, адресованных молодежи приглашенными лекторами на итоговом заседании, было пожелание «больше ездить» — на конференции и школы, столичные и региональные, отечественные и зарубежные (рис. 2).

Рис. 2. Участники школы

Не осталось сомнений в том, что преподавателей и обучающихся объединили профессиональные интересы широкого спектра — в областях фольклористики, этнографии, литературоведения, языкознания. Основные заявленные темы: традиционная культура Европейского Севера, современная культура Европейского Севера, картографирование и ареальные исследования в фольклористике, социально-антропологические исследования городского фольклора, изучение миграционного текста северных регионов России, особенности полевой работы в различной социальной среде [Всероссийская молодежная научная школа, ЭР].

Лекторы и ведущие семинаров оказались вовлеченными в живой диалог, который продолжался за пределами учебной аудитории. Участники школы — студенты, магистранты, аспиранты и молодые ученые, ведущие исследования в области фольклора и этнографии, филологии, культурологии, истории. Для тех молодых слушателей, которые не специализируются по фольклористике (их было большинство), очень информативной была лекция Н. В. Дранниковой «Архангельская область как фольклорно-этнографический регион». В ней шла речь об истории собирания фольклора, о «классических» жанрах, составляющих золотой фонд народной традиции, о публикациях текстов, записанных в экспедициях Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера. Вторая лекция Н. В. Дранниковой, «Образ «чуди» в фольклоре народов Европейского Севера», показала, что технологии сравнительно-исторических исследований позволяют достичь значимых результатов и не утрачивают актуальности. В лекции Е. Е. Левкиевской «Севернорусская мифологическая система на восточнославянском фоне» рассматривался метод картографирования фольклорно-этнографических феноменов, разработанный Н. И. Толстым и его последователями — представителями московской этнолингвистической школы. На семинаре, посвященном той же теме, учащиеся имели возможность обсудить логику подобного исследования.

Лекция И. А. Разумовой познакомила с социально-антропологическими исследованиями ЦГП КНЦ РАН в городах Мурманской области, которые позволили увидеть, как формируется устная традиция, включая исторические предания и тексты других разновидностей, в сравнительно молодых урбанистических общностях. В лекции О. В. Змеевой «Новые миграционные волны в устных интерпретациях и освещении СМИ (Мурманская область)» был сделан акцент на текстах с информационной функцией, включая городские слухи, которые в фольклористике рассматриваются в качестве традиционного речевого жанра. В содержательной, проиллюстрированной видеофрагментами лекции историка В. А. Добрыднева «Матрицы традиционного сознания в восприятии и репрезентации событий Великой Отечественной войны» был суммирован опыт анализа устных рассказов ветеранов войны (устно-исторических интервью) с опорой на концепции традиционного сознания и социальной памяти.

Строго говоря, сложно отнести те способы изучения устных текстов, о которых шла речь в лекциях, к «новым методам исследования», как указано в названии школы. Все эти методы давно утвердились, являются по сути «классическими» и подвергаются ревизии. Однако учебная литература по фольклористике столь значительно отстает от современной науки, что заполнить этот разрыв (как минимум, в несколько десятилетий) можно только путем дополнительных образовательных проектов. К таким, вполне успешным, и относится школа «Народные культуры Европейского Севера».

Работа школы в течение трех дней была четко организована. Первую часть составили открытые лекции и семинары научных кураторов, вторую — выступления молодых исследователей в формате конференции с обсуждением докладов. Кроме того, школа включала «полевую сессию» – выезд двух групп собирателей к информантам в г. Архангельске с последующим подведением итогов. Несмотря на известную «искусственность» ситуации беседы и записи, она, по свидетельству молодых участников, оставила сильное впечатление, особенно у тех из них, которые не имели опыта полевой работы. Обсуждению проблем современных полевых этнографических исследований был посвящен один из семинаров, проведенный И. А. Разумовой и О. В. Змеевой. Попытку обобщить первые опыты полевой практики в связи с проблемой установления контакта собирателя и информанта предприняли в своем выступлении студентки А. Багирова и А. Гордиенко.

Тематика докладов молодых участников школы была разнообразной, но при этом группировалась в несколько условных предметно-тематических блоков. К традиционным по материалу и способу описания можно отнести доклады Е. Лочехиной о похоронно-поминальной обрядности села Пурнема Онежского района и О. Федоровой о свадебном обряде района реки Устья. Обе докладчицы основывались на собственных полевых сборах, безусловно, очень ценных в этнографическом отношении. Несколько докладов были посвящены устным рассказам: промысловым, записанным на Зимнем берегу Белого моря (доклад Т. Морозовой), семейно-историческим, касающимся событий периода репрессий (доклад В. Максимкина), автобиографическим, связанным со временем 1930–1950-х годов (доклад С. Зеляниной). Закономерен интерес начинающих исследователей к разного рода играм. Тотальная вовлеченность в игровые пространства отличает не только молодежь, она является важной

характеристикой современной культуры. В мире компьютерной игры выявляются фольклорные мотивы (доклад А. Личутиной), ее сюжетная структура логично интерпретируется в контексте теории мифа (доклад Д. Ларионовой), а в действиях и текстах игроков – ролевиков-настольщиков могут усматриваться магические функции (доклад М. Занде).

Выявление фольклорно-мифологических мотивов в литературных произведениях – традиционное направление литературоведения. В его русле магистранты выполнили анализ ряда произведений европейской литературы. В высшей степени функциональны такие мотивы в творчестве авторов, которые работали в жанрах, ориентированных на фольклорные, как Закариас Топелиус (его литературным сказкам был посвящен доклад О. Клишевой) или Сельма Лагерлёф (Д. Ларионова рассмотрела под этим углом зрения «Сагу о Йесте Берлинге»). Архетипические схемы и смыслы по-разному реализуются в фольклоре, литературе, кино и т.д., удерживая традиционные значения или отталкиваясь от них, что продемонстрировал доклад А. Личутиной «Мотив двойничества в современной британской литературе».

На школе в «меньшинстве» оказались языковеды, хотя лингвистическая проблематика неотделима от фольклористической и этнографической. Восполнил этот пробел доклад П. Каменева о проблемах функционирования и изучения саамского кильдинского языка. Заметим, что это один из немногих докладов молодых ученых, в котором были проблематизированы объект и предмет исследования. В целом же, выступления участников школы впечатляли, прежде всего (а иногда и единственно), интересным и оригинальным материалом. Они были по преимуществу описательными, то есть далеко не всегда достигали в полном смысле слова качества научности. Недостаточная теоретико-методологическая оснащенность исследований стала главным предметом конструктивной критики со стороны «экспертов». Они подчеркнули, что умение собирать и описывать материал с помощью известных в науке приемов должно сопровождаться умением увидеть и сформулировать проблему, решение которой и составляет главный «показатель результативности» научного труда. Даже опытные исследователи учатся этому всю жизнь, так что у молодежи есть перспективы. Еще один аспект, требующий большего внимания начинающих специалистов, касается историографии. Как правило, знание работ предшественников оказывалось «точечным», а использование трудов сводилось к иллюстративным цитатам. Думается, в этом отношении участники школы не составляют исключения из общего числа молодых ученых. Сам возрастной и образовательный статус обязывает их к систематическому изучению литературы.

Одним из самых отрадных впечатлений от дней, проведенных в Архангельске, стало посещение Музея художественного освоения Арктики имени А. А. Борисова. Музей, недавно открытый после очередной реставрации, занимает здание – памятник архитектуры XIX века, он имеет свою историю [Музей художественного освоения Арктики, ЭР]. Основное место в нем занимают картины А. А. Борисова, который первым в истории русской живописи начал изображать Арктику [Александр Борисов, ЭР], и экспонаты, связанные с его жизнью и творчеством. Другие залы музея посвящены полярным экспедициям, творчеству ученика А. А. Борисова Тыко Вылки, а также декоративно-прикладному искусству ненцев. Экспозиции отличаются ярким дизайном, использованием современных технологий. Замечательную

экскурсию провела сотрудник музея М. В. Титова — одна из участниц молодежной научной школы. Ее доклад на заседании был посвящен декоративно-прикладному творчеству ненецкого народа в экспозиции Музея художественного освоения Арктики им. А. А. Борисова.

Искренними были слова благодарности приглашенных лекторов и всех участников, адресованные председателю оргкомитета мероприятия — профессору кафедры культурологи и религиоведения Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ, директору Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера Наталье Васильевне Дранниковой и сотруднику ЦИТКЕС Татьяне Николаевне Морозовой, достойно вынесшей на своих плечах большую часть организационных хлопот.

Опыт проведения Всероссийской молодежной научной школы «Народные культуры Европейского Севера: новые методы исследования» положителен во всех отношениях. Хочется верить, что участники из числа молодежи расширили научный кругозор, смогли по-новому оценить свои работы, развить навыки ведения дискуссий. Приглашенным лекторам и преподавателям САФУ мероприятие подарило радость профессионального общения и надежду на преемственность и развитие гуманитарных научных традиций.

Список литературы

Александр Борисов // Портал «Культура.РФ» URL: <https://www.culture.ru/persons/8993/aleksandr-borisov-2>

Всероссийская молодежная научная школа по фольклористике «Народные культуры Европейского Севера: новые методы исследования» // Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. Официальный сайт. URL: <https://narfu.ru/folk/novosti-tsentra/295567/>

Музей художественного освоения Арктики имени А. А. Борисова // Портал «Культура.РФ» URL: <https://www.culture.ru/institutes/26455/muzey-hudozhestvennogo-osvoeniya-arktiki-im-a-a-borisova>

Сохранение традиционной культуры и поиск новых имен: в САФУ открылась школа по изучению фольклора // Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. Официальный сайт. URL: <https://narfu.ru/folk/novosti-tsentra/301182/>

Сведения об авторе

Разумова Ирина Алексеевна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН

Razumova Irina Alekseevna

Doctor of Science (History), Chief Research Fellow

of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS

AD MEMORIAM

УДК 061.62:55.(470.21)

В. П. Петров, А. Д. Токарев

НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ А.В. СИДОРЕНКО И ЕГО РОЛИ КАК СОЗИДАТЕЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)²

Аннотация

Основываясь на архивных материалах и опубликованных воспоминаниях соратников и учеников, показана деятельность А.В. Сидоренко как ученого и руководителя Кольского Филиала АН СССР. Охарактеризованы его роль и подходы в организации процесса институционализации науки, выявлен личный вклад А.В. Сидоренко в создание научно-организационной структуры Кольского Филиала АН СССР, в процесс формирования кадрового научного потенциала, а также в развитие материально-технической базы.

Ключевые слова:

Сидоренко А. В., ученый, организатор науки, Кольский филиал АН СССР, личность, воспоминания соратников.

V. P. Petrov, A. D. Tokarev

SOME SKETCHES TO A.V. SIDORENKO'S PORTRAIT AND HIS ROLE AS THE CREATOR OF ACADEMIC SCIENCE IN THE KOLA NORTH (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTHDAY)

Abstract

Based on archival materials and published memoirs of associates and students, the activity of A.V. Sidorenko as a scientist and a head of the Kola Branch of the USSR Academy of Sciences is shown. His role and approaches in the organization of the process of the institutionalization of science are characterized. The personal contribution of A.V. Sidorenko in the creation of the scientific and organizational structure of the Kola Branch of the Academy of Sciences of the USSR, in the process of forming its human resources, and in developing the material and technical base is revealed.

Keywords:

Sidorenko A. V., a scientist, the organizer of science, the Kola Branch of the USSR Academy of Sciences, personality, colleagues' memories.

Имя Александра Васильевича Сидоренко, 100-летие со дня рождения которого отмечалось в октябре 2017 года, навечно принадлежит истории — истории науки, истории Советского государства. Оно бережно хранится в сердцах уже немногих его преданных соратников и сподвижников, в памяти его учеников, ученых различных областей фундаментальной и прикладной, практико-ориентированной науки, работников сферы геологических, поисково-разведочных и горно-рудных производств. Его имя заслуженно увековечено

² Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ по проекту № 16-11-51002 «Осмысление опыта советской урбанизации арктической территории в мемуарно-биографических источниках: социально-антропологический ракурс

в названиях природных минералов, научно-исследовательских кораблей, научных музеев, проспектов и городских улиц, в мемориальных сооружениях.

Академик А. Л. Яншин писал: «Александр Васильевич Сидоренко — ровесник Великого Октября. Это во многом определило его жизненный путь, формирование творческого характера, развитие как учёного, общественного и государственного деятеля» [Шатский, Яншин, 1986: 147]. Биография и деятельность А. В. Сидоренко как учёного, общественно-политического деятеля, участника боев за Сталинград в годы Великой Отечественной войны стали предметом многочисленных исследований, научных и масс-медийных публикаций, музейных экспозиций. Заслуги А. В. Сидоренко высоко оценены государственными наградами, в том числе, двумя орденами Ленина и боевыми орденами. Признанный авторитет как учёного геолога и минералога отмечен медалями и почётными званиями ряда отечественных и зарубежных научных сообществ.

Известно, что географическая сфера деятельности А. В. Сидоренко, как и сфера его научных устремлений, была исключительно широка, охватывала многие регионы страны и мира. Первые научные изыскания А. В. Сидоренко начал ещё в студенческие и аспирантские годы в Воронежской области и в Крыму, затем после демобилизации из армии в связи с тяжелым ранением, он в течение ряда лет работал в Средней Азии в качестве научного сотрудника Туркменского филиала Академии наук СССР и руководителя экспедиционными работами Туркменского геологического управления. Именно в этот период оформился круг главных научных устремлений А. В. Сидоренко, которые во многом определили основные направления будущих научных исследований. Результаты исследований среднеазиатского периода научной работы стали основой его кандидатской (1945 г.), а затем и докторской диссертации (1952 г.). Не умаляя значения и роли туркменского этапа работы и научных исследований А. В. Сидоренко, представляется, что главной стартовой площадкой его роста, как учёного, организатора науки, государственного деятеля, стал Кольский Север.

В 1950 году А. В. Сидоренко был назначен по рекомендации академика Д. С. Белянкина и Совета филиалов АН СССР на должность заместителя председателя президиума Кольского филиала АН СССР. В это время Филиал представлял собой сравнительно небольшое, но успешно развивающееся учреждение, организационно оформленное всего год назад на основе одноименной академической базы, созданной в 1930-е годы академиком А. Е. Ферсманом [Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 78]. Филиал включал два обособленных научных подразделения — Геологический институт с тремя научными отделами и несколькими научно-вспомогательными подразделениями и Биологический отдел, в состав которого входили отдел агробиологии с лабораториями, отдел агропочвоведения с лабораторией микробиологии и Полярно-альпийский ботанический сад. При президиуме Филиала были организованы отдел экономики, гидроэнергетики, научная библиотека, научные фонды, административно-хозяйственные службы и подразделения (канцелярия, бухгалтерия, хозяйств с группой кастроительства и ремонта, группа снабжения и транспорта, отдел кадров и аспирантуры, спецотдел, редакционно-издательская группа, типография. электромеханические мастерские, фотолаборатория [НА КНЦ РАН. Ф 1. Оп. 1. Д. 318. Л. 11-12].

Научный персонал Филиала был представлен 5 старшими научными сотрудниками, кандидатами наук, 11 младшими сотрудниками, включая

4 кандидатов наук, двумя аспирантами. Научным сотрудникам помогали 18 лаборантов и 7 препараторов. [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 195. Л. 7].

Назначение А. В. Сидоренко председателем Президиума КФАН СССР в 1952 году способствовало началу нового исключительно важного этапа качественного и количественного развития академической науки в регионе. Будучи с 1942 года членом ВКП(б), имевшим большой практический опыт работы в условиях тяжёлого военного и послевоенного, восстановительного периодов, он знал и понимал стратегические задачи науки, связанные с освоением природных минеральных ресурсов. На выполнении этих задач была сфокусирована вся деятельность А. В. Сидоренко, как руководителя Филиала. В 1961 году, когда он передавал свои полномочия Е. К. Козлову, Филиал представлял собой крупное комплексное научное учреждение, которое включало уже шесть обособленных подразделений — Геологический институт, Горно-металлургический институт, Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья, Мурманский морской биологический институт, Полярный геофизический институт, Полярно-альпийский ботанический сад. В названных учреждениях были созданы более 40 научных лабораторий, экспериментальных, аналитических, технических подразделений, музеев. Возникли первые экспериментальные базы и полигоны в различных районах Мурманской области. Развивалась социально-бытовая инфраструктура. Общая штатная численность Филиала достигла 830 единиц. Фактическая численность научных сотрудников на 1 августа 1961 года составила 234 чел., в том числе 3 доктора наук, 67 кандидатов наук, 164 младших научных сотрудника. В научных учреждениях Филиала обучалось 20 аспирантов, в том числе 14 с отрывом от производства [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 195. Л. 2-7, 9–10].

О личной роли А. В. Сидоренко в институционализации и развитии кольской академической науки свидетельствуют не только сухие статистические цифры и показатели. Важными свидетельствами, раскрывающими сущностный характер этой роли, являются материалы его личного дела, хранящегося в Научном архиве КНЦ РАН, опубликованные воспоминания соратников и учеников, научные статьи, публикации в газетах.

Деятельность А. В. Сидоренко, как учёного и руководителя Кольского филиала АН СССР, осуществлялась по различным направлениям, которые включали:

- научную работу, в частности личное участие в научных исследованиях;
- научно-организационную работу, в том числе по организации исследований новых научных направлений и практической реализации их результатов;
- работу по подбору, воспитанию и повышению квалификации научных кадров;
- административно-хозяйственную работу, нацеленную на обеспечение развития материально-технической и социально-бытовой инфраструктуры науки.

Научная деятельность А. В. Сидоренко, его личные творческие достижения, относящиеся непосредственно ко времени работы в Кольском филиале АН СССР представлены в характеристике, подписанной в 1962 году заместителем председателя КФАН СССР Н.А. Воронковым и директором Геологического института И. В. Бельковым [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 519. Л. 81–87]. В числе основных научных проблем исследований А. В. Сидоренко были отмечены следующие:

1. Доледниковые континентальные образования северо-восточной части Балтийского щита и возможные связи с ними полезных ископаемых. Впервые было установлено широкое развитие на территории Кольского полуострова доледниковых кор выветривания, что предопределило принципиально новое понимание геологической роли, масштабов и характера проявлений ледниковой экзарации, её роли в формировании рельефа полуострова. Базирующиеся на фундаментальных исследованиях прогнозы о возможных связях с доледниковыми процессами полезных ископаемых были подтверждены выявлением крупных месторождений вермикулита и редкометалльных россыпных месторождений.

2. Литологическое изучение древних метаморфических пород и изучение осадочного этапа развития докембрия. На основе детальных исследований докембрийских осадочно-метаморфических толщ архея и протерозоя была обоснована принципиальная возможность широкого применения фациально-литологического анализа к сильно метаморфизованным породам докембрия. Тем самым было заложено новое научное направление в геологии.

А. В. Сидоренко был научным руководителем исследовательских тем и непосредственным участником, в том числе полевых экспедиционных работ в различных районах Кольского полуострова. В рассматриваемой характеристике особо отмечена роль А. В. Сидоренко в разработке вопросов экономической геологии и комплексного использования минерального сырья.

Организаторская деятельность А. В. Сидоренко на посту председателя президиума КФАН СССР многогранна и эффективна. Именно в период его работы в Филиале были созданы Геологический институт (1951), первым директором которого он и стал, Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья (1957), Горно-металлургический институт (1961), Полярный геофизический институт (1960). В состав Филиала вошел Мурманский морской биологический институт (1958), находившийся в тот момент на побережье Баренцева моря в посёлке Дальние Зеленцы, активно развивался Полярно-Ботанический сад, позднее получивший статус института.

Создание новых институтов, необходимость существования которых диктовалась стратегическими задачами по освоению уникальных природных ресурсов и важным значением фундаментальных исследований для Заполярного региона, требовало решения многих вопросов их материально-технического, кадрового и финансового обеспечения. Эти вопросы были архисложными в условиях социально-экономической обстановки того времени. Их необходимо было решать в Москве, в государственных органах, Президиуме Академии наук. Одновременно многие задачи должны были быть реализованы на месте путем перераспределения ресурсов и изменения структуры ранее созданных институтов. Так, в связи с организацией Горно-металлургического института (постановление Президиума АН СССР от 14 октября 1960 года № 923) и Полярного геофизического института (постановление Президиума АН СССР от 14 октября 1960 г. № 924) была частично изменена структура Геологического института: лаборатория строительных материалов и искусственного камня была передана Горнометаллургическому институту, а Сейсмическая станция «Апатиты» передана Полярному геофизическому институту. Не все запланированные и принятые решения удавалось решить полностью, так в связи с не выделением штатов в Горно-металлургическом институте вместо изначально планируемых пятнадцати, было организовано только девять лабораторий.

А. В. Сидоренко в течение всех лет своей работы в Кольском филиале АН СССР был духовным лидером геологических исследований. По его инициативе в институте была создана лаборатория четвертичной геологии, которую он и возглавил. Много внимания он уделял постановке и обеспечению геофизических исследований.

Вклад А. В. Сидоренко в организацию научных исследований Филиала очевиден. Одновременно Александр Васильевич был мудрым, решительным, и требовательным хозяйственным руководителем. Эти его качества особенно отчетливо проявились в ходе строительства Академгородка в городе Апатиты. Идея строительства была проработана им во время визита в 1952 году в Мурманскую область вице-президента Академии наук СССР академика И.П. Бардина. Правительственное разрешение начать широкомасштабное строительство производственных и жилых зданий Академии наук было получено 23 июня 1953 года. Буквально через две недели Президиум АН СССР своим распоряжением от 10 июля 1953 г. № 82-1369 включил строительство лабораторного корпуса и жилых зданий КФАН СССР в перечень сверхлимитных объектов Академии, строительство которых должно было начаться в 1954 г. С этого момента на А. В. Сидоренко ложится основная тяжесть по организации и руководству строительством Академгородка [Петров, Токарев, 2013: 115]. Он налаживает эффективное взаимодействие с московским центральным государственным и академическим руководством, а также, что было не менее важным, с местными партийными и советским органами, хозяйственными руководителями. Большую поддержку А. В. Сидоренко оказывали в этот период. секретарь Кировского горкома КПСС Н. В. Крынкин (будущий зам председателя президиума Филиала), управляющий трестом «Апатитстрой» В. И. Полтава, руководство комбината «Апатит». В течение 1956 г. было возведено первое здание Академгородка — Сейсмостанция, в марте 1958 г. сдан в эксплуатацию первый жилой дом (ныне ул. Ферсмана 16). К 1961 году были заложены основы и контуры будущего академического городка [Петров, Токарев, 2013: 126].

Позиции А. В. Сидоренко в кадровых вопросах всегда были принципиальными и здравыми. К примеру, в феврале 1953 г. А. В. Сидоренко выступил с докладом на заседании научного актива Филиала, в котором с учетом рекомендаций Президиума АН СССР обратил внимание на некоторые недостатки в кадровой работе Филиала. Так, было отмечено, что в работе Геологического института обнаружился ряд недостатков, связанных с процессом его формирования. В геологические отделы, а затем и в институт подбор специалистов в аспирантуру производился главным образом только из одной школы, из выпускников Ленинградского университета. Руководство Кольского филиала не стремилось привлекать в аспирантуру выпускников других ВУЗов Ленинграда и Москвы, что привело к одностороннему характеру комплектования будущих кандидатов наук. Для того чтобы научные работы Кольского филиала были более разносторонними, свободными от недостатков той или иной школы, необходимо было привлекать на работу специалистов и из других ВУЗов, в частности Московского государственного университета, Московского геологоразведочного института, Института цветных металлов и др. [Саморукова, Петров, 2012: 79]. А. В. Сидоренко лично реализовывал эту мысль при отборе кандидатов в аспирантуру и на работу в Филиале. Представляют

интерес в этом плане воспоминания некоторых ведущих учёных Центра, в судьбе которых непосредственное участие принял А. В. Сидоренко.

Мотов Д. Л., доктор технических наук, создатель целого ряда эффективных технологий использования минеральных ресурсов Кольского полуострова писал: «После окончания в 1949 году химического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и года работы на Электрохимическом заводе в Восточной Сибири я был призван в Армию, освобожден от нее и оказался свободным в выборе дальнейшего места работы. <...> В Москве я направился в Совет филиалов при Президиуме Академии наук и там мне порекомендовали обратиться лично к А. В. Сидоренко. <...> Я встретился с А. В. Сидоренко в гостинице «Якорь», беседа продолжалась в его номере больше часа. Она оказалась для меня поворотной в жизни. Я поведал ему о том, что закончил с отличием химфак МГУ и на Кафедре электрохимии выполнил дипломную работу, по материалам которой заведующим кафедрой академиком Александром Наумовичем Фрумкиным была представлена статья в Доклады Академии наук.<...> На А. В. Сидоренко это возымело действие, и он решил, что я подхожу для работы в комплектуемом им Кольском филиале АН СССР. Я поделился с Сидоренко, что имею от завода направление в аспирантуру в Научно-исследовательский аккумуляторный институт (НИАИ) с рекомендацией акад. А. Н. Фрумкина и должен поехать в Ленинград поступать в аспирантуру, но если что-то будет не так, я дам знать об этом. В НИАИ, как по наитию, аспирантура в том году не состоялась, и 20.09.1950 г. я дал телеграмму по адресу: Апатитовая Гора, Кольский филиал, Сидоренко о согласии работать. На следующий день пришёл лаконичный ответ: «Приглашаетесь на работу в филиал. Сидоренко [Мотов, 2007: 31].

Создав лабораторию четвертичной геологии, А. В. Сидоренко естественно осуществлял целенаправленный поиск для её пополнения молодыми перспективными кадрами. Одним из них был В. Я. Евзеров, который вспоминал: «В 1958 г. я окончил геологический факультет Воронежского университета <...>. Вскоре после распределения меня пригласил к себе профессор Митрофан Степанович Точилин и сказал, что Александр Васильевич Сидоренко попросил его подобрать выпускника, который согласился бы заниматься четвертичными отложениями и поступить в аспирантуру Геологического института Кольского филиала АН СССР. К четвертичным отложениям у всех выпускников было, мягко говоря, снисходительное отношение, но и работу в Бурятии не представлял себе никто из моих сокурсников, и я согласился. В 1958 г. я представления не имел о том, кто такой А. В. Сидоренко, и почему он обратился с просьбой к М. С. Точилину. Несколько лет спустя выяснилось, что А. В. Сидоренко окончил в 1940 г. Воронежский университет и был зачислен в аспирантуру на кафедру минералогии и петрографии. <...> Когда я приехал на Север в конце 1958 г., Кольский филиал располагался на 25-м километре в невысоких деревянных домиках. <...> Понятно, что часто приходилось ездить в соседний Кировск по различным надобностям. <...> Стою я как-то на остановке в Кировске и безнадежно жду рейсовый автобус. Вдруг к остановке подъезжает легковая машина, выходит из неё А. В. Сидоренко и, спросив, куда я собрался, приглашает меня в машину. Я тогда был без году неделя аспирантом, он — председателем Президиума филиала». [Евзеров, 2007: 14].

Под руководством А. В. Сидоренко В. Я Евзеров подготовил и защитил кандидатскую диссертацию, а позднее стал ведущим специалистом Геологического института, доктором наук в области четвертичной геологии и древних кор выветривания. «В 1961 г. перед отъездом с Севера Александр Васильевич собрал всех своих сотрудников, занимавшихся изучением рыхлого покрова Кольского региона, за столом. Посидели, поговорили о работе, о жизни. На прощанье Александр Васильевич сказал: «Это нормально, что последователи идут дальше предшественников, поднимаются на их плечи, но при этом не надо плевать им на лысины» [Евзеров, 2007: 14].

Вспоминает А. Д. Арманд, доктор географических наук, сотрудник института географии АН СССР: «Придя в Кольский филиал Академии наук СССР, Александр Васильевич Сидоренко занялся совершенствованием структуры научного центра. В Геологическом институте одна из его инициатив была направлена на создание подразделения, занимающегося четвертичной геологией и геоморфологией. Раньше такое направление в Институте почти не развивалось. Логичным представлялось начать организацию новой ячейки с приёма в Кольский филиал аспирантов соответствующего профиля. Ядром будущего отдела четвертичной геологии и геоморфологии Геологического института в 1953 году стали три выпускника Географического факультета МГУ: Андрей Никонов, Наталия Арманд и Алексей Арманд. Руководить их работой по диссертационным темам взялся сам А. В. Сидоренко.

Сразу перед нами, тремя геоморфологами, была поставлена задача не ограничиваться заботой о получении кандидатской степени, а взять курс на участие в создании нового отдела. Серьезность задачи добавляла требовательность к будущим сотрудникам со стороны их руководителя. Впрочем, строгость требований поразительным образом сочеталась у А. В. Сидоренко с необычайным доверием к своим аспирантам. <...> Выбор диссертационной темы был целиком предоставлен нам самим. В процессе работы аспирантам оказывалась максимальная помощь в отношении организации полевых работ, изучения фондовых материалов, командировок, участия в совещаниях, не только в роли докладчиков, но и в качестве «слушателей». Аспирантам не было отказов в случае необходимости воспользоваться услугами машбюро, фотолаборатории, чертежным бюро, мехмастерской, автопарком. Впрочем, наличие подобных служебных подразделений вообще в лучшую сторону отличало Кольский филиал от многих академических учреждений в столице. <...> В личном общении с аспирантами, как, впрочем, и с другой «мелкой сошкой» — лаборантами, инженерами, мэнэсами, шоферами Александр Васильевич отличался чрезвычайным демократизмом. При встречах приветливо здоровался за руку. С руководящими работниками обращение бывало гораздо более суровым. Выезжая на однодневные полевые экскурсии (на большее, очевидно, как всегда, не хватало времени), А. В. Сидоренко брал с собой и нас, аспирантов. В поле обсуждали интересовавшие его проблемы. Запомнились такие вылазки на Известковый завод, на Опытное поле, на Вудъяврчорр. С аспирантами Александр Васильевич согласовывал привлечение в Филиал новых специалистов, поддерживал и наши предложения в этом отношении» [Арманд, 2007: 11].

Примером проявления принципиального разумного подхода к решению кадровых вопросов может рассматриваться отношение А. В. Сидоренко к так

называемой проблеме «семейных пар», существенной для многих периферийных филиалов Академии наук, на которую обращали внимание и руководство Президиума АН СССР, и центральных партийных органов. Причиной негативного отношения к этому вопросу являлось представление о том, что наличие семейных пар в коллективе не способствовало развитию критики. А. В. Сидоренко высказал свою собственную позицию, подчеркнув, что, учитывая географическое положение Филиала, невозможно полностью освободиться от семейных пар. Многие семейные пары образовались в результате вступления в брак сотрудников Филиала и неправильным было бы работников, которые вступили в брак между собой, освобождать от работы в Филиале. В то же время, нельзя мириться с таким положением, когда супруги остаются в прямом подчинении друг другу. Сложность, по мнению А. В. Сидоренко, состояла не в самом существовании семейных пар, а в семейственности, которая могла развиваться и не между родственниками. Семейные отношения не будут влиять на работу в том случае, если будет достаточно высокий уровень критики недостатков. Дело не только и не столько в семейных парах, сколько в отсутствии принципиальности при решении вопросов жизни Филиала [Саморукова, Петров, 2012: 81].

С именем Александра Васильевича связано формирование ряда новых научных направлений, получивших своё развитие в Кольском филиале, а затем признанных в Советском Союзе и за рубежом. Это исследования в области четвертичной геологии и геоморфологии древних щитов, осадочной геологии, литологии и металлогении метаморфических комплексов докембрия, работы по использованию геофизических и космических исследований в целях изучения истории образования и развития Земли и всей Солнечной системы, проблем происхождения жизни и биосферы. Вклад Александра Васильевича в науку огромен и неоспорим. Огромен и его вклад в научно-организационную деятельность.

В 1961 году по инициативе главного реформатора того времени Н. С. Хрущева, Центральный Комитет партии и Совет Министров СССР приняли Постановление «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук». В соответствии с этим Постановлением создавался специальный союзный Государственный комитет Совета Министров по координации научно-исследовательских работ. Аналогичные комитеты создавались в союзных республиках. Было признано, необходимым передать из системы Академии наук государственным комитетам Совета Министров СССР, министерствам, ведомствам, Совету Министров РСФСР научные учреждения Академии наук, так называемого отраслевого профиля. К числу таких учреждений были отнесены и региональные научные центры Академии наук [Комков, Левшин, Семенов, 1974: 426]. В постановлении ЦК КПСС и СМ СССР было определено, что «задачами передаваемых научных учреждений является дальнейшее развитие теоретических исследований и решение практических задач народного хозяйства. Позднее было конкретизировано, что главнейшими задачами региональных филиалов и институтов Академии наук, переданных Комитету, является оказание помощи Совнархозам РСФСР в изучении природных ресурсов и развитии производительных сил соответствующих регионов» [Саморукова, Петров, 2016, 33]

Организаторские способности А. В. Сидоренко, проявившиеся в период его работы на посту руководителя КФАН СССР оказались в поле внимания

руководства страны и были востребованы на государственном уровне. Александр Васильевич, как председатель Президиума Кольского филиала АН СССР, последний раз выступил с докладом на Всесоюзном совещании в Москве 12–14 июня 1961 г., на котором обсуждались первоочередные задачи науки, в частности филиалов АН СССР, сформулированные в вышеупомянутом Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В этом же году он был отозван в Москву и назначен первым заместителем председателя Госкомитета Совета министров РСФСР по координации научно-исследовательских работ. С 1962 по 1975 годы А. В. Сидоренко руководил всей геологией Советского Союза, в 1975 году был избран вице президентом Академии наук СССР.

Несмотря на безмерную занятость по решению многих государственных проблем и задач, А. В. Сидоренко постоянно уделял много внимания работе по развитию Кольского филиала АН СССР. В 1967 году именно А. В. Сидоренко по поручению правительства вручил Орден Ленина нашему Филиалу. В 1980 году он участвовал в торжественных мероприятиях, посвященных 50-летию рождения первого академического учреждения на кольской земле, и приуроченному к этой дате открытию памятника академику А. Е. Ферсману. В. П. Петров вспоминает пророческие слова, сказанные ему А. В. Сидоренко после торжественного собрания, когда они шли вместе из городского дворца культуры: «Мое поколение не уходит на покой, на пенсию. Мы как деревья умираем стоя». Через год во время зарубежной командировки в Северную Африку трагическая случайность оборвала его жизнь. Но имя его навсегда вошло в историю науки.

А память об Александре Васильевиче живет. На фронтоне главного корпуса Кольского научного центра в Апатитах висит мемориальная доска, сообщающая о том, что Сидоренко в 1952–1961 гг. руководил Кольским филиалом АН СССР. Одной из улиц нашего города присвоено имя Сидоренко. Имя А. В. Сидоренко увековечено также в названиях минерала из Ловозерских тундр — Сидоренкоита, нового вида древнейших ископаемых водорослей — Мурмания Сидоренкия и одного из судов исследовательского флота РАН. В заключении мы помещаем в приложении ряд фотографий, освещающих различные этапы жизни и деятельности А. В. Сидоренко на Кольском полуострове.

Список сокращений

ВКП(б) — Всероссийская Коммунистическая Партия (большевиков)
КНЦ — Кольский научный центр
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КФАН — Кольский Филиал Академии Наук.
НА — Научный архив
РАН — Российская Академия Наук
РСФСР — Российская Советская Социалистическая Республика
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ЦК — Центральный Комитет

Источники

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Президиум Ордена Ленина Кольского научного центра Российской академии наук.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1 Научная документация материалов геохимической лаборатории, климато-метеорологического отдела, геолого-геохимического, геологического и секторов геологии и минералогии за 1929-1949 гг.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Научно-документальные материалы канцелярии Президиума Кольского филиала им. С. М. Кирова АН СССР за 1930-1963 гг.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. (Документальные материалы Отдела кадров и аспирантуры (личные дела уволенных сотрудников) Кольской базы АН СССР — Кольского филиала им. С. М. Кирова — Кольского научного центра АН СССР — Кольского научного центра РАН за 1935-2002 гг.).

Список литературы

Арманд А. Д. Педагогический метод А. В. Сидоренко при работе с аспирантами // Геология и минерагения Кольского региона. Труды Всероссийской научной конференции и IV Ферсмановской научной сессии, посвященные 90-летию со дня рождения акад. АН СССР А. В. Сидоренко и д.г.-м.н. И. В. Белькова. (Апатиты, 4–6 июня 2007 г). Апатиты: Изд-во К@М, 2007. С. 11. Евзеров В. Я. О Сидоренко // Геология и минерагения Кольского региона. Труды Всероссийской научной конференции и IV Ферсмановской научной сессии, посвященные 90-летию со дня рождения акад. АН СССР А. В. Сидоренко и д.г.-м.н. И. В. Белькова. (Апатиты, 4–6 июня 2007 г). Апатиты: Изд-во К@М, 2007. С. 14–15.

Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974. 522 с.

Мотов Д. Л. В памяти они рядом // Геология и минерагения Кольского региона. Труды Всероссийской научной конференции и IV Ферсмановской научной сессии, посвященные 90-летию со дня рождения акад. АН СССР А. В. Сидоренко и д.г.-м.н. И. В. Белькова. (Апатиты, 4–6 июня 2007 г). Апатиты: Изд-во К@М, 2007. С. 31–32.

Петров В. П., Макарова Е. И., Саморукова А. Г., Токарев А. Д., Усов А. Ф. Кольский научный центр. Летопись 1930-2010. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2011. 320 с.

Петров В. П., Токарев А. Д. К истории восстановления Кольской базы АН СССР и строительства Академгородка Кольского филиала АН СССР (1944–1961) // Труды Кольского научного центра РАН. № 6 (19). Гуманитарные исследования. Вып. 4. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2013. С. 109–127.

Саморукова А. Г., Петров В. П. К вопросу о роли государственных и региональных властных структур в формировании кадровой политики Кольского филиала АН СССР в 1945-1957 гг. // Труды Кольского научного центра РАН. № 1 (12). Гуманитарные исследования. Вып. 3. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2012. С. 73–79.

Саморукова А. Г., Петров В. П. Кратковременный, но поучительный эпизод в истории Кольской академической науки (1961-1963 годы) // Труды Кольского научного центра РАН. № 8 (42). Гуманитарные исследования. Вып. 10. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2016. С. 30–40.

Шатский Н. С., Яншин А. Л. Портреты геологов. М.: Наука, 1986. 304 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фото 1. На праздничной демонстрации.
Пос. Кукисвумчорр, 1951 г.

Фото 2. Визит академика И. П. Бардина
Пос. Кукисвумчорр, 1952 г.

Фото 3. На лыжной прогулке
А. В. Сидоренко, Т. Н. Иванова,
Е. К. Козлов, Н. А. Корнилов, 1954 г.

Фото 4. На строительстве
Академгородка. А. В. Сидоренко,
В.И. Полтава, Н. В. Крынкин,
Г. Д. Панасенко, 1956 г.

Фото 5. А. В. Сидоренко на опытном
поле Биологического отдела КФАН
СССР

Фото 6. На полевых работах. Тянет
лодки А. В. Сидоренко. В лодке
Д. Д. Мирская и И. Д. Батиева.
Сзади толкает лодку
И. Ф. Шикторин, 1956 г.

Фото 7. А. В. Сидоренко
в рабочем кабинете, 1959 г.

Фото 8. На полевых работах
А. В. Сидоренко,
А. Ф. Соседко, М. К. Мазуров, 1961 г.

Фото 9. А. В. Сидоренко
на выставке картин И. В. Белькова

Фото 10. А. В. Сидоренко,
В. А. Тюремнов и прораб Ребенков
обсуждают ход строительства катка
в Академгородке

Фото 11. Е. К. Козлов, И. В. Бельков,
Г. И. Горбунов, А. В. Сидоренко,
1971 г.

Фото 12. А. В. Сидоренко на комбинате
«Ковдорслюда», 1971 г.

Фото 13. А. В. Сидоренко
поздравляет
с 50-летием КФАН. 1980 г.

Фото 14. А. В. Сидоренко, на митинге
в честь 50-летия Филиала, 1980 г.

Сведения об авторах

Петров Валентин Петрович

доктор геолого-минералогических наук, профессор, директор
Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Токарев Александр Дмитриевич

заведующий сектором формирования и хранения цифровой информации
Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Petrov Valentin Petrovich

Dr. Sci. (Geology-Mineralogy), Professor, Director of the Barents centre
of Humanities of the Kola Science Centre RAS

Tokarev Alexander Dmitrievich

Head of the sector of digital information of the Barents centre
of Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 061.62:55.(470.21)

Е. И. Макарова

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ БЕЛЬКОВ В ИСТОРИИ ГЕОЛОГИИ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Аннотация

Статья посвящена 100-летию со дня рождения И.В. Белькова, возглавлявшего в 1961–1985 годы Геологический институт Кольского филиала АН СССР. На основе материалов его личного дела, хранящегося в Научном архиве КНЦ РАН, опубликованных воспоминаний его жены и соратников, показана личная роль И.В. Белькова в институционализации и развитии геологической науки на Кольском полуострове в послевоенный период.

Ключевые слова:

И. В. Бельков, ученый, организатор науки, Кольский филиал АН СССР, этапы жизни, воспоминания соратников.

E. I. Makarova

**IGOR VLADIMIROVICH BELKOV IN THE HISTORY OF THE GEOLOGY
OF THE KOLA NORTH: TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTHDAY**

Abstract

The paper is devoted to the 100th anniversary of I.V. Belkov's birthday who headed the Geological Institute of Kola Branch of the USSR Academy of Science in 1952-1961. Based on the materials of his personal records at the scientific archive of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Science, on his wife and colleagues disciples' memories published, the personal role of I.V. Belkov in institutionalization and evolution of the geological science on the Kola peninsula during the post-Great Patriotic war period is shown.

Keywords:

I. V. Belkov, a scientist, the organizer of science, Geological Institute, the Kola Branch of the USSR Academy of Sciences, stage of life, colleagues' memories.

Выдающийся геолог и организатор науки на Кольском Севере Игорь Владимирович Бельков, 100-летие которого в 2017 году отмечалось на очередной апрельской сессии Ферсмановских чтений в КНЦ РАН и в приуроченной к юбилейной дате статье «Вековой юбилей» в августовском выпуске газеты «Кировский рабочий», занимает в истории кольской науки особое место.

Отдавший геологии Кольского Севера 53 года своей жизни, он впервые ступил на кольскую землю летом 1938 года, когда проходил экспедиционную практику во время учебы на геологическом факультете Ленинградского университета. Северная природа с первого взгляда покорила юного студента, и все последующие летние экспедиции студента И. В. Белькова проходили на Кольском полуострове. По окончании университета он получил «красный диплом» и персональное приглашение от Академии наук на Кольскую базу АН СССР в г. Кировск в качестве аспиранта, но начавшаяся 22 июня 1941 года Великая Отечественная война круто изменила все его планы – с первых дней войны И. В. Бельков был призван в ряды Советской Армии на защиту от немецких захватчиков подступов к блокадному Ленинграду. Этот суровый период стал испытанием на прочность и закалил характер И. В. Белькова и его организаторские способности: в июле 1943 года он получил медаль «За оборону Ленинграда», а в 1945 г. — медаль «За победу над Германией». Уже тогда он был комсоргом части, а в 1944 году был принят кандидатом в члены ВКП (б) [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 2252. Л. 2].

В июне 1944 года И. В. Бельков посетил возвратившийся из эвакуации в послеблокадный Ленинград госуниверситет и узнал, что место в аспирантуре за ним его научным руководителем С. М. Курбатовым сохранялось, несмотря на слухи о его гибели. После демобилизации из рядов Советской армии в ноябре 1945 года И. В. Бельков был прикреплен к аспирантуре Кольской базы АН СССР, куда профессор Курбатов, его руководитель, был назначен заведующим отделом минералогии. В июне 1948 года И. В. Бельков досрочно защитил диссертацию на тему «Пегматитовые жилы Западных Кейв», получив высокую оценку оппонентов. В августе 1948 года ему исполнился 31 год, и свое вступление в зрелость он так охарактеризовал в письме к отцу: «...Я прожил полжизни, подвел итог и собираюсь начать вторую половину. Первая половина

закончилась защитой диссертации ...и переездом из Ленинграда в Кировск, где я намереваюсь прожить несколько лет» [Батиева, 2007: 49]. Однако будущее Игоря Владимировича оказалось совсем иным — его дальнейшая жизнь, как творческая, так и личная, была отдана без остатка Кольскому Северу. Здесь он воплотил свои научные и творческие идеи, получив признание в стране и за рубежом как ученый и организатор научных направлений, как руководитель целого института; здесь он встретил свою любимую жену, соратницу по работе и вдохновительницу всех лучших творческих свершений в его жизни, совместно с которой в 1957 и 1966 гг. открыл два массива щелочных пород: Сахарйокский и Кульйокский [Ученые Кольского научного центра, 2010: 63]. На Севере он дал жизнь сыну Евгению и дочери Валерии, здесь родились и его внуки — Александр и Игорь.

И. В. Бельков стал одним из первых послевоенных продолжателей ферсмановских начинаний в академической науке, осуществивших прорыв в послевоенной геологии уже в новом составе — под началом выдающегося ученого и государственного деятеля академика А. В. Сидоренко, 100-летний юбилей которого научная общественность также чествовала на апрельской сессии Ферсмановских чтений — 2017 в КНЦ РАН.

Кольский Север сформировал И. В. Белькова как крупного учено-минералога, по его инициативе и при его активном участии в годы послевоенной пятилетки в составе Кольской базы АН СССР был создан Отдел геологии и петрографии, который он и возглавил. Круг научных интересов И. В. Белькова охватывал область геологии и геохронологии Балтийского щита, петрологии и металлогении гранитов, генезиса метаморфических пород, технологической минералогии кианитового и редкометалльного сырья. Его исследования позволили обосновать существование Кольской провинции редкометалльных пегматитов, что привело в дальнейшем к установлению крупнейших в стране месторождений щелочных металлов (1950–1956 гг.).

Всесторонне изучив высокоглиноземистые породы кейвской серии в центральной и восточной части Кольского полуострова, И. В. Бельков обобщил результаты своих исследований в докторской диссертации «Кианитовые сланцы свиты Кейв» (1965) — одной из первых в Кольском филиале. Результаты его научных достижений послужили основанием к принятию ряда правительственных постановлений, обеспечивших разведку и подготовку к промышленному освоению крупнейшей в мире группы месторождений кианита - ценного сырья для производства глинозема, силумина и огнеупоров.

О сотрудничестве с И. В. Бельковым написал его соратник д.х.н. Д. Л. Мотов: «С Игорем Владимировичем Бельковым я познакомился в октябре 1950 г., когда стал работать в Кольском филиале АН СССР на первых порах как химик-аналитик, выполняя силикатные анализы и частные определения. Пробы от И. В. Белькова были идеально отобраны и четко маркированы, в них чувствовался почерк заказчика. При более близком знакомстве оказалось, что Игорь Владимирович проявляет четкость и талант во многом. Он и одаренный музыкант, и художник, и лектор-рассказчик. Когда в 1963 г. в работе ИХТРЭМС было показано, что кейвский кианит может быть использован как противопопригарный материал в литейном деле и последовало Постановление ВСНХ СССР о проведении широких промышленных испытаний, встал вопрос

о добыче партии кианита. И. В. Бельков, будучи уже директором Геологического института КФАН СССР, был вместе с Е. К. Козловым главным идеологом продвижения кианита. Он выбрал точку на Кейвах - месторождение Тяпш-Манюк, и там была добыта кианитовая руда (около 50 тонн), доставлена в г. Кировск и обогащена в ЦЛ комбината «Апатит».

«Я как автор этой работы был ответственным за проведение испытаний на крупнейших литейках страны: в Ленинграде, на Невском машиностроительном заводе им. В. И. Ленина, на Арматурном заводе им. И. И. Лепсе, Обуховском заводе; в Москве на Электростальском заводе тяжелого машиностроения, заводе Станколит; в Свердловске на Уралмаше. Со стороны И. В. Белькова при проведении этой работы я ощущал постоянную моральную поддержку. И. В. Бельков буквально вдохновлял нас делать испытания качественно и без задоринки. При проведении испытаний были выпущены различные сложные отливки, в том числе турбины для Асуанской гидроэлектростанции в Египте, ковши шлаковоза для Металлургического комбината в Бхилаи (Индия). Результаты испытаний на всех заводах были положительны и итоги работы, выполненные по Постановлению ВСНХ, рассматривались в ЦК КПСС, но, к сожалению, решения об освоении Кейв при этом не последовало, т.к. не было кооперации с другими возможными потребителями кианита, плюс к тому сама литейная промышленность как таковая отдельно не существовала, а была рассредоточена по разным Министерствам, ни одно из которых не взяло на себя функции субсидирования строительства», – вспоминал Д. Л. Мотов. [Мотов, 2007: 31-32].

И. В. Бельков руководил Геологическим институтом в 1961–1985 годы и за четверть века значительно расширил ареал его научно-исследовательской деятельности, обеспечивая его стабильное развитие и подготовку кадров. Начиная с 1962 года, в составе Института были созданы новые подразделения – лаборатории рудных месторождений, геохронологии и химии изотопов, экспериментальной петрографии и минералогии, минералогии и геохимии редких элементов, физических методов исследования, геофизики и др. Только в руководимой им лаборатории было открыто более 20 новых минералов, таких как раит, кейвит, колфанит, борнеманит, канасит и др. (А. В. Волошин, Ю. П. Меньшиков, И. В. Буссен, М. Д. Дорфман и др.). И. В. Бельков постоянно заботился о росте квалификации сотрудников, лично руководил работой аспирантов, пятеро из которых успешно защитили кандидатские диссертации (С. Суслова, И. Батиева, А. Барабанов, А. Волохонский, М. Федотова). В завершающий год его руководства Институтом на 01.01.1986 г. в состав ГИ входило 16 лабораторий с общим числом работников — 409 человек, в том числе 147 научных сотрудников, из которых — 10 докторов и 69 кандидатов наук. Под его редакцией вышло более 40 изданий, в том числе 10 выпусков «Материалов по минералогии Кольского полуострова» [Батиева, 2002: 21–28].

Большое внимание И. В. Бельков уделял исследованиям, связанным с изучением апатито-нефелиновых, медно — никелевых, железорудных, редкометалльных и других месторождений, а также решению проблем комплексного использования руд. Под его руководством были выполнены работы, способствующие увеличению запасов минерального сырья и расширению базы апатитовой, медно-никелевой, железорудной и других отраслей горнорудной промышленности Кольского полуострова. Будучи членом Президиума Кольского филиала АН СССР (1953-1987 гг.), И. В. Бельков

активизировал решение принципиальных вопросов развития новых научных направлений в Кольском филиале АН СССР, рождавшихся «в недрах» Геологического института — Горного института, Института химии и технологии редких металлов, Института экономики и др. Наиболее плодотворным в этом направлении было сотрудничество И. В. Белькова и сотрудников его лаборатории с обогатителями Горного института КФАН СССР по вопросам совершенствования процессов комплексного обогащения апатито-нефелиновых, медно-никелевых, железных, кианитовых и редкометалльных руд Хибин, Ловозера, Кейв и других месторождений.

Научные сессии, региональные и всесоюзные научные конференции, проводимые на базе Геологического института, традиционно дополнялись геологическими экскурсиями. Так, незабываемое впечатление осталось у участников 27 Международного геологического конгресса, проходившего в Москве в 1984 году, от экскурсии по Кольскому полуострову, научным руководителем которой был И. В. Бельков. Присцилла Грю из Калифорнии, выразила свою признательность в письме, адресованном И. В. Белькову: «На маленькой станции в Апатитах делегатов встречали кольские геологи с букетами маргариток, еще влажных от утренней росы. Затем всех повезли в гостиницу «Аметист», чтобы они смогли переодеться в полевую форму. Потом отправились на озеро Воче-Ламбина, чтобы увидеть самое сердце щита Фенноскандии, гранитно-гнейсы, которым 3.2 млрд лет, серые дрехейские обнажения в открытой взору тайге из ели и серебристой березы» [Батиева, 2007: 175–176]. «Русские дали Присцилле свои высокие черные сапоги, чтобы ноги находились в тепле и не промокли, а она предоставила им возможность испробовать американское средство от комаров. Совместные международные эксперименты показали, что продукция фирмы «Каттер» действует на советского комара должным образом. ...Следующий день был по-настоящему волнующим - представилась возможность исследовать удивительное хибинское кольцо интрузий различных нефелиновых сиенитов - одно из самых больших в мире...», - вспоминают участники экскурсии [Батиева, 2007: 175-176].

С особой заботой И. В. Бельков относился к организации минералогического музея в институте, для комплектования которого в программу полевых отрядов Геологического Института обязательно включалась задача сбора образцов для музея. «И. В. Бельков уделял огромное внимание организации и развитию Музея геологии и минералогии в Геологическом институте и был, по сути, его создателем и руководителем до конца жизни. Понимая важнейшую научную и общественно-просветительскую роль музея в регионе с уникальной минералогией и богатейшими месторождениями полезных ископаемых, уже в первые послевоенные годы он начал создавать коллекцию. Изначально небольшие рабочие собрания, собственные и сотрудников института, превратились со временем в богатые и красочные музейные экспозиции. Свое увлечение музеем, стремление сделать его очагом культуры, дать людям полноценную информацию о минеральных богатствах Кольского полуострова И. В. Бельков передал сотрудникам института. Большой вклад в развитие музея сделали его коллеги Т. В. Новохатская и М. Г. Федотова, в разное время заведовавшие музеем. Под руководством И. В. Белькова они добились того, что музей стал известным не только в нашей стране, но и за ее пределами. В настоящее время музей

выполняет не только просветительскую, но и образовательную работу – на базе музея обучаются студенты различных специальностей. Коллекции И. В. Белькова помогают им в получении знаний по минералогии, петрографии и полезным ископаемым нашего края», — вспоминают сотрудники Музея [Борисова, Волошин, 2007: 12–13].

Будучи великолепно образованным представителем русской интеллигенции не в одном поколении, И. В. Бельков способствовал распространению и популяризации знаний о полезных ископаемых Кольского Севера, 25 лет возглавляя Кольское отделение Минералогического общества и руководил деятельностью апатитского общества «Знание». Д. Л. Мотов вспоминает: «И. В. Бельков — это многогранная личность и не случайно по отношению к Минералогическому обществу он выступает для нас в одной упряжке с А. В. Сидоренко. В памяти как ровесники они оказались рядом: академик А. В. Сидоренко и д.г.-м.н. И. В. Бельков» [Мотов, 2007: 32].

Автор более 200 научных работ, 164 из которых опубликовано (в т.ч. 11 монографий), И. В. Бельков все свободное время от научной и организационной деятельности посвящал живописи, любовь к которой сопровождала его всю жизнь.

По воспоминаниям И. Д. Батиевой, свои первые северные пейзажи маслом он начал писать весной 1949 г., и с той поры творчество стало для него отдыхом от напряженной работы. Поскольку свободного времени для рисования было мало, он рисовал в обеденный перерыв, в редкие свободные вечера, выходные дни, в отпуске. Обладая уникальной энциклопедической памятью и редким чувством цвета, он дома легко наполнял цветом, сделанные на полевых работах и в путешествиях карандашные наброски. И. Д. Батиева вспоминает: «Только один раз на полевые работы мы брали мольберт и краски. Но лодка, на которой спускались по порогам реки Ачи, перевернулась и все эскизы были в воде, да, к тому же, комары и мошки толстым слоем ложились на масляные краски, не успевающих высохнуть эскизов. Большинство его картин посвящено природе Кольского края, но, бывая в Италии, Индии, на Кубе, в Африке, Средней Азии, Кавказе он также писал этюды. Н. Рыжова в газете «Советский Мурман» писала: «Природа для геолога - не живописные места, куда художник выезжает на этюды, а рабочее место». Тем не менее, Игорь Владимирович и многие сотрудники Геологического института после каждой экспедиции вместе с образцами пород и минералов привозили наброски будущих картин. В День геолога по традиции устраивали шашлык из оленины на природе и выставки работ самодеятельных художников в институте. В них участвовали А. Арманд, В. Капитонов, Л. Сазыкина, Ф. Пестерев, И. Никитин и др. Одним из наиболее активных организаторов и участников этих выставок был Игорь Владимирович. В Кольском филиале им был организован клуб художников-любителей «Сполох». Первым председателем выбрали его. Клуб самодеятельных художников «Сполох» за участие во Всесоюзном смотре самодеятельного художественного творчества, посвященного 40-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне был награжден дипломом газеты «Труд». На этой выставке выставлялись картины и Игоря Владимировича. Картины и этюды его выставлялись и ранее, начиная с 1958 года. При жизни они демонстрировались в Москве, Мурманске, Апатитах, Кировске. Благодарные зрители в «Книгах отзывов» и на страницах газет оставляли свои впечатления.

Он щедро дарил свои картины друзьям, коллегам из США, Канады, Финляндии, Дании, Франции, Румынии. Более 100 картин было продано на аукционах, организованных в пользу «Детского фонда им. В. И. Ленина». Уже после его смерти был подготовлен и вышел в Кольском научном центре РАН на русском и английском языке каталог его картин. В него вошли 552 картины и этюды. Картины Игоря Владимировича экспонируются на выставках и сейчас. За последние 12 лет они проводились в Культурном центре «Салма», в музеях пос. Кукисвумчорр, Кировска, Апатитов, Умбы, Кандалакши. «В музеях Геологического института и Кольского научного центра, в музее С.М. Кирова в Санкт-Петербурге, краеведческих музеях Кукисвумчорра и Ковдора есть его картины», — вспоминает И. Д. Батиева [Батиева, 2002: 29-30].

Имя И.В. Белькова носит Геологический музей ГИ КНЦ РАН, его именем назван минерал – бельковит. Многочисленные пейзажи Кольского Севера, написанные рукой И.В. Белькова, украшают частные коллекции и фонды музеев по всему миру, они представлены также на сайте Геологического института КНЦ РАН.

Случайно или нет – Игорь Владимирович Бельков родился в год свершения Великой Октябрьской революции и ушел в канун краха СССР, оставшись в отечественной истории одним из наиболее ярких представителей русской интеллигенции и советской науки.

Список сокращений

ВСНХ — Всесоюзный Совет народного хозяйства

ГИ КНЦ РАН — Геологический институт Кольского научного центра Российской академии наук

ИХТРЭМС — Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья

КНЦ — Кольский научный центр

КФАН СССР — Кольский филиал Академии наук Союза Советских Социалистических Республик.

НА — Научный архив Кольского научного центра Российской академии наук

РАН — Российская Академия Наук

СМИ — средства массовой информации

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ЦК КПСС — Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза

Источники

НА КНЦ РАН. Фонд 1. Президиум Ордена Ленина Кольского научного центра Российской академии наук. Опись 18. Документальные материалы Отдела кадров и аспирантуры (личные дела уволенных сотрудников) Кольской базы АН СССР — Кольского филиала им. С. М. Кирова — Кольского научного центра АН СССР — Кольского научного центра РАН за 1935–2002 гг. Личное дело Белькова Игоря Владимировича. № 2252 за 1946–1989 гг. Л. 301.

Список литературы

Батиева И. Д. Игорь Владимирович Бельков — организатор — ученый — художник — человек. Книга памяти. Воспоминания о замечательных сотрудниках Геологического института КНЦ РАН. Апатиты, 2002. С. 29–30.

Батиева И. Д. Игорь Владимирович Бельков. Хроника жизни. Апатиты: изд-во Кольского научного центра РАН, 2007. 205 с.

Борисова В. В., Волошин А. В. И. В. Бельков и его вклад в коллекцию Музея Геологического института КНЦ РАН // Труды Всероссийской научной конференции и IV Ферсмановской научной сессии, посвященные 90-летию со дня рождения акад. АН СССР А. В. Сидоренко и д.г.-м.н. И. В. Белькова. (Апатиты, 4–6 июня 2007 г.). Апатиты: Изд-во: К@М, 2007. С. 12–13

Мотов Д. Л. В памяти они рядом // Труды Всероссийской научной конференции и IV Ферсмановской научной сессии, посвященные 90-летию со дня рождения акад. АН СССР А. В. Сидоренко и д.г.-м.н. И. В. Белькова. (Апатиты, 4–6 июня 2007 г.). Апатиты: изд-во: К@М, 2007. С. 31–32

Ученые Кольского научного центра. 1930-2010. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2010. С. 62–63.

Сведения об авторах

Макарова Елена Ивановна

кандидат исторических наук, заведующая Научным архивом КНЦ РАН

Makarova Elena Ivanovna

Ph. D. (History), Head of the Scientific archive of the Kola Science Centre RAS

